

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Голубев Сергей Игоревич

**Монарх, нация и свобода: немецкая политическая лирика
последней трети XVIII века**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время)

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:

к.и.н., доцент

Медяков Александр Сергеевич

Москва

2016

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Актуализация национальной тематики в немецкой политической лирике рубежа 1760-1770-х гг.....	45
§ 1. Германские государства в середине XVIII столетия. Политические и социально-экономические предпосылки оживления общественной жизни на рубеже 1760-1770-гг.....	45
§ 2. Немецкая поэзия середины XVIII века на пути к политизации.....	51
§ 3. Особенности жизненного пути и творчества Ф.Г. Клопштока.....	58
§ 4. Поиск модели идеального устройства «немецкого общества».....	65
4.1. «Немецкий народ» как единая культурно-этническая общность.....	66
4.2. Постановка проблемы политического объединения «немцев».....	72
4.3. Установление причин сохранения политической раздробленности....	78
§ 5. От теории к практике: усилия Ф.Г. Клопштока по воплощению своих политических идей.....	84
5.1. Немецкая поэзия и язык: от упадка к возрождению.....	84
5.2. В поисках нового «Германа»: политика немецких монархов в оценках поэта.....	88
Глава 2. «Свободы и отечества!»: новые национально-политические принципы 1770-1780-х гг.....	101
§ 1. Поэтический «Союз рощи» и идейно близкие к нему авторы.....	101
§ 2. Особенности национально-политических взглядов авторов.....	109
2.1. Идейное наследие Ф.Г. Клопштока как основа национальных представлений поэтов.....	109
2.2. Негативизация образа немецкого монарха.....	114
2.3. «Свобода» как общечеловеческая и политическая ценность.....	118
2.4. «Свобода – меч неистовствующих народов»: постановка проблемы права народа на восстание.....	123
2.5. Контуры «свободного отечества».....	128

§ 3. Социальные представления поэтов как отражение их политических воззрений.....	133
3.1. Немецкая знать как социальная опора монархической власти.....	136
3.2. Крестьянство: «немецкое», но не «свободное».....	139
3.3. «Патриоты»: тип личности и его социальное преломление.....	145
Глава 3. Идеиная поляризация в немецкой политической лирике 1790-х гг.....	153
§ 1. Немецкие княжества и Французская революция. Французская революция глазами немецкой общественности.....	153
§ 2. Дифференциация воззрений «дореволюционных» немецких авторов.....	157
2.1. От «братьев-франков» до «западных гуннов»: утверждение национально-консервативного направления.....	158
2.2. Дальнейшее развитие протолиберального подхода.....	167
§ 3. Формирование радикально-демократического направления в политической лирике немецких демократов.....	175
3.1. Основополагающие политические принципы.....	176
3.2. Трактовка революционных событий.....	181
3.3. Специфика национальных воззрений.....	185
Заключение.....	194
Библиография.....	200

Введение

Восемнадцатому веку, веку Просвещения, принадлежит особая роль в историческом развитии государств европейского континента. Монархические основы их политического устройства достигли в этот период пика своего развития. Вместе с тем, в кругах образованных интеллектуалов росло недовольство таким положением дел. Старые принципы легитимации власти начали подвергаться сомнению со стороны наиболее активной и критически настроенной части общества. Данная проблема, характерная практически для всех европейских государств, имела особенное преломление на немецкой почве.

Германия середины XVIII столетия представляла собой сложную мозаику нескольких сотен фактически независимых друг от друга территориальных княжеств, скреплённых тонкой оболочкой Священной Римской империи. Немецкие государства к этому времени окончательно восстановили свой экономический и демографический потенциал, подорванный Тридцатилетней войной (1618-1648), что позволило им вывести свою политическую активность на новый уровень. Это обернулось самыми масштабными за долгие десятилетия военно-политическими конфликтами между ними – войной за Австрийское наследство (1740-1748) и Семилетней войной (1756-1763), которые положили начало вековому противостоянию королевства Пруссии и австрийских владений Габсбургов за лидерство в германском мире.

Обострение политической обстановки в середине XVIII века на фоне предыдущего длительного периода мирного и поступательного развития побуждало немецкое общество к осмыслению происходящих изменений и одновременно предоставляло для такового подходящий материал. С 1760-х гг. немецкие интеллектуалы резко усилили свой интерес к национально-политической проблематике. Одним из главных выразителей этого интереса

стала литературная традиция, породившая такое замечательное своё явление, как политическая лирика.

Немецкая политическая лирика последней трети XVIII века была представлена целым рядом различных по своей значимости поэтов, таких как Ф.Г. Клопшток (1724-1803), К.Ф.Д. Шубарт (1741-1791), Г.А. Бюргер (1747-1794), И.Г. Фосс (1751-1826), Фр. Штольберг (1750-1819), И.М. Миллера (1750-1814), Л.Г.Х. Гёльти (1748-1776), Фр. Лене (1771-1836), Г. Шаллер (1762-1831), Е. Шнейдер (1756-1794), Г. Зивекинг (1751-1799), Ф.А. Брёмбзен (1741-1797), Р. Сутер (1766-1827), а также большим количеством анонимных авторов. Она концентрировала в себе видение значительной части активной и образованной прослойки немецкого общества текущего положения дел в германских государствах и оптимальных вариантов их дальнейшего развития. В силу этого изучение политической лирики следует признать необходимым и, одновременно, продуктивным для исследования общественно-политических настроений того времени.

Объектом исследования выступает немецкий общественно-политический дискурс последней трети XVIII века, нашедший своё выражение в немецкой политической лирике рассматриваемого периода.

Предмет исследования составляют общественно-политические идеи, отразившиеся в политической лирике того времени.

Цель исследования заключается в реконструкции содержащегося в немецкой политической лирике набора идеологических представлений национальной, политической и социальной направленности. Достижение заявленной цели требует выполнения следующих исследовательских **задач**:

- выявить на основе анализа немецкой политической лирики национальные, политические и социальные воззрения её авторов;
- классифицировать выявленные идейные представления по отдельным направлениям немецкой общественной мысли;
- установить влияние происходящих в рассматриваемый период времени крупных исторических событий (таких, например, как события

Французской революции) на формирование и возможную эволюцию данных идейных направлений;

- определить возможное сходство выраженных в политической лирике рассматриваемого времени идей с общественно-политическими представлениями последующего времени.

Данные задачи являются одновременно и смысловыми ограничителями темы, рассмотрение других её аспектов не предполагается. В то же время представляется, что выполнение этих задач позволит достичь первоначально заявленной цели работы.

Хронологические рамки исследования простираются с рубежа 1760-1770-х гг. до конца XVIII столетия. Нижняя граница обозначает начало оживлённой разработки немецкими авторами политической и национальной тематики. Разразившаяся в 1789 году Французская революция знаменует собой продолжение обсуждения данных вопросов в новых условиях и поэтому является следующим важным для настоящей работы временным рубежом. Верхняя граница исследования обусловлена значительным уменьшением активности авторов к концу 1790-х гг. вследствие снижения общего накала общественно-политической ситуации в германских землях. Установленные хронологические границы соответствуют границам деятельности авторов одного «интеллектуального поколения»: практически все из них вступили в политическую полемику в 1770-е гг. и к концу века вследствие тех или иных причин завершили участие в ней. Выбранный период обладает также довольно чёткой замкнутостью и внутренней идейной завершенностью по сравнению с начавшимся в первые годы 19 в. следующим этапом немецкого общественно-политического дискурса, решающим фактором которого явилось изменение самих социально-политических основ существования германских государств в ходе активного вмешательства наполеоновской Франции в их внутренние дела.

Для достижения цели и решения поставленных задач в работе используется классический набор *методов* исторического исследования,

включающий в себя проведение системного, сравнительного и хронологического анализа источников и научной литературы¹. Их применение позволит выделить в выявленном комплексе общественно-политических представлений отдельные идейные течения, определить сходства и различия между ними и проследить их эволюцию. Из специальных методов исторических исследований следует отметить использование при изучении источникового материала элементов *контент-анализа*², выразившееся в вычленении в текстах круга политически значимых категорий (таких, как «отечество» («Vaterland»), «народ» («Volk»), «Германия» («Deutschland»), «немцы» («die Deutschen»), «свобода» («Freiheit») и т.п.) с подсчётом частоты и рассмотрением контекста их употребления у конкретных авторов, тем самым обеспечивая более точную реконструкцию их политических взглядов и классификацию последних по отдельным направлениям.

В основе *методологии* исследования лежат теоретические подходы в отношении самого феномена немецкой политической лирики как исторического исследования³.

¹ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003; Бочаров А. В. Алгоритмы использования основных научных методов в конкретно-историческом исследовании. Томск, 2007.

² Количественные методы в исторических исследованиях. Под ред. Н.Б.Селунской. М., 2014. С. 123-171.

³ См. в особенности: Stein P. Theorie der Politischen Dichtung. München, 1973; Wilke J. Das «Zeitgedicht». Seine Herkunft und frühe Ausbildung. Meisenheim am Glan, 1974. А также см.: Schneider P. Politische Dichtung. Ihre Grenzen und Möglichkeiten // Der Monat. № 17. 1965. S. 68-77; Günther J.K. Zwischen verlorenem Paradies und Utopie. Politische Dichtung in Deutschland // Günther J.K. Übergänge. Probleme und Gestalten der Literatur. Bern/ München, 1966; Enzensberger H.M. Poesie und Politik // Enzensberger H.M. Einzelheiten II. Poesie und Politik. Frankfurt a.M., 1970. S. 113-137; Zürcher G. Reflexion und Agitation. Zu Begriff und Praxis des politischen Gedichts // Theobaldy J. Zürcher G. Veränderung der Lyrik. Über westdeutsche Gedichte seit 1965. München, 1976. S. 76-130.

Немецкие исследователи выделяют в понятии «политическая поэзия» несколько смысловых уровней. Согласно «Реальному словарю истории немецкой литературы», наиболее авторитетной немецкой литературной энциклопедии, в наиболее широком и простом понимании она представляет собой любую художественную продукцию, каким-либо образом тематически затрагивающую общественно значимую – политическую, национальную, социальную и др. – проблематику⁴. В этом определении политическая лирика остаётся литературным фактом, присутствующим в различных национальных литературах на протяжении практически всего периода их существования (в немецкой литературе, видимо, с Вальтера фон дер Фогельвейде). Однако в определённых условиях качественная роль политической поэзии может измениться: она может стать устойчивым – главным или просто весомым наряду с другими – *средством обеспечения политической коммуникации*, той средой, в которой эта коммуникация осуществляется⁵. О такой политической лирике в узком или собственном смысле слова можно говорить лишь с появлением феноменов «общественности» вообще и «*политической общественности*» в частности («*politische Öffentlichkeit*»).

Вслед за классическими исследованиями Ю. Хабермаса, до сих пор остающимися наиболее авторитетными в данных вопросах, «общественность» описывается как сеть для осуществления коммуникации, отфильтровывающая информацию и синтезирующую её в информационные потоки, специфическим образом выкристаллизовывающиеся в общественное мнение⁶. По Ф. Нейдхардту, «общественность» как коммуникационная система – «открытый для участия каждого свободный форум» – собирает,

⁴ Politische Dichtung // Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft. Hrsg. von Müller J.D. Band III. Berlin, 2003. S. 120.

⁵ Ibidem.

⁶ Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Berlin, 1971.

перерабатывает и транслирует смыслы, точки зрения и суждения⁷. Если предметом этих суждений становятся политические темы, то такая общественность определяется как «политическая»⁸. Накладывая данную «идеально-типическую» схему на германский исторический материал, Ю. Хабермас сосредотачивает своё внимание на XVIII веке, связывая возникновение «политической общественности» с подъёмом немецких бюргерских слоев (термин «бюргерская общественность») и укреплением среди них со второй половины столетия особого политического самосознания, противопоставлявшего их как сообщество государству. Несмотря на то что в последние два десятилетия исследования по социальной истории и истории немецкого медиапространства раннего Нового времени несколько релятивизировали данную точку зрения⁹, положение о резкой интенсификации немецкой общественной жизни с середины XVIII века остаётся в силе. В этом смысле совпадение этого процесса с отнесением в современной литературе появления феномена политической лирики к последней трети XVIII века¹⁰ не представляется случайным.

Структура диссертации включает в себя введение, три главы, построенные по проблемно-хронологическому принципу, и заключение. В первой части исследования прослеживается историческое развитие немецких государств в XVIII столетии, показывается последовательный процесс политизации немецкой лирики, увенчавшийся деятельностью поэта Ф.Г. Клопштока, чьи национальные и политические воззрения будут подвергнуты подробному анализу. Вторая глава работы посвящена развитию заложенных поэтом идей в творчестве его последователей 1770-1780-х гг. – авторов

⁷ Neidhardt F. Öffentlichkeit, Öffentliche Meinung, Soziale Bewegung // Öffentlichkeit, Öffentliche Meinung, Soziale Bewegung. Hrsg. von Neidhardt F. Konstanz, 1997. S. 7-41.

⁸ Gerhards J. Öffentlichkeit // Politische Kommunikation in der demokratischen Gesellschaft. Hrsg. von Jarren O./ Sarcinelli S. Wiesbaden, S. 268-274.

⁹ См. например: Würzler A. Medien in der frühen Neuzeit. München, 2009.

¹⁰ Politische Dichtung // Reallexikon... S. 120.

литературного объединения «Союза роции» и других близких к нему писателей, существенным образом расширивших предметное поле рассматриваемых в своих произведениях актуальных общественно-политических проблем и качественно переосмысливших часть представлений своего предшественника. В третьей главе анализируются выраженная в политической лирике идейная реакция как продолживших своё творчество «дореволюционных», так и вступивших в общественную полемику новых авторов, на революционные события во Франции 1790-х гг.

Научная новизна диссертации в своей основе обусловлена общим малым вниманием в историографии ранним этапам развития немецкого политического дискурса второй половины XVIII столетия. При этом реконструкция части политического дискурса, выраженной в немецкой политической лирике 1770-1790-х гг., не осуществлялась, а комплексный анализ материала политической лирики с исторических позиций на предмет содержащихся в ней общественно-политических идей в принципе не проводился.

Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение немецкой политической лирики последней трети XVIII века позволит внести вклад в разработку дискуссионных проблем особенностей развития идейных оснований немецкой национальной и социально-политической мысли того времени.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования её выводов и материалов для проведения новых исследований по истории Германии, истории общественной мысли Нового времени, а также в преподавательской деятельности для подготовки общих и специальных курсов по данным дисциплинам.

Апробация результатов работы осуществлена в трёх публикациях в научных журналах, рецензируемых ВАК РФ¹¹, а также в докладе на научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2015»¹². Диссертация подготовлена, обсуждена и рекомендована к защите на кафедре новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Положения, выносимые на защиту:

1. Многообразие рассматриваемых в немецкой политической лирике последней трети XVIII в. общественно значимых проблем и подходов к их решению тематически сводится в два магистральных тесно связанных друг с другом идейных комплекса: с одной стороны, это попытки осмысления происходящих в германских государствах и вокруг них событий в рамках национальной перспективы, с другой, это изучение и оценка политического и социального устройства немецкого общества с указанием возможностей для их улучшения.

2. Особенности понимания поэтами категории «национального» и специфика их социально-политических взглядов демонстрируют тесную

¹¹ Голубев С.И. Национальные воззрения Фридриха Клопштока // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2014. № 5. С. 38-53; Голубев С.И. Политическая лирика немецких демократов эпохи Французской революции // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т.5. Выпуск 3 (26) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000974-0-1> (дата обращения: 20.09.2015); Голубев С.И. Немецкое общество накануне Французской революции в отражении немецкой политической лирики 1770–1780-х гг. // Вестник Ярославского государственного университета. 2015. № 3. С. 42-44.

¹² Голубев С.И. Критика политического устройства германских государств в немецкой политической лирике 1770-1780 гг. (К вопросу о времени возникновения традиции немецкого либерализма) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2015.

взаимозависимость друг с другом. Можно выделить три основных варианта-направления их сочетаемости.

3. Хронологически первый из них, сформулированный на рубеже 1760-1770-х гг., рассматривал немецкий национальный вопрос исключительно сквозь призму культурно-исторической парадигмы, на этом основании ставил проблему политического объединения германских государств и при этом не подвергал сомнению существующие на тот момент в них устои политического и социального строя.

4. Другой вариант, предложенный в 1770-1780-е гг., органично дополнял базовый культурно-исторический подход в национальном вопросе политическими принципами протолиберальной направленности – десакрализацией фигуры правителя, утверждением принципа народного суверенитета, провозглашением права народа на восстание, объединённые общим требованием вернуть «немецкому отечеству» «свободу».

5. Сформулированный в 1790-е гг. третий вариант сочетания «национального» и «социально-политического» подразумевал радикальное развитие принципов протолиберальной направленности за счёт объявления абсолютизации ценностей политической «свободы», социального «равенства» и торжества «закона», что привело к пересмотру самого культурно-исторического подхода в понимании «национального» и провозглашению нации в качестве гражданского объединения, воплотившего в жизнь упомянутые выше социально-политические принципы.

6. Сравнение трёх вариантов сочетаний национальных и социально-политических воззрений показывает, что первоначально заложенная национальная культурно-историческая матрица явила свою наибольшую идейную устойчивость среди авторов, отличавших более умеренными социально-политическими взглядами, начиная размываться в случае повышения степени радикальности социально-политических убеждений её носителя.

7. Немецкая политическая лирика последней трети XVIII в. не обозначила какого-либо одного магистрального направления-«победителя», предложив различные варианты ответов на вопросы, что есть «немецкое отечество» и что важнее, оно или «свобода», оставив это дело эпохе Освободительных войн и Предмарта. Однако она в значительной мере подготовила идейную почву для последующей полемики, а предъявляемые ей политические положения и подходы сохраняли свою актуальность в расширенном, конкретизированном и изменённом виде в долгосрочной перспективе развития немецкой общественно-политической мысли.

Настоящее исследование опирается на анализ широкой *источниковой базы*. Её основу составляют *произведения немецких авторов*, представивших в своем творчестве многочисленные *образцы политической лирики последней трети XVIII века*.

Под политической лирикой понимались поэтические произведения, в которых национальная, политическая и социальная проблематика выражалась *непосредственно* и носила конкретно-политический, а не абстрактно-философский характер. Наиболее характерными жанрами немецкой политической лирики в рассматриваемое время являлись жанры оды, гимна, идиллии, песни и эпиграммы, каждый из которых имел свою функциональную нагрузку¹³. *Ода* как жанр «высокого стиля», художественный язык которой должен был иметь «торжественное» звучание, а тематика носить «государственно» значимый характер, удобно подходила для рассмотрения национальной проблематики. *Гимн*, уже утративший к этому времени свою традиционную религиозную направленность, оказался

¹³ См. об этом подробнее в: Pütz P. Aufklärung // Geschichte der politischen Lyrik in Deutschland. Hrsg. von W.Hinderer. Würzburg, 2007. S. 123-150.

востребован в качестве жанра, воспевающего определённые политические ценности своего времени – «свободу», «равенство» и т.п. Жанр *идиллии*, с сюжетной точки зрения традиционно представляющий собой идеализирующие описания различных сторон пасторальной жизни, стал использоваться для выражения критических воззрений на социальное устройство немецкого общества, например, посредством изображения тяжелого крестьянского существования в условиях крепостного права. Обращение к жанру *песни* давало удобную возможность голосом «народа» сформировать представления о благополучии или неблагополучии жизни его различных социальных слоёв, отсюда появление «солдатских», «крестьянских» и иных песен. *Эпиграмма* как малый сатирический жанр, призванный в краткой, но ёмкой форме, выразить отношение к тому или иному событию или персонажу, наилучшим образом подходила для критических оценок действий немецких монархов и представителей высшего света. Таким образом, немецкая политическая лирика последней трети XVIII века, будучи достаточно пёстрым явлением в жанровом литературном плане, отличалась общим кругом затрагиваемых тем и вопросов, позволяющим рассматривать её как целостный феномен, способный быть источником для *исторического исследования*.

Теперь необходимо обозначить *круг авторов* политической лирики. Его рассмотрение неизбежным образом требует краткого обзора общих направлений и стилей, к которым принадлежали или на фоне которых они творили.

Немецкую литературу XVIII столетия принято относить к литературе эпохи Просвещения. Идейной основой данного этапа истории культуры обычно определяют культ разума - силы, представлявшейся мыслителям того времени способной преобразовать текущие формы жизненного устройства в самом широком смысле этого слова на более правильной, справедливой, «разумной» основе. Художественным воплощением идеалов Просвещения стал классицизм, каноны которого были привнесены в немецкую литературу

писателем И.К. Готшедом (1700-1766) в 1730-е гг. В то же время, с самого начала эта классицистическая линия столкнулась на немецкой почве с оппозиционной ей альтернативной эстетикой, провозглашённой так называемыми «швейцарцами» - литераторами И.Я. Бодмером (1698-1783) и И.Я. Брейтингером (1701-1776). Последняя противопоставляла догматичности и схематизму канонов классицизма ценности свободы формы и реализации творческого воображения, в дополнение к силе разума подчёркивала ценность чувств. Взаимодействие и соперничество этих двух художественных направлений было характерно для немецкой литературы на протяжении всего оставшегося века. В конце 1760-х гг. критическая по отношению к классицизму линия быстро и резко усиливается и начинает практически в одиночку определять культурное лицо 1770-1780-х гг. Выразителем этого процесса, шедшим в его авангарде, был выдающийся немецкий поэт **Ф.Г. Клопшток** (1724-1803) – первый автор, творчество которого станет предметом подробного анализа в настоящей работе в силу его выдающейся роли в постановке национальной проблематики в немецкой политической лирике на рубеже 1760-1770-х гг.¹⁴.

С начала 1770-х гг. в немецкую литературу вступила целая группа молодых авторов, рассматриваемых литературоведами в качестве широкого движения, получившего название «*Бури и натиска*». В центре внимания философии представителей движения стояла личность, наделённая чертами крайнего индивидуализма, но в то же время ведущая гармоничный с окружающей средой образ жизни, являющаяся и сознающая себя частью мироздания. Мотив естественного существования человека переплетался у них с верой в силы и возможности последнего. Отсюда - воспевание борьбы за реализацию собственного «я». Уже на данном уровне - уровне

¹⁴ Детальный обзор жизни и творчества Ф.Г. Клопштока будет произведён в §3 первой главы диссертации в силу особой важности рассмотрения данных вопросов в непосредственной связи с последующим анализом его произведений сообразно целям и задачам настоящего исследования.

эстетических идеалов - заложен потенциал, предопределяющий оппозиционное отношение к окружающей действительности и подспудно характерный для всех представителей движения, но выразившийся среди них различным образом. В творчестве так называемых «рейнских гениев» - молодого И.В. Гёте (1749-1832), Ф.М. Клингера (1752-1831), Я.М.Л. Ленца (1751-1792), Г.Л. Вагнера (1747-1779) – эта оппозиционность носила отстранённый от конкретно-политической тематики характер. Это обстоятельство выдвигает на первый план изучения творчество авторов, часто определяемых в качестве радикального, «левого»¹⁵ в терминологии советского литературоведения крыла движения «Бури и натиска»: поэтического объединения «Союз рощи» - **И.Г. Фосса** (1751-1826), **Фр. Штольберга** (1750-1819), **И.М. Миллера** (1750-1814), **Л.Г.Х. Гёльти** (1748-1776) и др., а также идейно близких к ним **Г.А. Бюргера** (1747-1794) и **К.Ф.Д. Шубарта** (1741-1791)¹⁶.

Значительная часть из указанных выше авторов продолжила свою деятельность в период революционных потрясений 1790-х гг. В то же время, в этот период немецкая политическая лирика пополнилась новыми, зачастую откровенно политически ангажированными авторами, в массе представлявших собой радикальных сторонников Французской революции – так называемых *немецких демократов*, поэтическое наследие которых необходимым образом является материалом для соответствующего анализа в настоящей работе. Среди наиболее важных известных поэтов следует назвать имена **Фр. Лене** (1771-1836), **Г. Шаллера** (1762-1831), **Е. Шнейдера** (1756-1794), **Г. Зивекинга** (1751-1799), **Ф.А. Брёмбзена** (1741-1797), **Р. Сутера**

¹⁵ История немецкой литературы. Т.2. М., 1963. С. 280.

¹⁶ Детальный обзор жизни и творчества будет произведён в §3 первой главы диссертации в силу особой важности рассмотрения данных вопросов в непосредственной связи с последующим анализом его произведений сообразно целям и задачам настоящего исследования.

(1766-1827). Особой чертой для данного направления политической лирики являлось наличие значительного пласта *анонимных* стихотворений.

Дав общую характеристику немецкой политической лирики последней трети XVIII в. и обозначив круг её авторов в контексте литературных и поэтических течений того времени, следует обратиться к рассмотрению использованных в работе *публикаций* рассматриваемых источников. Они представляют собой различные типы печатных изданий – сочинения отдельных авторов, сборники-антологии политической лирики, политические журналы рассматриваемого периода, содержащие её образцы на своих страницах, публикации отдельных листовок и воззваний того времени.

В отношении публикаций сочинений наиболее значимых для настоящей работы авторов необходимо констатировать, что только для малой части из них на сегодняшний день имеются современные полные научные критические издания их произведений. Для Клопштока таковым является так называемое «Гамбургское издание»¹⁷, осуществляемое с 1974 г. До сих пор не завершённое, оно, однако, уже включает в себя его произведения, представляющие главный интерес для настоящей работы (драматическая трилогия о древнегерманском вожде Германе¹⁸, а также основные лирические произведения – оды¹⁹ и эпиграммы²⁰). Современные критические издания имеются также для поэтов Бюргера²¹ и Гёльти²².

Для наиболее полного рассмотрения творческого наследия остальных авторов необходимо использование различных публикаций их произведений.

¹⁷ Klopstock F.G. Werke und Briefe. Historisch-kritische Ausgabe. Hrsg. von Höpker-Herberg E./Gronemeyer H./Hurlebusch K./Hurlebusch R.-M. Berlin/NY, 1974–.

¹⁸ Klopstock F.G. Werke und Briefe. Abteilung Werke. Band VI (1). Hermann-Dramen. Berlin/NY, 2009.

¹⁹ Klopstock F.G. Werke und Briefe. Abteilung Werke. Band I (1). Oden. Berlin/NY, 2010.

²⁰ Klopstock F.G. Werke und Briefe. Abteilung Werke. Band II. Epigramme. Berlin/NY, 1982.

²¹ Bürger G. A. Sämtliche Werke. Hrsg. von G. und H. Häntzschel. München, 1987.

²² Hölty L. Gesammelte Werke und Briefe. Hrsg. von Hettche W. Göttingen, 1998.

В отношении части из них - Шубарта²³, Фосса²⁴, Штольберга²⁵ - в первой половине XIX в. были изданы обширные посмертные собрания сочинений, представлявшие для своего времени серьёзное достижение немецкого литературоведения и отчасти сохраняющие своё значение по сегодняшний день, однако в значительной степени в силу накопленных новых данных не отвечающие стандартам научного издания уже к концу века. Из осознания данного факта немецкими исследователями в этот период были выпущены несколько изданий, призванных на качественно новом уровне заменить устаревшие публикации хотя бы в части творческого наследия рассматриваемых авторов. Важность этих работ обусловлена тем, что по большинству поэтов (за исключением Фосса) таких попыток с тех пор не предпринималось и издания тех лет до сих пор остаются лучшими из имеющихся. Для Шубарта таковым является издание Г. Хауфа 1894 г.²⁶. В отношении поэтического наследия авторов «Союза роши», в особенности, Фр. Штольберга и И.М. Миллера, ключевой публикацией до сих пор остаётся 3-х томное комментированное издание А. Зауэра конца XIX в.²⁷, о чём, в частности, свидетельствует его полное переиздание в 1970-е гг. В отношении Фосса относительно полным и важным с содержательной точки зрения помимо данного коллективного издания является также выпущенное в ГДР издание, подготовленное историком движения немецких якобинцев Г. Фёгт²⁸. Новые публикации избранных сочинений поэта для настоящей работы

²³ C.F.D. Schubart's des Patrioten gesammelte Schriften und Schicksale in 8 Bd. Stuttgart, 1839-1840.

²⁴ Voß J.H. Sämtliche poetische Werke. Leipzig, 1835.

²⁵ Stolberg Ch., Stolberg F.L. Gesammelte Werke. In 10 Bd. Hamburg, 1820-1825.

²⁶ Schubart C.F.D. Gedichte. Historisch-kritische Ausgabe hrsg. von Hauff G. Leipzig, 1894.

²⁷ Der Göttinger Dichterbund. Hrsg. von Sauer A. Bd. 3. Stuttgart, 1887-1895.

²⁸ Voß J.H. Werke. In einem Band hrsg. von Voegt H. Berlin, 1972.

ценны, прежде всего, современным научным аппаратом и сопроводительными комментариями²⁹.

Помимо изданий сочинений отдельных авторов, большую роль для настоящей работы играют немногие сборники-антологии немецкой политической лирики, включающей в себя произведения малоизвестных или анонимных поэтов³⁰. Необходимо особо указать на издания из известной многотомной серии 1920-1930-х гг. «Немецкая литература в её развитии», где для политической лирики выделена отдельная подсекция (что само по себе весьма показательно), первые два тома которой посвящены рассматриваемому в работе периоду³¹.

При анализе радикальной политической лирики немецких демократов времен Французской революции первостепенное значение будут иметь различные типы печатной продукции 1790-х гг. Во-первых, это авторские собрания стихотворений наиболее выдающихся поэтов-демократов³². Во-вторых, это сборники-антологии³³, включающие много анонимных

²⁹ Voß J.H. *Ausgewählte Werke*. Hrsg. von Hummel A. Göttingen, 1996; Voß J.H. *Gedichte*. Auswahl und einführende Texte von Langenfeld K. Husum, 2001.

³⁰ *Noch ist Deutschland nicht verloren. Eine historisch-politische Analyse unterdrückter Lyrik von der Französischen Revolution bis zur Reichsgründung*. Hrsg. von Grab W./Friesel U. München, 1970.

³¹ *Deutsche Literatur in Entwicklungsreihen. Reihe Politische Dichtung*. Bd. 1: *Vor dem Untergang des alten Reiches (1756-1795)*. Bearb. von Emil Horner. Leipzig, 1930; Bd. 2: *Fremdherrschaft und Befreiung (1795-1815)*. Bearb. von Robert I Arnold. Leipzig, 1932.

³² Conz K.P. *Gedichte*. 2 Bde. Zürich, 1806; Lehne F. *Versuche republikanischer Gedichte*. Straßburg, 1795; Schaller G.J. *Gesänge auf alle Dekaden- und Volksfeste der Franken*. Straßburg, 1798; Schneider E. *Gedichte*. Frankfurt, 1790.

³³ *Allgemeines Liederbuch des deutschen Nationalgesanges*. Altona, 1798; *Dekadische Lieder für die Rheinländer*. Frankenthal o. J.; *Freiheitsgedichte*. In 2 Bde. Paris, 1797; *Liederlese für Republikaner zur Feier der Dekaden und republikanischen Festtage*. Koblenz, 1799; *Lieder der Freiheit gewidmet. Beitrag zur Unterhaltung für gebildete Stände*. Altona, 1795; *Poetische Sammlungen zur Erweckung des Gefühls für Menschenwürde*. 1795; *Sammlung verschiedener*

произведений-перепечаток из широко распространяемых воззваний и листовок того времени и представляющие поэтому особую ценность. В-третьих, большое значение имеет изучение немецких политических журналов радикальной направленности³⁴, выходивших, чтобы не попасть под цензурные ограничения, в городах, на которые юрисдикция Священной Римской империи де-юре (Страсбург) или же де-факто (Альтона, пригород Гамбурга) не распространялась. Именно они стали основным местом издания немногочисленных стихотворений таких авторов, как Г. Зивекинг, Ф. А. Брёмбзен, Р. Сутер и др.

Исключением в этом ряду печатных источников 1790-х гг. является единственная современная научная антология политической лирики немецких демократов, которая, будучи небольшой по объему, служит своеобразным «компасом» в библиографическом многообразии источников конца XVIII века и поэтому представляется незаменимым подспорьем в её изучении³⁵.

Gedichte und Freiheitslieder gesammelt von einem Freund der Freiheit. Landau, 1797; Taschenbuch der Ueber auf 1800. Deutz, jenseits Köln, 1800; Taschenbuch für Freunde des Gesanges. Stuttgart, 1796; Zuchtspiegel für Fürsten und Hofleute. Paris, 1799; Zuchtspiegel für Adliche. Zuchtspiegel für Theologen und Kirchenlehrer. Zuchtspiegel für Eroberungskrieger, Advokaten und Ärzte. Hrsg. von Laukhard F.C. Paris, 1799.

³⁴ Argos, oder der Mann mit hundert Augen. Hrsg. von Schneider E. Straßburg, 1792-1793; Das neue graue Ungeheuer. Hrsg. von einem Freunde der Menschheit. Upsala-Altona, 1795-1798. (Hrsg. von Andreas Georg Friedrich Rebmann); Der neue Mensch. Hrsg. von Meyer G. C. Flensburg, 1796-1797; Der Patriot. Hrsg. von Wedekind G. Mainz, 1792-1793; Die Geißel. Herausgegeben von Freunden der Menschheit. Upsala-Altona, 1797-1799. (Hrsg. von Andreas Georg Friedrich Rebmann); Die Schildwache. Hrsg. von Rebmann G. F. Paris-Altona, 1796-1797; Neuer Niedersächsischer Merkur, als Beilage zum Neuen Grauen Ungeheuer. Upsala-Altona, 1797; Niedersächsischer Merkur, sehr vermischten Inhaltes. Altona-Hamburg, 1792. (Hrsg. von Friedrich Wilhelm von Schütz)

³⁵ Gedichte und Lieder deutscher Jakobiner. Stuttgart, 1971.

В заключение необходимо указать практически полное отсутствие переводов рассматриваемых авторов и произведений на русский язык. Тем не менее, нельзя не упомянуть о полезном для настоящей работы издании избранных стихотворений и отрывков из некоторых прозаических произведений Шубарта, подготовленным выдающимся отечественным германистом В.М. Жирмунским³⁶.

Таким образом, источниковую базу исследования следует признать достаточной для достижения поставленных в работе целей.

Специфика исследовательской проблемы и материала для её решения требует обращения к *научной литературе* по широкому кругу затрагиваемых в диссертации вопросов. В ней можно выделить следующие тематические пласты: (1) работы по истории немецкой национальной идеи и немецкой социально-политической мысли последней трети XVIII столетия, (2) исследования немецкой политической лирики соответствующего времени с фокусом на изучение содержащихся в ней общественно-политических идей, а также (3) работы, посвящённые отдельным изучаемым авторам и их национальным, политическим и социальным взглядам.

1. *Исследования по истории немецкой национальной идеи и немецкой социально-политической мысли последней трети XVIII столетия*

Исследование истории немецкого национализма имеет долгую традицию. Она опирается на теоретические и методологические основы изучения феномена национализма, заложенные первоначально в трудах Г.

³⁶ Немецкие демократы XVIII века. Шубарт, Форстер, Зейме. М., 1956.

Кона, К. Дойча, М. Гроха³⁷, а впоследствии дополненные в работах Э. Геллнера, Э. Хобсбаума и Б. Андерсона³⁸, рассматривающие национализм в качестве феномена современности, порождённого процессами всеобъемлющей трансформации традиционного общества в Новое время. В соответствии с этим положением долгое время немецкая историография рассматривала в качестве основополагающего события в процессе возникновения немецкого национального дискурса – фактически, в качестве его начала – эпоху Наполеоновских войн, объясняя этот факт реакцией немецкой общественности на французское вторжение в германские земли. Она концентрировала своё внимание на изучении его развития в последующем историческом периоде – провозглашённом ею «национальным» XIX веке³⁹.

³⁷ Kohn H. *The Idea of Nationalism. A Study in Its Origins and Background*. N.Y., 1944; Deutsch K.W. *Nationalism and Social Communication*. N.Y., 1953; Hroch M. *Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas*. Prag, 1968.

³⁸ Геллнер Э. *Нации и национализм*. М., 1991; Хобсбаум Э. *Нации и национализм после 1780 г.* СПб., 1998; Андерсон Б. *Воображаемые сообщества*. М., 2001.

³⁹ См. важнейшие работы: Willms J. *Nationalismus ohne Nation. Deutsche Geschichte von 1789 bis 1914*. Würzburg, 1983; Schulze H. *Der Weg zum Nationalstaat. Die deutsche Nationalbewegung vom 18. Jahrhundert bis zur Reichsgründung*. München, 1985; Dann O. *Nation und Nationalismus in Deutschland 1770-1990*. München, 1993. Этот же подход разделяет Г.-У. Велер: Wehler H.-U. *Nationalismus und Nation in der deutschen Geschichte // Nationales Bewußtsein und kollektive Identität. Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewußtseins in der Neuzeit*. Bd. 2. Hrsg. von Berding H. Frankfurt a.M., 1994. S. 163-175; Echternkamp J. *Der Aufstieg des deutschen Nationalismus (1770-1840)*. Frankfurt a.M./N.Y., 1998; Wehler H.-U. *Nationalismus, Nation und Nationalstaat in Deutschland seit dem ausgehenden 18. Jahrhundert // Volk – Nation – Vaterland*. Hrsg. von Hermann U. Hamburg, 1996. S. 269-277. См. также работы англоязычной историографии: Mosse G.L. *The Nationalization of the Masses. Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich*. N.Y., 1975; *The state of Germany. The national idea in the making, unmaking and remaking of a modern nation-state*. Ed. by Breuilly J. New York, 1992.

Вместе с тем, корректность подхода к исследованию феномена под таким углом зрения стала вызывать некоторые сомнения, заключавшиеся в постулировании наличия идейных и организационных истоков немецкого национализма в исторических периодах задолго до XIX столетия и провозглашающие необходимость пристального исследования данного тезиса. Впервые подобные мысли были высказаны Г. Моммзен⁴⁰ и Г. Мюнклером⁴¹ во второй половине 1980-х гг., а также в отчётливом виде сформулированы позднее В. Хардтвигом⁴², заложив основу проблемы «национализма до национализма»⁴³. С тех пор немецкие исследователи выпустили ряд важных работ, посвящённых развитию немецкой национальной идеи в раннее Новое время⁴⁴, начиная с эпохи Возрождения⁴⁵.

⁴⁰ Mommsen H. Nation und Nationalismus in sozialgeschichtlicher Perspektive // Sozialgeschichte in Deutschland. Hrsg. von Schieder W./Sellin V. Bd. II. Göttingen, 1986. S. 162-185.

⁴¹ Münckler H. Nation als politische Idee im frühneuzeitlichen Europa // Nation und Literatur im Europa der Frühen Neuzeit. Akten des I. Internationalen Osnabrücker Kongresses zur Kulturgeschichte der Frühen Neuzeit. Hrsg. von Garber K. Tübingen, 1989. S. 56-86.

⁴² Hardtwig W. Vom Elitebewußtsein zur Massenbewegung. Frühformen des Nationalismus in Deutschland 1500-1840 // Hardtwig W. Nationalismus und Bürgerkultur in Deutschland 1500-1914. Göttingen, 1994. См. также другие статьи автора в этом сборнике.

⁴³ Nationalismus vor dem Nationalismus? Hrsg. von Hellmuth E./Stauber R. Hamburg, 1998.

⁴⁴ См. сборники статей по различным аспектам данной проблемы: Die deutsche Nation im frühneuzeitlichen Europa. Politische Ordnungen und kulturelle Identität? München, 2010; Förderative Nation. Deutschlandskonzepte von der Reformation bis zum Ersten Weltkrieg. Hrsg. von Langewiesche D., Schmidt G. München, 2000; Nationales Bewußtsein und kollektive Identität. Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewußtseins in der Neuzeit. Bd. 1. Hrsg. von Giesen B. Frankfurt a.M., 1991; Nationales Bewußtsein und kollektive Identität. Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewußtseins in der Neuzeit. Bd. 2. Hrsg. von Berding H. Frankfurt a.M., 1994; Wandruszka A. «Was ist des Deutschen Vaterland?» Reichspatriotismus und Nationalgefühl vom Dreißigjährigen Krieg bis zum Wiener Kongreß // Heiliges Römisches Reich und moderne Staatlichkeit. Hrsg. von Brauneder W. Frankfurt a.M., 1993. S. 161-168.

В данном контексте необходимо особо отметить исследования Г. Шмидта, посвящённые изучению так называемого «имперского патриотизма» в качестве особой формы немецкого национального сознания того времени⁴⁶. Отодвинутая в прошлое хронологическая граница начала немецкой национальной идеи и самого феномена немецкого национализма в целом породила проблему выявления общих черт и различий между его «современным» (XIX век и далее) и «ранним» (XV-XVIII вв.) состояниями, в связи с которой необходимо особо отметить работы У. Планерт⁴⁷ и Д. Лангевиеше⁴⁸, предпринявших попытку такой дифференциации.

⁴⁵ См. пионерскую монографию по данному вопросу: Münkler H., Grünberger H., Mayer K. *Nationenbildung: Die Nationalisierung Europas im Diskurs humanistischer Intellektueller: Italien und Deutschland*. Berlin, 1998. Новейшее фундаментальное исследования: Hirschi C. *Wettkampf der Nationen. Konstruktionen einer deutschen Ehrgemeinschaft an der Wende vom Mittelalter zur Neuzeit*. Göttingen, 2005. Также см.: Garber J. *Vom universalen zum endogenen Nationalismus. Die Idee der Nation im deutschen Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit // Dichter und ihre Nation*. Hrsg. von Scheuer H. Frankfurt a.M., 1993. S. 16-37; Grünberger H., Münkler H. *Nationale Identität im Diskurs der Deutschen Humanisten // Nationales Bewußtsein... Bd. 2. S. 211–248*.

⁴⁶ См. монографию: Schmidt G. *Geschichte des Alten Reiches. Staat und Nation in der Frühen Neuzeit 1495-1806*. München, 1999. А также ключевые статьи: Schmidt G. *Teutsche Kriege. Nationale Deutungsmuster und integrative Wertvorstellungen im frühneuzeitlichen Reich // Föderative Nation... S. 33-61*; Schmidt G. *Die frühneuzeitliche Idee "deutsche Nation". Mehrkonfessionalität und säkulare Werte // Nation und Religion in der deutschen Geschichte*. Hrsg. von Langewiesche D./Haupt H.-G. Frankfurt a.M., 2001, S. 33-67.

⁴⁷ Planert U. *Wann beginnt der «moderne» deutsche Nationalismus? Plädoyer für eine nationale Sattelzeit // Die Politik der Nation: Deutscher Nationalismus in Krieg und Krisen 1760-1960*. München, 2002. S. 25-60.

⁴⁸ Langewiesche D. «Nation», «Nationalismus», «Nationalstaat» in der europäischen Geschichte seit dem Mittelalter – Versuch einer Bilanz // *Föderative... S. 9-32*. См. также другие обобщающие его работы: Langewiesche D. *Nation, Nationalismus, Nationalstaat in Deutschland und Europa*. München, 2000.

Не осталась в стороне от данной историографической тенденции и интерпретация века Просвещения. Долгое время XVIII столетие было подвергнуто «денационализации» и с этой точки зрения рассматривалось в качестве антипода последующему историческому периоду в рамках так называемых «исследований патриотизма» («Patriotismusforschung»)⁴⁹. Толкование значительного корпуса текстов содержащего в себе богатый материал, который по своей тематике можно было трактовать с «национальных» позиций, не выходило за концептуальные рамки: он либо признавался «ненациональным», либо толковался в качестве «светлой стороны» немецкого национализма, в котором национальные чувства вызывались, прежде всего, благородными политическими устремлениями по созданию единой демократической Германии и не носили ярко выраженного агрессивного характера по отношению к окружающим немецкие земли народам и государствам. В силу этого «патриотизм» века Просвещения не являлся ранней формой немецкого национализма и даже представляется сторонникам данной точки зрения, например, В. Кроненбергу⁵⁰, его более предпочтительной – принимая во внимание роль немецкого национализма в XX столетии – альтернативой, имеющей перспективы развития в современной Германии. Однако данные воззрения на «патриотическую» природу XVIII века в рамках обозначенной выше тенденции к удревнению истоков немецкого национализма также подвергаются перепроверке. Работы

⁴⁹ Prignitz C. Vaterlandsliebe und Freiheit. Deutscher Patriotismus von 1750-1850. Wiesbaden, 1981; Vierhaus R. «Patriotismus» - Begriff und Realität einer moralisch-politischen Haltung // Ders. Deutschland im 18. Jahrhundert. Göttingen, 1987. S. 96-109; Schultz H. Mythos und Aufklärung. Frühformen des Nationalismus in Deutschland // Historische Zeitschrift. Bd. 263. 1996, H. 1. S. 31-67; Düwel K., Zimmerman H. Germanenbild und Patriotismus in der deutschen Literatur des 18. Jahrhunderts / Germanenprobleme in heutiger Sicht. Hrsg. von H.Beck. Berlin, 1999. S. 358-395.

⁵⁰ Kronenberg V. Patriotismus in Deutschland. Perspektiven für eine weltoffene Nation. Wiesbaden, 2005.

В. Бургдорфа⁵¹, Г.П. Германа⁵² и его ученика Г.М. Блитца⁵³ показывают развитость, агрессивный характер и принципиальную связь немецкого национализма XVIII столетия с последующими идеологическими построениями XIX века.

В отечественной историографии проблематика истории немецкого национализма получила достаточно подробное освещение в исследовании А.С. Медякова⁵⁴, которое рассматривает эволюцию немецкой национальной идеи с XVI в. и при этом сосредотачивает своё основное внимание на её развитии в XIX столетии. Специальное внимание к особенностям развития немецкой национальной идеи в раннее Новое время уделено в работах А.В. Лазаревой для периода Тридцатилетней войны⁵⁵ и А.В. Доронина для эпохи Возрождения⁵⁶.

⁵¹ Burgdorf W. Nationales Erwachen der Deutschen nach 1756. Reichisches gegen territoriales Nationalbewußtsein. Imitation eines Schweizer Vorbildes oder Inszenierung des kaiserlichen Hofes? // Territoriale Identität und politische Kultur in der Frühen Neuzeit. Hrsg. von Bellabarba M./Stauber R. Berlin, 1998. S. 109-132; Burgdorf W. „Reichsnationalismus“ gegen „Territorialnationalismus“. Phasen der Intensivierung des nationalen Bewußtseins in Deutschland seit dem Siebenjährigen Krieg // Föderative Nation... S. 157-190.

⁵² Hermann H.P. Nationalismus im 18. Jahrhundert? Historische und aktuelle Aspekte einer These // Nationale Identität aus germanischer Perspektive. Hrsg. von Lasatowicz M.K./Joachimsthaler J. Opole, 1998. S. 163-177; Hermann H.P. «Mein Arm wird stark und groß mein Muth [...]». Wandlungen des deutschen Nationalismus im 18. Jahrhundert // Bay H., Merten K. (Hrsg.). Die Ordnung der Kulturen. Zur Konstruktion ethnischer, nationaler und zivilisatorischen Differenzen 1750-1850. Würzburg, 2006. S. 53-78.

⁵³ Blitz H.-M. Aus Liebe zum Vaterland: Die deutsche Nation im 18. Jahrhundert. Hamburg, 2000; Blitz H.-M., Hermann H.P., Moßmann S. Machtphantasie Deutschland. Nationalismus, Männlichkeit und Fremdenhaß im Vaterlandsdiskurs deutscher Schriftsteller des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1996.

⁵⁴ Медяков А.С. Национальная идея и национальное сознание немцев // Национальная идея в Западной Европе в Новое время / Отв. ред. В.С. Бондарчук. М., 2005. С. 394 – 458.

⁵⁵ Лазарева А.В. Представления о патриотизме в Германии в годы Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.) // Термины, понятия, категории в литературных текстах и документах. М.,

Таким образом, историографическая традиция изучения немецкого национализма как явления в целом достаточно обширна и плодотворна, однако оценки его проявления во второй половине XVIII вв. остаются предметом принципиальных дискуссий, что придаёт актуальность дальнейшим исследованиям в этом направлении.

История *немецкой социально-политической мысли последней трети XVIII века* рассматривается в ряде общих работ, при этом её реконструкция производится, прежде всего, на материале публицистических произведений, научных трактатов о государственном устройстве и праве, работ по политической философии крупных немецких интеллектуалов того времени⁵⁷. Особый пласт работ, посвящённых немецкой социально-политической мысли последней трети XVIII века, составляют исследования, ставящие своей целью показать идейную преемственность присутствовавших в ней политических представлений с позднейшими периодами развития немецкой политической мысли XIX столетия. Данные вопросы рассматриваются в работах, ставящих своей целью поиск идейных истоков либеральной традиции немецкой общественной мысли.

2012. С. 101–115; Лазарева А.В. Образ врага и становление немецкой национальной идеи в годы Тридцатилетней войны // Вопросы истории. 2013. № 1. С. 110–121.

⁵⁶ Доронин А.В. Миф и национальная история в культуре Возрождения в Германии // Миф в культуре Возрождения. М., 2003. С. 200-209; Доронин А.В. Миф нации: приглашение к дискуссии // Вестник Удмуртского университета. Вып. 3. Ижевск, 2011. С. 146-152.

⁵⁷ Saage R. Absolutismus und Aufklärung in Deutschland // Pipers Handbuch der politischen Ideen. Band 3, Neuzeit. München, 1985. S. 529-560; Beyme K. Geschichte der politischen Theorien in Deutschland 1300-2000. Wiesbaden, 2009. S. 155-183; Патрушев А.И. Социально-политические идеи Немецкого Просвещения // Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. Под редакцией Н.М.Мещеряковой. М., 2002. С. 291-324.

Общие работы по истории немецкого либерализма О. Клейн-Хаттингена, Ф. Селла, Р. Раико, Дж. Шихэна⁵⁸ сосредоточены на периоде XIX-XX вв. Такая направленность представляется естественной и обусловлена тем, что в её основе лежит рассмотрение немецкого либерализма в качестве общественного и политического движения, начало которого с уверенностью можно отнести лишь к периоду после 1815 года.

Нормативной в отношении современного состояния изучения данного явления считается фундаментальная работа Д. Лангевиеше «Либерализм в Германии»⁵⁹. Показывая общую панораму истории немецкого либерализма на протяжении более чем двух веков, историк сосредотачивает своё основное внимание на ключевых проблемах его развития, пытаясь выяснить значение поражения «либеральной» революции 1848 г., роль либерального движения в создании и функционировании Германской империи, а также причины последующей «делиберализации» широких слоёв немецкого бюргерства в первой трети XX века. При этом в качестве «раннего немецкого либерализма» в соответствии с устоявшейся терминологией автор понимает эпоху Предмарта (1815-1848), или, в широком смысле, всю первую половину XIX в. Вместе с тем, Д. Лангевиеше подчёркивает, что идейные истоки немецкого либерализма следует искать ещё в XVIII в. до начала

⁵⁸ Klein-Hattingen O. Geschichte des deutschen Liberalismus. In 2 Bände. Berlin, 1911; Sell F. Die Tragödie des deutschen Liberalismus. Stuttgart, 1953; Geschichte des deutschen Liberalismus. Hrsg. von Luchtenberg P., Erbe W. Köln, 1966; Raico R. Die Partei der Freiheit. Studien zur Geschichte des deutschen Liberalismus. Stuttgart, 1999. См. работы англоязычной историографии: Sheehan J.J. German liberalism in the nineteenth century. Chicago, 1978; In search of a liberal Germany. Studies in the history of German liberalism from 1789 to the present. Ed. by Konrad H. Jarausch and Larry Eugene Jones. N.Y., 1990.

⁵⁹ Langewiesche D. Liberalismus in Deutschland. Frankfurt a.M., 1988.

революционных событий во Франции, ссылаясь при этом на работу немецкого историка Ф. Вальявека 1951 г.⁶⁰

Монография Ф. Вальявека «Возникновение политических течений в Германии 1770-1815» первой в полной мере выдвинула и обосновала тезис о возникновении в Германии «великих идеологий» до начала эпохи революционных и наполеоновских войн. Время их зарождения автор относит к рубежу 1760-1770-гг., когда на немецком общественно-политическом ландшафте появляется либеральное «политическое течение». Этот термин, заимствованный им у немецкого социолога К. Маннгейма, историк специально использует для разграничения данного, «идейного», от более зрелого, организационно-партийного этапа эволюции немецкого либерализма. В ответ на вызов либерального политического течения – магистрального, по мнению Ф. Вальявека, для своей эпохи – появляются его конкуренты: начиная уже с 1780-х гг. отрицающее его основные положения консервативное течение и, наоборот, радикально развивающее эти положения демократическое направление 1790-х гг.

В отношении истории немецкого либерализма, по мнению Д. Лангевише, вокруг теории Ф. Вальявека сложилась, во многом, парадоксальная ситуация: с одной стороны, представление о том, что его идейные истоки лежат ещё в периоде до 1789 года, стало общим местом историографии, с другой, - конкретно-исторических исследований по этой теме очень немного. Освещение данного представления не выходит за рамки кратких сообщений в обзорных работах по истории немецкого либерализма, сосредотачивающим свое внимание на его истории в XIX и XX веке⁶¹. В

⁶⁰ Valjavec F. Die Entstehung der politischen Strömungen in Deutschland 1770-1815. München, 1951.

⁶¹ Krieger L. The German idea of freedom. History of a political tradition. Boston, 1957. P. 1-80; Henning F. Frühgeschichte des deutschen Liberalismus: Geschichtliche Ursprünge und Anfänge // Geschichte des deutschen Liberalismus. Hrsg. von Luchtenberg P., Erbe W. Köln, 1966. S. 27-35; Raico R. Die Partei der Freiheit. Studien zur Geschichte des deutschen Liberalismus.

качестве идейных предтеч идеологов раннего немецкого либерализма исследователями называются такие крупнейшие немецкие мыслители, как В. фон Гумбольдт (1767-1835), И. Кант (1724-1804), Г. Гегель (1770-1831), творчество которых на этом направлении приходится в лучшем случае на эпоху Французской революции и Наполеоновских войн⁶². Для более раннего периода исследования, как правило, ограничиваются констатацией наличия в немецком общественно-политическом пространстве идей, которые можно интерпретировать как протолиберальные. Так, в коллективной монографии об истории немецкого либерализма 1966 года отмечалось, что уже до 1789 года в университетской среде осуждались злоупотребления абсолютизма и выставлялись требования соблюдения прав и свобод отдельного человека, что выражалось, в частности, в учениях о государственном устройстве и – в поэзии того времени⁶³.

Единственной монографией, специально рассматривающей ситуацию до 1789 года, является работа У. Вильгельма «Ранний немецкий либерализм. От зарождения до 1789 года»⁶⁴. В ней автор анализирует труды известных немецких интеллектуалов второй и третьей четверти XVIII века и их учения о государственном устройстве (философа К. Вольфа (1679-1754), камералистов Г. Ахенвалля (1719-1772), И.Г.Г. Юсти (1717-1771) и И.Ф. Пфейффера (1718-1787), юриста А.Ф. Рейнхарда (1726-1783), Я. Мовильона (1743-1794)) и приходит к выводу о том, что зачатки немецкой либеральной

Stuttgart, 1999. S. 9-22. То же в новейшей обобщающей работе по истории либерализма: Beyme K. Liberalismus. Theorien des Liberalismus und Radikalismus im Zeitalter der Ideologien 1789-1945. Wiesbaden, 2013. S. 78-81.

⁶² См. об этом: Batscha Z. Studien zur politischen Theorie des deutschen Frühliberalismus. Frankfurt/M., 1981.

⁶³ Henning F. Frühgeschichte des deutschen Liberalismus: Geschichtliche Ursprünge und Anfänge // Geschichte des deutschen Liberalismus. Hrsg. von Luchtenberg P., Erbe W. Köln, 1966. S. 28.

⁶⁴ Wilhelm U. Der deutsche Frühliberalismus. Von den Anfängen bis 1789. Frankfurt/M., 1995.

мысли фиксируются уже с 1720-х гг. с сильным влиянием английской конституционной модели, а с 1760-х гг. можно говорить о складывании полноценного раннелиберального дискурса, решающее значение на формирование которого имело усвоение наследия Ш. Монтескье (1689-1755).

Совершенно по-другому сложилась исследовательская ситуация с другой частью тезиса Вальявека о зарождении в 1790-е гг. радикального наследника дореволюционного либерального течения демократического направления.

Конкретно-историческое обоснование существования самого явления произошло в трудах историков ФРГ и ГДР в 1960-1970-х гг. в рамках изучения так называемого «немецкого якобинизма»⁶⁵. В этот период было опубликовано значительное количество различных типов источников по истории движения, на долгие годы сформировавших основу для научных изысканий: письма, речи и теоретические работы наиболее значительных его представителей, анонимные воззвания и листовки, протоколы заседаний немецких якобинских клубов, а также материалы, относящиеся к функционированию провозглашённой ими в 1793 г. Майнцской республики⁶⁶. Последующие работы, однако, показали, что течение «немецких якобинцев» было достаточно разнородным, а устоявшееся для него в исторической литературе название, наводящее на мысль о существовании некоего «филиала» французских якобинцев на немецкой почве, скорее затуманивает его идеологическую специфику, чем раскрывает

⁶⁵ Grab W. Norddeutsche Jakobiner. Demokratische Bestrebungen zur Zeit der Französischen Revolution. Frankfurt/M., 1967; Scheel H. Süddeutsche Jakobiner. Klassenkämpfe und republikanische Bestrebungen im deutschen Süden Ende des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1962.

⁶⁶ Scheel H. Jakobinische Flugschriften aus dem deutschen Süden Ende des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1965; Linksrheinische deutsche Jakobiner: Aufrufe, Reden, Protokolle, Briefe und Schriften. Stuttgart, 1978; Die Wiener Jakobiner: Schriften und Dokumente. Stuttgart, 1972; Leben und Werke norddeutscher Jakobiner. Stuttgart, 1973; Mainz zwischen Rot und Schwarz: Die Mainzer Revolution in Schriften, Reden und Briefen. Berlin, 1963.

её⁶⁷. Этот критический взгляд нашёл своё логическое завершение в утверждениях о необходимости отказаться в принципе от самого представления о существовании особого радикального направления в немецкой социально-политической мысли того времени⁶⁸.

Впрочем, вскоре, подходу, «деконструировавшему» как название явления, так и само явление, был противопоставлен новый «синтез» предмета исследования. Так, Г. У. Велер, основатель и крупнейший представитель так называемой билефельдской школы социальной истории, в своём фундаментальном 5-и томном труде по истории немецкого общества с начала XVIII столетия по конец XX века отмечает, что, несмотря на определённые справедливые и полезные замечания критиков, нельзя отрицать наличие самого феномена немецких радикальных сторонников революции⁶⁹. Признавая слабое соответствие обозначения их в качестве «якобинцев», историк предложил для них новое обобщающее название «немецкие республиканцы», которое стало использоваться в последующих специальных работах и, таким образом, снова конституировало предмет исследования⁷⁰.

В российской историографии изучение истории немецкого либерализма представлено несколькими важными работами. Необходимо выделить исследование А.И. Патрушева, представляющее собой подробный обзор особенностей и основных вех развития немецкого либерализма с конца XVIII (с рассмотрения идей В. фон Гумбольдта) по начало XX вв.⁷¹.

⁶⁷ Kaiser G. Über den Umgang mit Republikanern, Jakobinern und Zitate // Deutsche Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. Band 49. 1975. S. 226-242.

⁶⁸ Saine T. Black Bread – White Bread. German Intellectuals and the French Revolution. Columbia, 1988.

⁶⁹ Wehler H.U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Band 1. 1700-1815. München, 1987. S. 354.

⁷⁰ См. например: Reinbold W. Mythenbildungen und Nationalismus: "deutsche Jakobiner" zwischen Revolution und Reaktion 1789-1800. Bern, 1999.

⁷¹ Патрушев А.И. Пути и драмы немецкого либерализма // Либерализм Запада XVII-XX вв. М., 1995. С. 74-90.

Изучению раннего немецкого либерализма посвящены многочисленные работы Н.В. Ростиславлевой⁷², в том числе, её фундаментальная монография⁷³, предлагающая сравнительный анализ взглядов наиболее значимых немецких идеологов либерализма (К. Роттека (1775-1840), Ф.Х. Дальмана (1785-1860), Д. Ганземана (1790-1864), а также В. фон Гумбольдта) из разных исторических земель Германии с целью выявления как общих черт, так и региональных особенностей немецкой либеральной мысли той эпохи.

Традиция изучения общественно-политического течения немецких якобинцев была представлена, прежде всего, общими обзорами его деятельности. Необходимо, в частности, особо отметить очерк А.В. Гулыги в рамках его многолетних исследований немецкой философии и культуры того времени⁷⁴. Специальное внимание было приковано к наиболее ярким личностям, причисляемым к движению, прежде всего, к Г. Форстеру (1754-1794)⁷⁵. Несмотря на доминирование в российских исследованиях в качестве обозначения явления названия «немецкие якобинцы», в них так же, как и в немецких работах последнего времени, имеются варианты альтернативного наименования. В издании избранных сочинений Г. Форстера, Й. Зейме и К.Ф.Д. Шубарта академик В.М. Жирмунский окрестил этих авторов «немецкими демократами»⁷⁶. Данное обозначение является оптимальным для того, чтобы уйти от во многом вводящего в заблуждение названия

⁷² Ростиславлева Н.В. Зарождение либерализма в Германии. Карл фон Роттек. М., 1999.

⁷³ Ростиславлева Н.В. Германские либералы первой половины XIX века. М., 2010.

⁷⁴ Гулыга А.В. Немецкое якобинство // Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. М., 2001. С. 129-135.

⁷⁵ Мошковская Ю.Я. Георг Форстер – немецкий просветитель и революционер XVIII в. М., 1961.

⁷⁶ Немецкие демократы XVIII века. Шубарт, Форстер, Зейме. Под ред. В.М. Жирмунского. М., 1956.

«якобинцы» и в то же время подчеркнуть радикализм их убеждений, поэтому именно оно в дальнейшем будет использоваться в настоящей работе.

Таким образом, можно констатировать, что исследование немецкой социально-политической мысли последней трети XVIII века носит неоднородный характер: относительно высокий в отношении изучения движения немецких демократов 1790-х гг. дополняется недостаточным вниманием к ситуации 1789 г. При этом важным является факт рассмотрения данных вопросов на материале, отличном от основного источника данной работы – немецкой политической лирики соответствующего периода.

2. Исторические исследования по истории немецкой политической лирики

Немецкая политическая лирика⁷⁷ была осознана в качестве не только литературного, а общественного явления, в период так называемого Предмарта – эпоху, предшествовавшую германской революции 1848 года, в широком смысле охватывающую весь промежуток со времен учреждения Германского союза в 1815 году, а в узком смысле начинающуюся с резкой политизации немецкой общественной жизни в 1830-х гг., импульсом чему послужила Июльская революция во Франции. Накопившийся за долгие годы господства цензуры в прессе и других печатных изданиях запрос на публичное обсуждение политически значимых вопросов в 1840-е годы достиг пика и нашел своё главное выражение именно в жанре политической поэзии, наиболее яркими представителями которого стали Г. фон Фаллерслебен (1798-1874), Г. Гервег (1817-1875), Г.Ф. Фрейлиграт (1810-1876), Г. Веерт (1822-1856) и др. На фоне этого расцвета Р. Пруц (1816-1872),

⁷⁷ См. последнее по времени целостное исследование самого феномена в его историческом развитии: *Geschichte der politischen Lyrik in Deutschland*. Hrsg. von Hinderer W. Würzburg, 2007.

будучи одновременно практиком и теоретиком – поэтом и историком литературы, в своём труде «Политическая поэзия немцев» (1845 г.) впервые обратил внимание на специфику немецкой политической лирики, стремящейся *«как общественная сила воздействовать на историю»*⁷⁸. В это же время понятие «политическая поэзия» («politische Poesie») было впервые включено в 9-е издание энциклопедии Брокгауз и с тех пор обосновалось в нем (с 15 издания 1930-х гг. под термином «политическая лирика» («politische Dichtung»)) и других немецких справочниках, что означало его прочное вхождение в научный оборот.

Политическая лирика Предмарта стала предметом наиболее пристального изучения уже с рубежа XIX-XX вв.⁷⁹ и на сегодняшний день по ней имеется богатая научная литература⁸⁰. Отдельно стоит отметить работы, посвящённые роли содержащихся в ней представлений для развития мартовской революции 1848/1849 гг.⁸¹, формирования немецкой национальной идеи в середине XIX века⁸², особенностей политического сознания бюргерских слоев немецкого общества того времени⁸³ и др.

⁷⁸ Prutz R.E. Die politische Poesie der Deutschen. Leipzig, 1845. S. 280.

⁷⁹ Träger P. Die politische Dichtung in Deutschland. Ein Beitrag zu ihrer Geschichte während der ersten Hälfte unsres Jahrhunderts. Berlin, 1895; Petzet Ch. Die Blütezeit der Deutschen politischen Lyrik von 1840 bis 1850. München, 1903.

⁸⁰ См. основные общие работы: Kischka K.H. Typologie der politischen Lyrik des Vormärz. Mainz, 1964; Werner H.G. Geschichte des politischen Gedichts in Deutschland 1815-1840. Berlin, 1969; Madl A. Politische Dichtung in Österreich (1830-1848). Budapest, 1969; Новейший обзор: Peter E. Die politische Lyrik in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts: ein Überblick // Praesent 2006. S. 25-34.

⁸¹ Wild R. Politische Lyrik im Vormärz // Revolution 1848/49: Ereignis, Rekonstruktion, Diskurs. Hrsg. von Gudrun Loster-Schneider. St. Ingbert, 1999. S. 197-236.

⁸² Vanचना L.A. Political Poetry in Periodicals and the Shaping of German National Consciousness in the Nineteenth Century. New York, 2000.

⁸³ Stein P. Politisches Bewusstsein und künstlerischer Gestaltungswille in der politischen Lyrik 1780-1848. Hamburg, 1971. Данная работа будет подробно рассмотрена ниже.

Однако уже в 1931 году в исследовании Б. Визе «Политическая лирика Германии» – первой работе, поставившей своей целью рассмотреть политическую лирику в качестве общественного явления как в теоретическом плане, так и в историческом развитии – отмечалось, что хронологические рамки существования феномена не ограничивались лишь периодом Предмарта. Её истоки усматривались ученым в творчестве немецких авторов конца XVIII века⁸⁴. Данное положение, сформулированное, но полноценно не раскрытое, было подкреплено конкретными, но немногочисленными и краткими, исследованиями лишь в 1970-х гг. и с тех пор стало нормативным.

Прежде всего, следует назвать исследования Г.В. Йегера. В первом из них – «Политические категории в поэзии и риторике второй половины XVIII столетия» – автор, исходя из тезиса о том, что именно в это время «литераторы и критики вспомнили об общественно-политическом значении риторики и поэзии»⁸⁵, показывает, каким образом эта политизация отразилась на особенностях выбора и видоизменениях отдельных поэтических жанров, на проникновении в поэтический язык несвойственной ему до этого лексики, на изменении целей создания произведений и восприятия их читателем. Эта, скорее литературоведческая, работа (представляющая собой публикацию развернутой версии научного доклада автора и поэтому достаточно краткая) была задумана как введение к его основному исследованию, посвященному непосредственно изучению политических идей, выраженных в политической лирике XVIII века, которое, однако, так и не было написано.

Схожий характер носит и вторая его работа⁸⁶, являющаяся продолжением первой и рассматривающая обозначенные выше вопросы на примере политической лирики Предмарта и 1790-х гг. Автор устанавливает

⁸⁴ Wiese B. Politische Dichtung Deutschlands. Berlin, 1931. S. 25-36.

⁸⁵ Jäger H.W. Politische Kategorien in Poetik und Rhetorik der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Stuttgart, 1970. S. 6.

⁸⁶ Jäger H.W. Politische Metaphorik im Jakobinismus und im Vormärz. Stuttgart, 1971.

качественные совпадения в структуре (устойчивые «политические» метафоры, жанровые соответствия) и месте политической лирики в общественном дискурсе обоих периодов, тем самым на конкретном материале обосновывая положение о преемственности традиции её существования на протяжении двух эпох.

Более предметно и – с исторических позиций – вопрос о континуитете был изучен П. Штейном⁸⁷. Автор изначально определяет для себя немецкую политическую лирику как материал для исследования особенностей эволюции общественного сознания бюргерских слоев немецкого общества, а точнее – их постепенную политизацию. Относя возникновение последних (вслед за классической работой Ю. Хабермаса) ко второй половине XVIII века, исследователь солидаризируется с мнением о появлении в это время традиции политической лирики и считает это взаимосвязанным процессом. На основе анализа этой традиции вплоть до 1848 года автор выделил три этапа политизации немецкого общественного сознания.

Первый из них – последняя треть XVIII века – выразился в появлении среди бюргерских слоев немецкого общества морального протеста против действий германских государств и их устройства в широком смысле этого слова, который, однако, ещё не перерос даже в попытки изменить предмет своего недовольства. Во время второго этапа, начавшегося в период Освободительной войны 1813 года против Наполеона и продолжавшегося до 1830 г., произошла, по выражению автора, «политизация морали»: за отдельными членами общества стали допускать действия («нравственная активность») по улучшению и исправлению сложившегося порядка (по сути, в рамках теории «малых дел»). Политическая лирика третьего этапа – собственно Предмарта (1840-е) – показывает, что политическое самосознание общественности достигло той степени зрелости, когда она стала действительно

⁸⁷ Stein P. Politisches Bewusstsein und künstlerischer Gestaltungswille in der politischen Lyrik 1780-1848. Hamburg, 1971.

призывать к жесткому и быстрому слову устоявшихся социально-политических отношений, в том числе, революционным путём.

Не вдаваясь в общую оценку убедительности данной схемы, следует подчеркнуть: данная работа является первой, поставившей в отношении немецкой политической лирики последней трети XVIII века задачу изучения на её основе общественно-политического сознания того времени. Такая постановка проблемы близка целям и задачам настоящего исследования, а некоторые из рассматриваемых в монографии немецких авторов (Клошпток, Шубарт, Бюргер) имеют для него особое значение.

По итогам рассмотрения общих работ, посвящённых немецкой политической лирике последней трети XVIII в., следует констатировать, с одной стороны, их крайнюю немногочисленность, а с другой, их преимущественную литературоведческую направленность.

3. Исследования различных аспектов жизни и творчества отдельных авторов

В отдельную группу следует отнести работы, посвящённые особенностям жизни и творчества отдельных авторов и, в частности, их политическим взглядам. Исследовательский интерес к рассматриваемым авторам не был равномерным.

Изучение творческого наследия Ф.Г. Клошптока имеет в немецком литературоведении долгую традицию⁸⁸. Особое значение для настоящей работы имеют исследования, рассматривающие его национальные и политические воззрения. Роль автора в становлении и развитии немецкой национальной идеи не получила однозначного толкования, на которое в

⁸⁸ Классической и до сих пор не превзойдённой биографией поэта остаётся: Munker Fr. Klopstock. Die Geschichte seines Lebens und seiner Schriften. Berlin, 1888. Из новых работ общего характера следует отметить: Kohl K. Friedrich Gottlieb Klopstock. Stuttgart, 2000; Hurlebusch K. Friedrich Gottlieb Klopstock. Hamburg, 2003.

значительной мере влияла внешняя конъюнктура⁸⁹. Обращение к «национальному» компоненту творчества и его трактовка в националистическом ключе часто совпадали с крупными военно-политическими потрясениями, в которые были вовлечены немецкие земли – Освободительной войны 1813 г. против Наполеона⁹⁰, франко-германской войны 1870-1871 гг.⁹¹, были характерны для предвоенной эпохи начала XX в.⁹² и достигли кульминации в годы Второй Мировой войны⁹³. Впоследствии же интерпретация взглядов поэта, напротив, подверглась «денацификации» в рамках вышеупомянутых «исследований о патриотизме» XVIII в.⁹⁴ При этом особое внимание стало уделяться изучению политических предпочтений автора⁹⁵, в частности, его реакции на события Французской революции⁹⁶. В

⁸⁹ Zimmermann H. Vom Freiheitsdichter zum Nazi-Idol. Friedrich Gottlieb Klopstock unter den Deutschen // Dichter und ihre Nation. Hrsg. von Scheuer H. Frankfurt a.M., 1993. S. 68-102.

⁹⁰ Morgenstern C. Klopstock als vaterländischer Dichter. Dorpat-Leipzig, 1814.

⁹¹ Richter E. Klopstock als vaterländischer Dichter. Eisleben, 1872.

⁹² Schmidt D. Klopstock, der Vater der Vaterlandsdichtung // Preußische Jahrbücher, 97. Bd., 1899; Metz F. Klopstock der Erwecker. Hamburg, 1903.

⁹³ Sass W. Klopstocks vaterländische Oden. Hamburg, 1939; Kindt K. Klopstock. Berlin-Spandau, 1941.

⁹⁴ Kaiser G. Klopstock als Patriot // Nationalismus in Germanistik und Dichtung. Berlin, 1967; Betteridge H. Klopstocks Wendung zum Patriotismus // Klopstock. Werk und Wirkung. Berlin, 1978. S. 179-184; Zimmermann H. Freiheit und Geschichte. F. G. Klopstock als historischer Dichter und Denker. Heidelberg, 1987.

⁹⁵ Krahe P. Klopstocks Beziehung zu politischen Leitbildern: zu den Oden «Freude und Leid» und «Die Unschuldigen» // Deutsche Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. №59. 1985. S. 253-264.

⁹⁶ Niemeyer E. Klopstocks Revolutionsoden // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. №22. 1857. S. 1-44; Sauer E. Die Französische Revolution von 1789 in den Gedichten Klopstocks und der Göttinger // Euphorion №21. 1914. S. 551-564; Müller J. Revolution und Nation in Klopstocks Oden // Wirklichkeit und Klassik. Beiträge zur deutschen Literaturgeschichte von Lessing bis Heine. München, 1957. S. 63-115; Rühmkorf P. Friedrich Gottlieb Klopstock. Ein empfindsamer Revolutionär // Rühmkorf P. Walther, Klopstock und ich.

1990-2000-е гг. начался новый виток пересмотра трактовок в сторону «ренационализации» воззрений Клопштока, связанный с интенсификацией изучения немецкого национализма раннего Нового времени⁹⁷.

Оценку состояния изучения жизни и творчества немецких авторов К.Ф.Д. Шубарта⁹⁸ и Г.А. Бюргера⁹⁹ можно охарактеризовать как наличие достаточного количества исследований общего плана, посвящённых им в целом, при одновременном дефиците специальных работ, рассматривающих отдельные аспекты, в том числе, национальные и политические воззрения. В отношении Шубарта можно отметить лишь одну работу, изучающую его деятельность в качестве политического журналиста и анализирующую в

Reinbek bei Hamburg, 1975. S. 79-118; Molzan A. Klopstocks Revolutionsoden // Klopstock. Werk und Wirkung. Berlin, 1978. S. 153-172; Murat J. Klopstock als französischer Bürger // Klopstock. Werk und Wirkung. Berlin, 1978. S. 173-177.

⁹⁷ Fischer D. Das Eigene und das Eigentliche. Klopstock, Herder, Fichte, Kleist. Episoden aus der Konstruktionsgeschichte nationaler Intentionalitäten. Berlin, 1995. S. 131-182; Blitz H.-M. «Gieb, Vater, mir ein Schwert!» Identitätskonzepte und Feindbilder in der «patriotischen» Lyrik Klopstocks und des Göttinger «Hain» // Blitz H.-M., Hermann H.P., Moßmann S. Machtphantasie... S. 80-122.

⁹⁸ См. остающуюся до сих пор наиболее научно фундированную работу: Hauff G. Christian Friedrich Daniel Schubart in seinem Leben und seinen Werken. Stuttgart, 1885. Современные работы, количество которых демонстрирует устойчивый интерес к фигуре Шубарта, отличаются обзорным и скорее популярным характером изложения. См.: Dürrson W. Christian Friedrich Daniel Schubart. Frankfurt am Main, 1980; Keppler U. Ein genialer Rebell: Christian Friedrich Daniel Schubart, 1730-1791. Mühlacker, 1982; Streitberger F. Der Freiheit eine Gasse – Die Lebensgeschichte des Christian Friedrich Daniel Schubart. Bietigheim, 2001; Warneken B. J. Schubart. Der unbürgerliche Bürger. Fr/M., 2009. Исключение из этого ряда см.: Honolka K. Schubart: Dichter und Musiker, Journalist und Rebell. Stuttgart, 1985.

⁹⁹ См. основополагающую биографию писателя: Wurzbach W. Gottfried August Bürger. Sein Leben und seine Werke. Leipzig, 1900. Среди современных работ следует назвать: Hantzschel G. Gottfried August Bürger. München, 1988; Scherer H. Gottfried August Bürger. Berlin, 1995; Schübler W. Gottfried August Bürger. Eine Biografie. Nordhausen, 2008.

связи с этим его политические предпочтения¹⁰⁰. Несколько лучше обстоит дело в случае с Бюргером: это связано с тем повышенным вниманием, которое уделялось данному автору учёными ГДР как «народному» поэту – опиравшемуся в своём творчестве на сюжеты, взятые из народного фольклора, и превратившие их в образцы высокой поэзии (жанр «народной баллады»), а также непосредственным образом затрагивающему тематику тяжёлого социального положения населения¹⁰¹.

Поэты «Гёттингенской роши» среди немецких учёных пользовались сравнительно меньшим исследовательским интересом. Помимо обзорных работ¹⁰² особую ценность представляют исследования, посвящённые бюргерской природе объединения и его связи с распространённым в то время масонским движением¹⁰³. В отношении изучения жизни и творчества подавляющего большинства членов данного литературного объединения наблюдается явный дефицит научных работ¹⁰⁴. Исключение при этом

¹⁰⁰ Schairer E. Chr. Fr. D. Schubart als politischer Journalist. Tübingen, 1914.

¹⁰¹ Ср. показательные названия самих работ: Leschnitzer F. G. A. Bürger – ein plebejischer Dichter // Neue deutsche Literatur. №5. 1954. S. 109-26; Kaim-Kloock L. Gottfried August Bürger. Zum Problem der Volkstümlichkeit in der Lyrik. Berlin, 1963.

¹⁰² Prutz R.E. Der Göttinger Dichterbund. Zur Geschichte der deutschen Literatur. Leipzig, 1841; Sauer A. Die Dichtungen des Göttinger Hainbunds. 1887; Metelmann E. Zur Geschichte des Göttinger Dichterbundes 1772-1774. Stuttgart, 1965; Kelletat A. «Der Bund ist ewig». Gedanken zur poetischen Topographie des Göttinger Hains // Der Göttinger Hain. Hrsg. von Kelletat A. Stuttgart, 1967. S. 401-446.

¹⁰³ Bäsken R. Die Dichter des Göttinger Hains und die Bürgerlichkeit. Eine literarsoziologische Studie. Königsberg, Berlin, 1937; Windfuhr E.E. Freimaurer im Göttinger Hain. Die Gebrüder Stolberg, Voss, Claudius, Bürger und ihre Beziehungen zur Freimaurerei. Frankfurt am Main-Hamburg-Mainz, 1955.

¹⁰⁴ См. в отношении Фр. Штольберга: Janssen J. Friedrich Leopold Graf zu Stolberg. Größtenteils aus der bisher noch ungedruckten Familiennachlass. In 2 Bd. Freiburg im Breisgau, 1877; Hempel D. Friedrich Leopold Graf zu Stolberg (1750-1819). Staatsmann und politischer Schriftsteller. Weimar, 1997; Friedrich Leopold Graf zu Stolberg (1750-1819). Beiträge zum Eutiner Symposium im September 1997. Hrsg. von Baudach F. Eutin, 2003.

составляет ситуация с И.Г. Фоссом. Помимо наличия нескольких подробных научных биографий поэта¹⁰⁵ необходимо отметить специальные работы, посвящённые таким важным для настоящей работы аспектам, как анализ его критики немецких социально-экономических порядков¹⁰⁶, отношение к Французской революции¹⁰⁷ и политические взгляды¹⁰⁸.

Отечественные исследования творчества Клопштока, Шубарта, Бюргера и поэтов «Союза рощи» ограничиваются небольшими, но ёмкими

¹⁰⁵ Herbst W. Johann Heinrich Voß. In 3 Bd. Leipzig, 1872-1876; Stoll H.A. Johann Heinrich Voß. In 2 Bd. Berlin, 1962/1968; Langenfeld K. Johann Heinrich Voß. Mensch, Dichter, Übersetzer. Eutin, 1990; Johann Heinrich Voß (1751–1826). Idylle, Polemik und Wohllaut. Hrsg. von Tappenbeck I. Hannover, 2001.

¹⁰⁶ Winkler M. Idyllik und Sozialkritik bei Johann Heinrich Voss // Literaturwissenschaft und Geschichtsphilosophie. Festschrift für Emrich W. Hrsg. von Arntzen H. Berlin/New York, 1975. S. 302-319; Winkler M. Die politische Akzentuierung des idyllischen Raumes bei Johann Heinrich Voss und André Chénier // Proceedings of the XIIIth Congress of the ICLA. München, 1988; Lubinski A. Johann Heinrich Voß und „Die Leibeigenen“ – Perspektiven auf die ländliche Gesellschaft Mecklenburgs in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts // Johann Heinrich Voß. Kulturräume in Dichtung und Wirkung. Hrsg. von Rudolph A. Dettelbach, 1999. S. 161-192; Ecker H.P. Idyllik der Emanzipation und sanfte Katharsis. Zum Zusammenspiel von Genrekodes und sozialgeschichtlichen Rahmenbedingungen in den Idyllen des Johann Heinrich Voß // Johann Heinrich Voß. Kulturräume in Dichtung und Wirkung. Hrsg. von Rudolph A. Dettelbach, 1999. S. 193-214.

¹⁰⁷ Grab W. Johann Heinrich Voß in der Französischen Revolution // Freiheit durch Aufklärung. Johann Heinrich Voß (1751–1826). Materialien einer Tagung der Stiftung Mecklenburg (Ratzeburg) und des Verbandes deutscher Schriftsteller (Landesbezirk Nord) in Lauenburg/Elbe. Hrsg. von Beutin W./Lüders K. Bern, 1995. S. 17-34; Langenfeld K. Reflexe der Französischen Revolution in den Gedichten von Johann Heinrich Voß // Johann Heinrich Voß. Kulturräume in Dichtung und Wirkung. Hrsg. von Rudolph A. Dettelbach, 1999. S. 113-142.

¹⁰⁸ Marquardt M. Johann Heinrich Voß – ein Bürger ohne Republik // Johann Heinrich Voß. Kulturräume in Dichtung und Wirkung. Hrsg. von Rudolph A. Dettelbach, 1999. S. 1-18.

обзорами их жизни и творчества в различных литературоведческих энциклопедиях и справочниках¹⁰⁹.

Изучение политической лирики немецких демократов рассматривалась в исследованиях лишь обзорно как часть общей литературной деятельности «немецких демократов»¹¹⁰. Отмечалась особая функциональность политической лирики, служившей, с одной стороны, ёмким средством выражения идеологических позиций её авторов, а с другой, - мощным инструментом пропаганды этих позиций среди широких слоёв населения. Анонимность большей части политической лирики объяснялась её резко выраженной направленностью против господствовавших в немецких государствах социально-политических реалий. Такой «внешний» анализ до сих пор не дополнен анализом «внутренним»: политическая лирика немецких демократов продолжает оставаться малоисследованной с точки зрения содержащегося в ней материала для изучения их политических взглядов.

По итогам рассмотрения историографии по различным затрагиваемым в настоящей работе аспектам следует констатировать отсутствие комплексного исследования немецкой политической лирики последней трети XVIII столетия на предмет содержащихся в ней общественно-политических

¹⁰⁹ Гейман Б. Клопшток // История немецкой литературы. Т.2. М., 1963. С. 160-178; Пуришев Б. Клопшток // Литературная энциклопедия. Т.5. М., 1931. С. 312-318; Тураев С. В. Клопшток // История всемирной литературы: В 8 томах. М.: Наука, 1983-1994. Т. 5. 1988. С. 210-213; Пуришев Б. Бюргер // Литературная энциклопедия. Т.2. М., 1929. С. 49-50; Жирмунский В.М. Шубарт // Немецкие демократы XVIII века. Шубарт, Форстер, Зейме. М., 1956. С. 19-29; Лозинская Л.Я. Бюргер. Шубарт // История немецкой литературы. Т.2. М., 1963. С. 280-291; Лозинская Л.Я. Гёттингенский союз поэтов // Там же. С. 272-279.

¹¹⁰ Sauer E. Die Französische Revolution von 1789 in zeitgenössischen deutschen Flugschriften und Dichtungen. Weimar, 1913; Voegt H. Die deutsche jakobinische Literatur und Publizistik 1789-1800. Berlin, 195.; Demokratisch-revolutionäre Literatur in Deutschland: Jakobinismus. Hrsg. von Mattenklott G./Scherpe K. Kronberg, 1975.; Stephan I. Literarischer Jakobinismus in Deutschland 1789-1806. Stuttgart, 1976.

представлений. При этом, исходя из сегодняшнего состояния изучения развития немецкой национальной идеи и немецкой социально-политической мысли соответствующего периода, нужно признать необходимость и актуальность проведения такового.

Глава I. Актуализация национальной тематики в немецкой политической лирике рубежа 1760-1770-х гг.

§ 1. Германские государства в середине XVIII столетия. Политические и социально-экономические предпосылки оживления общественной жизни на рубеже 1760-1770-гг.

Немецкое политическое пространство середины XVIII столетия отличалось крайней гетерогенностью. Его составными частями были крупные земли светских и духовных курфюрстов и других имперских князей, владения имперских графов и прелатов, территории свободных и имперских городов, мелкие владения имперских рыцарей и имперских деревень¹¹¹. Обладая территориальным суверенитетом (нем. *Landeshoheit*) – верховенством собственной власти в границах своих владений, имперские сословия были скреплены рамками Священной Римской империи и были вынуждены исполнять связанные с этим обязательства, накладывающие на них ряд ограничений как во внешней, так и во внутренней политике. Это сложная, но сбалансированная система распределения властных полномочий между различными субъектами немецкого политического ландшафта, основы которой были заложены Вестфальским миром по итогам Тридцатилетней войны (1618-1648), обеспечивала равновесие центробежных и центростремительных тенденций в империи и обеспечивала ей относительный внутренний мир и стабильное развитие на протяжении второй половины XVII и первой половины XVIII веков.

¹¹¹ См. важнейшие обобщающие работы: Vierhaus R. *Staaten und Stände. Vom Westfälischen Frieden bis zum Hubertusburger Frieden 1648–1763*, Berlin 1984; Schilling H. *Höfe und Allianzen. Deutschland 1648–1763*. Berlin, 1989; Aretin K.O.F. *Das Alte Reich 1648–1806*. 3 Bde. Stuttgart, 1993–1997. Из новейших исследований см.: Schmidt G. *Geschichte des Alten Reiches. Staat und Nation in der Frühen Neuzeit 1495–1806*. München, 1999; Whaley J. *Germany and the Holy Roman Empire. 1493-1806*. In 2 Vols. Oxford, 2012.

Политические процессы во внутреннем устройстве территориальных княжеств этого времени характеризовались централизацией власти вокруг правителя. Это сопровождалось уменьшением значения (вплоть до полного упразднения) местных органов сословного представительства – ландтагов, и созданием разветвленного бюрократического аппарата, подчинённого князю и взявшего на себя все функции государственного управления. Стремление к концентрации власти вызывало к жизни необходимость к сосредоточению вокруг неё финансовых ресурсов путём создания жёсткой системы сбора налогов. Значительная их часть шла на образование и укрепление армии, мощь которой была «силовой» гарантией сохранения и упрочения положения князя. На символическом уровне олицетворением величия княжеской власти служила роскошь монаршего двора¹¹².

Описанные выше тенденции развития немецких государств XVII-XVIII вв. долгое время было принято характеризовать как становление режима абсолютизма, в качестве отличительной черты которого определялась концентрация властных полномочий в руках монарха¹¹³. Такая точка зрения была в значительной мере релятивизирована исследованиями последних двух десятилетий, призывающими отказаться от соответствующей концепции и термина в принципе¹¹⁴. Представляется, однако, что потенциал их применения ещё не исчерпан. Такая возможность остаётся при понимании «абсолютизма» не в качестве непреложного исторического факта, а в качестве идеально-типической модели, стремящейся объяснить происходящие в общественном устройстве государств того времени

¹¹² См. об этом в частности: Элиас Н. Придворное общество. М., 2002.

¹¹³ См. например: Vogler G. Absolutistische Herrschaft und ständische Gesellschaft. Reich und Territorien von 1648 bis 1790. Stuttgart, 1996.

¹¹⁴ См. программную работу: Хеншелл Н. Миф абсолютизма. СПб., 2003. Также см.: Der Absolutismus – ein Mythos? Strukturwandel monarchischer Herrschaft in West- und Mitteleuropa (ca. 1550–1700). Hrsg. von Duchhardt H./Asch R.G. Böhlau, 1996; Duchhardt H. Barock und Aufklärung. München, 2007. S. 40-73, 169-189.

процессы и, несмотря на все внесённые существенные поправки, до конца не потерявшей своей эвристической ценности при разной степени соответствия ей примеров развития конкретных стран¹¹⁵.

В этом отношении на описанном выше пути формирования абсолютных монархий немецкие территориальные княжества добивались различных успехов. Исходя из реального политического веса, приобретённого княжеством, варьировалась степень его зависимости от императорской власти. Монархи крупных княжеств стремились обеспечить себе полную независимость и расширить своё влияние в империи, а правители небольших владений, опасаясь поглощения со стороны своих более могущественных соседей, искали помощь и поддержку у Вены. В течение длительного времени развитие этих тенденций не приводило к качественному изменению сложившегося между немецкими государствами *status quo*.

Однако к середине XVIII века ситуация изменилась. Окончательное восстановление немецкими княжествами подорванного Тридцатилетней войной экономического и демографического потенциала и укрепление в них институтов абсолютизма вызвали резкое увеличение их внешнеполитической активности.

Особого успеха здесь добилось Прусское королевство, правителем которого в 1740 году стал Фридрих II, будущий Фридрих Великий (1740-1786). Развязанная им в коалиции с такими крупными немецкими государствами, как Бавария и Саксония война, известная в историографии как война за Австрийское наследство (1740-1748), против взошедшей на престол в этом же году императрицы Марии Терезии (1740-1780) была открытым вызовом австрийскому доминированию в империи. Её результаты (реальные – присоединение к Пруссии отторгнутой у Австрии Силезии – и

¹¹⁵ Absolutismus, ein unersetzliches Forschungskonzept? Eine deutsch-französische Bilanz. Hrsg. von Schilling L. München, 2008.

символические – временное лишение Габсбургов (1742-1745) короны Священной Римской империи впервые с XV века) подрывали авторитет Австрии в глазах остальных германских государств. Разразившаяся спустя десятилетие Семилетняя война (1756-1763) с политической точки зрения лишь закрепила данные итоги, главным из которых стало начало конфликта между Пруссией и монархией Габсбургов за преобладание в германском мире.

Австро-пруссский дуализм представлял собой серьёзную разбалансировку сложившегося за десятилетия расклада сил в политическом ландшафте Священной Римской империи. Эта разбалансировка была особенно ощутима в силу обстоятельств, в которых она была явлена: полномасштабных внутригерманских военных конфликтов - первых со времени окончания Тридцатилетней войны. Обострение военно-политической обстановки являлось чрезвычайно важным фактором увеличения активности немецкого общества, стремившейся осознать происходящие события и для себя истолковать их.

Однако помимо политических предпосылок для оживления общественной жизни в 1760-1770-х гг. должны были существовать предпосылки социальные.

В социальной структуре немецкого общества XVIII века происходили процессы, часто обозначаемые понятием «подъем бюргерства»¹¹⁶. Так называют усиление социально-экономического влияния преимущественно городских слоев немецкого населения, по традиции дифференцируемых на две группы: «экономического бюргерства», т.е. связанного с занятиями ремеслом и торговлей, и так называемого «образованного» или

¹¹⁶ Aufklärung, Absolutismus und Bürgertum in Deutschland. Hrsg. von Kopitzsch F. München, 1976; Bürger und Bürgerlichkeit im Zeitalter der Aufklärung. Hrsg. von Vierhaus R. Heidelberg, 1981.

«просвещённого» бюргерства («Bildungsbürgertum»)¹¹⁷, состоявшего из круга профессий, требующих высокого уровня теоретических знаний, получаемых, прежде всего, в ходе обучения в университете: адвокатов, юристов, аптекарей, врачей, профессоров, людей искусства, пасторов, издателей, чиновников и т.п.¹¹⁸. На протяжении всей первой половины XVIII века спрос на представителей перечисленных профессий увеличивался, их численность и значение в обществе постоянно росли, а с середины столетия для них начался качественно новый этап развития: этап их самоорганизации в различные сообщества (Vereine)¹¹⁹. По мнению исследователей¹²⁰, в германских землях этот процесс проходил в три этапа сообразно типам создаваемых сообществ.

Первыми в 1740-1750-гг. широко распространились академии и учёные объединения – для познания «законов природы»¹²¹. 1760-е годы стали временем массового основания «патриотических» обществ (по современным подсчётам за весь XVIII век до 54)¹²². «Патриотические» общества своей целью видели способствование умножению «общей пользы» путём разработки и осуществления практических, конкретных улучшений в самых различных сферах жизнедеятельности – от земледелия до градостроительства. В подавляющем числе случаев они были аффилированы (до трети из них прямо основаны) с государственной властью, возникали в административных центрах, будь то территориальное княжество либо

¹¹⁷ Engelhardt U. «Bildungsbürgertum». Begriffs- und Dogmengeschichte eines Etiketts. Stuttgart, 1986. S. 30-97; «Die Bildung des Bürgers». Die Formierung der bürgerlichen Gesellschaft und die Gebildeten im 18. Jahrhundert. Weinheim, 1982.

¹¹⁸ Bürgerliche Berufe. Hrsg. von Siegrist H. Göttingen, 1988. S. 18-27.

¹¹⁹ Hardtwig W. Genossenschaft, Sekte, Verein in Deutschland. Vom Spätmittelalter bis zur Französischen Revolution. München, 1997. В особенности см. S. 197-238.

¹²⁰ Aufklärungsgesellschaften. Hrsg. von Reinhardt H. Frankfurt/Main, 1993. S. 7-18.

¹²¹ Im Hof U. Das gesellige Jahrhundert... S. 112-123; Aufklärungsgesellschaften... S. 19-38.

¹²² Aufklärungsgesellschaften... S. 61-81.

свободный город, состояли в основном из превалировавшей в общем числе знати, а также «экономического» бюргерства (обычно до трети от общего числа, больше лишь в крупных торговых городах, например, в Гамбурге).

Подлинно «бюргерскими», объединяющими все его категории и, прежде всего, представителей «образованного» бюргерства, являлись «читательские общества»¹²³. Спорадически возникавшие начиная с 1750-х гг. в протестантских землях севера Германии (Бранденбург, Померания, Бремен, Гамбург), с 1770-х гг. они начали массово появляться на всей её территории (свыше 400 за последнюю треть XVIII века). Общества стали институциональной основой так называемой «читательской революции» - резкого увеличения читательского спроса и соответствующего кратного увеличения объёмов выпуска печатной продукции¹²⁴. Ставившие своей первоначальной целью служить «утончению вкусов» читающей публики, они фактически стали центрами осуществления общественной коммуникации бюргерских слоёв по самой различной проблематике. По оценкам исследователей, именно литературные общества были наиболее «политизированными»¹²⁵. Это тем более подтверждает тот факт, что именно на их основе впоследствии в 1790-е гг. образовались так называемые «якобинские клубы»¹²⁶, имевшие перед собой цель уже не теоретические политические рассуждения, а реализацию политических положений на практике.

Многочисленные сообщества стали институциональной основой для функционирования немецкой «общественности», вырабатывавшей в своём

¹²³ Stützel-Prüseler M. Die deutschen Lesegesellschaften im Zeitalter der Aufklärung // Lesegesellschaften und bürgerliche Emanzipation. Ein europäischer Vergleich. Hrsg. von Dann O. München, 1981. S. 71-87.; Aufklärungsgesellschaften... S. 39-59.

¹²⁴ Wittmann R. Gibt es eine Leserevolution am Ende des 18. Jahrhunderts? // Die Welt des Lesens. Von der Schriftrolle zum Bildschirm. Frankfurt am M., 1999. S. 419-454.

¹²⁵ Aufklärungsgesellschaften... S. 50-55.

¹²⁶ Ibid. S. 97-112.

кругу разнообразные идеи, получавшие самые различные формы для своего выражения и отвечавшие на вопросы о том, как устроено общество и что нужно сделать для его преобразования на более справедливой, «прогрессивной» основе¹²⁷.

Подводя итог, необходимо констатировать, что ситуация в немецких княжествах середины XVIII века отличалась наличием целого ряда как политических, так и социальных предпосылок для активизации политического дискурса в тот исторический момент времени.

§ 2. Немецкая поэзия середины XVIII века на пути к политизации

Немецкая лирика являлась важной формой выражения политизации общества, но её путь к этому был постепенным.

Художественная атмосфера в немецкой поэзии середины XVIII века характеризовалась, с одной стороны, выраженным отсутствием интереса к происходящим вокруг событиям, а с другой, - несла в себе зародыш появления такого интереса в недалёком будущем. Её лицо в то время определяла так называемая «анакреонтическая лирика» - названное по имени древнегреческого поэта Анакреонта (VI-V вв. до н.э.) направление, тематика которого вращалась вокруг воспевания дружбы, любви, вина и хорошего времяпрепровождения¹²⁸. Будучи литературным выражением зародившегося в начале XVIII века во Франции стиля рококо, на немецкую почву оно было привнесено Ф. фон Гагедорном (1708-1754) и достигло расцвета в 1740-60-е гг. в произведениях И. В. Л. Глейма (1719-1803), К. В. Рамлера (1725-1798), И. П. Уза (1720-1796), И. Н. Гёца (1721-1781), И. Г. Якоби (1740-1814).

¹²⁷ Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Berlin, 1971.

¹²⁸ Гейман Б.Я. Поэзия 40-60-х гг. // История немецкой литературы. Т. 2. М., 1963. С. 100-105.

Однако под влиянием крупных внутри- и внешнеполитических потрясений середины века в творчестве некоторых из указанных авторов начали появляться мотивы, представлявшие собой отклик на происходящее.

И.П. Уз ещё в 1740-е гг. на фоне войны за Австрийское наследство (1740-1748) сочинил стихотворение «Германии в беде»¹²⁹, которое, с одной стороны, контрастировало с господствующими в поэзии настроениями и тематикой, а с другой, концептуально воспроизводило стилистику стихотворения времён Тридцатилетней войны и являлось подражанием великим поэтам XVII века – М. Опицу (1597-1639), Г.Р. Векерлину (1584-1653), Ф. Логау (1604-1655) и др. Уз излагает к тому времени ставший традиционным, однако – подзабытым, набор стереотипных мотивов и жалоб¹³⁰ о бедственном положении «Германии», вызванном «моральным упадком» её жителей, господствующим среди них «рабским сознанием», а также о пользующихся ситуацией внешних и внутренних «врагах»¹³¹. Обращающей на себя внимание характерной чертой стихотворения является его подчёркнутая абстрактность: читателю не сообщаются конкретные виновники сложившегося положения и другие «точные данные». Перспектива будущего и каких-либо возможных изменений к лучшему полностью отсутствует, временные сравнения идут лишь с «прошлым» - изображающейся довольно отвлечённо эпохой «славы» предков, среди которых упоминается и «Герман»¹³².

Однако даже такая робкая и шаблонная попытка Уза обратить свой взор на современность расценивается им как чрезмерная: в финале стихотворения он утверждает, что его «песнь осмелилась зайти слишком

¹²⁹ Uz J. P. Sämtliche poetische Werke. Hrsg. von August Sauer. Stuttgart, 1890. S. 39-42.

¹³⁰ Pütz P. Aufklärung // Geschichte der politischen Lyrik in Deutschland. Hrsg. von W.Hinderer. Würzburg, 2007. S. 134.

¹³¹ Uz J. P. Sämtliche... S. 39-42

¹³² Ibidem.

далеко», и советует музе «бежать» от «воинственных» песнопений навстречу развлекательной тематике¹³³.

Важным шагом на пути проникновения в немецкую поэзию – общественно-политической тематики явилась Семилетняя война¹³⁴. Много лет спустя И.В. Гёте в своих воспоминаниях утверждал, что «первое истинное, собственное высокое содержание пришло в немецкую поэзию через Фридриха Великого и события Семилетней войны»¹³⁵. В её годы получил распространение и пережил эпоху своего расцвета жанр «военных песен», родоначальником и главным представителем которого стал И.В.Л. Глейм, выпустивший в 1758 г. сочинённый им от имени одного гренадера сборник «прусских военных песен 1756 и 1757 гг.»¹³⁶. Сборник оказался чрезвычайно популярен у читающей публики и вызвал значительное число подражаний, среди которых особенно следует отметить следующие: отдельные оды Э.К. фон Клейста (1715-1759), поэта, принимавшего непосредственное участие в боевых действиях на стороне прусской армии и погибшего в битве при Кунерсдорфе, «Поэтические зарисовки преимущественно военных событий в Европе с 1756 г.» М. Дениса (1760 г.)¹³⁷, «Военные песни одного датского гренадера» Г.В. Герстенберга (1762

¹³³ Ibidem.

¹³⁴ «Krieg ist mein Lied»: der Siebenjährige Krieg in den zeitgenössischen Medien. Hrsg. von W.Adam, H.Dainat. Göttingen, 2007.; Bohnen K. Von den Anfängen des «Nationalsinns». Zur literarischen Patriotismus-Debatte im Umfeld des Siebenjährigen Kriegs // Dichter und ihre Nation. Hrsg. von Scheuer H. Frankfurt a.M., 1993. S. 121-137.

¹³⁵ Гёте И.В. Поэзия и правда: из моей жизни // Гёте И.В. Собрание сочинений в 10 тт. Т.3. М., 1976. С. 236.

¹³⁶ См. об этом: Cäcilia F. Johann Wilhelm Ludwig Gleim: «Preußische Kriegslieder in den Feldzügen 1757 und 1758 von einem Grenadier» // Der Aufklärer Gleim heute. Hrsg. von Riedel W. Stendal, 1987. S. 20-26.

¹³⁷ Denis M. Poetische Bilder der meisten kriegerischen Vorgänge in Europa seit dem Jahr 1756. Wien, 1760.

г.) и др.¹³⁸ Стихотворения этих собраний в своём большинстве представляют собой поэтические описания и авторские оценки конкретных исторических событий, как правило, крупных военных столкновений (Лобозицкая битва 1756 г., сражение под Прагой, при Колине и при Росбахе 1757 г. и т.п.).

По сравнению с изображениями войны в немецкой лирике прежних эпох, в частности, в XVII веке, в стихотворениях рассматриваемого круга она предстаёт в новом для себя, положительном, свете¹³⁹. «Война» у Глейма – не бессмысленное кровопролитие, а способ завоевания «славы» и «побед»¹⁴⁰, которые доказывают её эффективность и оправдывают понесённые жертвы (мотив «смерти за отечество»¹⁴¹). «Война» в рассматриваемых стихотворениях устроена просто: в ней всего две стороны, одна из которых – «своя собственная», а другая – абсолютный «враг».

Полная «демонизация» противника является одной из наиболее характерных особенностей «военных песен»¹⁴². «Враг» чрезвычайно могуществен в качественном и количественном отношении («полчища») и одновременно лишен «человеческого» обличия, представляя из себя армию «варваров»¹⁴³, «чудовищ»¹⁴⁴, «нелюдей», «остолопов»¹⁴⁵, движимых низменными чувствами («зависть» и т.п.). «Защищающаяся» сторона изображена принципиально схожим образом в качестве положительного

¹³⁸ Gerstenberg H.W. *Kriegslieder eines dänischen Grenadiers*. Altona, 1762.

¹³⁹ Hermann H.-P. *Individuum und Staatsmacht. Preussisch-deutscher Nationalismus in Texten zum Siebenjährigen Krieg* // Blitz H.-M., Hermann H.P., Moßmann S. *Machtphantasie Deutschland. Nationalismus, Männlichkeit und Fremdenhaß im Vaterlanddiskurs deutscher Schriftsteller des 18. Jahrhunderts*. Berlin, 1996. S. 69-70.

¹⁴⁰ Gleim J.W.L. *Ausgewählte Werke*. Leipzig, 1885. S. 24.

¹⁴¹ *Ibidem*.

¹⁴² Blitz H.-M. *Aus Liebe zum Vaterland: Die deutsche Nation im 18. Jahrhundert*. Hamburg, 2000. S. 275-279.

¹⁴³ Gleim J.W.L. *Ausgewählte...* S. 46, 56, 59.

¹⁴⁴ *Ibid.* S. 58.

¹⁴⁵ *Ibid.* S. 31.

полюса противостояния. Она показана «единой» и «однородной», зачастую обозначенной просто местоимением «мы». Важно, что «война» показана не разделяющим, а объединяющим «правителя» и его «народа» действием. Её участники – «братья»¹⁴⁶, монарх – великий «герой»¹⁴⁷, но возглавляющий такое же войско «героев»¹⁴⁸. Вместе они обречены на «победу», уверенностью в которой буквально «пропитана» каждая строчка стихотворений: их самих «защищает Бог»¹⁴⁹, действия врага «несправедливы»¹⁵⁰ и обречены на провал, а сам он будет «стёрт в порошок»¹⁵¹.

Общие особенности и специфику «военных песен» необходимо дополнить указанием на то, что в каждом из обозначенных выше сборников роли противоборствующих сторон различались в зависимости от конкретных политических предпочтений автора. Основоположник жанра, Глейм, воспевал деяния прусского короля Фридриха II и изображал в виде «врагов» всех членов противостоящей ему коалиции: Марию Терезию, «русских», «французов», «пандуров», «венгров», «калмыков», «казаков» и т.п. М. Денис, симпатизируя австрийской стороне, зеркально перевернул эту схему, представив «антипрусскую» версию данного сюжета. Принципиальное значение имеет тот факт, что авторы в выборе своих политических предпочтений и в видении сторон противостояния концентрировали своё внимание на уровне территориальных княжеств. В их «военных песнях» не фигурировала «общенемецкая» тематика (вплоть до полного отсутствия у Глейма использования терминов с корнем «немецкий» («deutsch»)).

¹⁴⁶ Ibid. S. 26, 29, 30, 31, 34, 35, 37, 42, 43, 45, 46, 47.

¹⁴⁷ Ibid. S. 30.

¹⁴⁸ Ibid. S. 35.

¹⁴⁹ Ibid. S. 30.

¹⁵⁰ Ibid. S. 30, 36.

¹⁵¹ Ibid. S. 46.

Таким образом, «военные песни» стали, с одной стороны, своеобразным проводником в немецкую поэзию рубежа 1750-1760-х гг. «злбодневной» тематики, а с другой, - подготовили отдельные идейные аспекты, использованные в отношении территориальных образований (мотив «смерти за отечество»¹⁵², разработка образа «абсолютного» внешнего врага), концептуально пригодные для дальнейшего внедрения на уровне немецкого национального дискурса.

Важное значение для последующей «национализации» и «политизации» немецкой поэзии стало привлечение в 1760-г. гг. «древнегерманской» тематики в рамках так называемой «бардовской лирики» 1760-х гг.¹⁵³.

Первоначальный импульс этому движению пришёл извне: в 1761-1762 гг. в Лондоне шотландский поэт Дж. Макферсон опубликовал несколько поэм на древнешотландские сюжеты, выдав их за перевод якобы обнаруженных им гэльских рукописей с оригинальным текстом поэм авторства легендарного кельтского барда III века н.э. Оссиана¹⁵⁴. Литературная мистификация оказалась очень успешной, поскольку соответствовала вкусам читающей публики того времени, потрясённой самой мыслью о том, что в её руках оказались «настоящие» образцы древнего поэтического искусства их предков.

В немецких землях это издание было принято даже с большим энтузиазмом, чем в Великобритании, о чем свидетельствуют 4 полных и 35

¹⁵² Eckhart H. Die «Wiedergeburt» Friedrich des Großen und der «Tod fürs Vaterland». Zum patriotischen Selbstverständnis in Preußen in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts // Nationalismus vor dem Nationalismus? Hrsg. von Hellmuth E./Stauber R. Hamburg, 1998. S. 23-54.

¹⁵³ Ehrmann E. Die bardische Lyrik im achtzehnten Jahrhundert. Halle, 1892.; Pott H.-J. Harfe und Hain. Die deutsche Bardendichtung des 18. Jahrhunderts. Bonn, 1976.

¹⁵⁴ Левин Д.Ю. Поэмы Оссиана Джеймса Макферсона // Макферсон Дж. Поэмы Оссиана. Л., 1983. С. 465-506.

частичных его переводов на немецкий язык до конца XVIII века¹⁵⁵. Следует особо подчеркнуть: поэмы Оссиана рассказывали о героях и легендарных событиях кельтской древности, но их немецким почитателям это не помешало их «германизировать» и воспринять в качестве памятника «немецкой» старины. Фактически, кельтское общество, представленное в поэмах, стало неким образцом для понимания особенностей устройства общества древних германцев, известные сведения о котором не отличались конкретикой¹⁵⁶.

В первую очередь это касается наличия двух типичных для кельтов социальных групп: «друидов» - хранителей их самобытной религиозной традиции, и «бардов» - кельтских «поэтов»¹⁵⁷. Такие немецкие писатели 1760-х гг., как уже попробовавшие себя на поприще «военной» лирики Г.В. Герстенберг (1737-1823)¹⁵⁸ и М. Денис (1729-1800), выпустивший в 1768 г. первый полный немецкий перевод Оссиана¹⁵⁹, а также К.Ф. Кречманн (1738-1809)¹⁶⁰, увидели свою задачу в возрождении на вновь обретенной основе «подлинной» «немецкой» лирики и примерили на себя роль «германского барда». В их произведениях подверглись разработке многие атрибуты соответствующей тематики, такие, как образ прародителя «германской» поэзии и её антропоморфного олицетворения Браги, снаряженного особой «германской» лирой, так называемой «тэлюн». Особую роль играли описания

¹⁵⁵ Schmidt W.G. „Homer des Nordens“ und „Mutter der Romantik“. James Macphersons Ossian und seine Rezeption in der deutschsprachigen Literatur. Bd. 1. Berlin, 2003. S. 485-588.

¹⁵⁶ Schmidt W.G. „Homer des Nordens“... S. 435-472.

¹⁵⁷ Düwel K., Zimmerman H. Germanenbild und Patriotismus in der deutschen Literatur des 18. Jahrhunderts / Germanenprobleme in heutiger Sicht. Hrsg. von H.Beck. Berlin, 1999. S. 360.

¹⁵⁸ Gerstenberg H.W. Gedichte eines Skalden. 1766.

¹⁵⁹ Denis M. Die Gedichte Ossians, eines alten celtischen Dichters, aus dem Englischen übersetzt. Wien, 1768–69.

¹⁶⁰ Kretschmann K.F. Der Gesang Rhingulphs des Barden. Leipzig, 1768.

из жизни «германских» богов: Одина, Фрейи и т.п., заимствованные, большей частью, из скандинавской мифологии.

Таким образом, с середины XVIII века в немецкой литературе уже шли процессы, приведшие её к качественно новому уровню на рубеже 1760-1770-х гг. Представления о незавидном положении современной Германии спорадически присутствовали, но не были выражены в таком явном виде, чтобы стать фактом общественного сознания. Тематика германского прошлого уже находилась в фабуле литературных произведений, но ещё не имела отчетливого программного значения и не связывалась с современностью. Непосредственная критика господствующих политических и социальных порядков практически не была представлена, тем более, отсутствовали призывы к их – мирному или насильственному – изменению.

Во многом, эта незавершенность была связана с тем, что данная трансформация пришлась в это время на долю уже сложившихся в «неполитическую» эпоху авторов, рожденных преимущественно в 1720-х гг. Исключение в этом ряду занимает лишь Клопшток – поэт «старой школы», но которому было суждено стать «зачинателем» качественно нового этапа в процессе «политизации» и «национализации» немецкой лирики.

§ 3. Особенности жизненного пути и творчества Ф.Г. Клопштока

Биография Клопштока – показательный пример идейной эволюции творческого человека, чуткого к переменам культурных и духовных парадигм своего времени¹⁶¹.

¹⁶¹ Munker Fr. Klopstock. Die Geschichte seines Lebens und seiner Schriften. Berlin, 1888; Kohl K. Friedrich Gottlieb Klopstock. Stuttgart, 2000; Hurlebusch K. Friedrich Gottlieb Klopstock. Hamburg, 2003.

Родившийся в 1724 году в небольшом северогерманском городке Кведлинбурге, расположенном недалеко от Галле, Клопшток происходил из бюргерской семьи, занимавшей довольно высокое положение в городском обществе: его отец был потомственным юристом, а мать являлась дочерью крупного торговца и по совместительству городского казначея. В его семье, как и во всем городе, царила атмосфера глубокой религиозности пиетистского толка, что на всю жизнь привило Клопштоку сильную веру в Бога, тем самым заложив первый мировоззренческий камень в основание личности будущего поэта.

Уже обучаясь в городской гимназии Клопшток проявил свои литературные дарования и обозначил форму, в которой они в дальнейшем реализовались: подражая латинским и греческим классикам, он начал делать первые попытки сочинительства, черпая вдохновение и заимствуя сюжеты из знакомого ему и такого близкого для него христианского вероучения. По достижению совершеннолетия Клопшток, намереваясь продолжить изучение богословия в университете, в середине 1740-х гг. отправляется сначала в Иену, а позднее в Лейпциг, где разворачивает уже полноценную литературную деятельность.

В течение последующих двух десятилетий поэтом создавались произведения, основанные на религиозных мотивах и проникнутые духом глубокого переживания веры и, таким образом, образующие собой идейно-философскую и сюжетно-тематическую общность (поэма «Мессиада» 1748-1773 гг., драмы «Смерть Адама» 1757 г., «Соломон» 1764 г., «Давид» 1772 г., а также духовные оды (сборник 1757 г.))¹⁶². Неизменность художественных подходов в этот период творчества дополнялась постоянством места проживания автора: с 1751 по 1770 год Клопшток находился при дворе датского короля Фредерика V, который оказывал поэту покровительство и создавал все условия для литературных занятий.

¹⁶² Kaiser G. Klopstock. Religion und Dichtung. Kronberg am Taunus, 1975.

Вместе с тем, на протяжении этого времени в поэте подспудно зрела неудовлетворенность тем комплексом религиозных идей, с помощью которых он как через призму привык с детских лет смотреть на окружающий его мир. Эта неудовлетворённость не вылилась в их отрицание, но заставила Клопштока искать новые дополнительные идейные «точки опоры» в качестве руководства для собственной жизни¹⁶³. По всей видимости, «спусковым крючком» данного процесса послужили последовательно произошедшие потери близких ему членов его семьи, отца (1756 г.), и жены (1758 г.), Маргариты Моллер, любовь к которой он верно хранил на протяжении последующих 30 лет, решившись жениться во второй раз лишь будучи уже в преклонном возрасте в 1791 г.

Личностный кризис поэта совпал с началом распространения оссиановских поэм в первой половине 1760-х гг. Фактически, можно утверждать, что Клопшток являлся одним из представителей «бардовской» лирики 1760-х гг., параллельно с остальными её представителями переживший увлечение Оссианом, но решившийся сделать результаты своего творчества достоянием читающей публики позднее остальных авторов и, в отличие от них, быстро достигший качественно иного с художественной и идейной точек зрения уровня рецепции соответствующих произведений. Поэт попытался совместить полученный им оссиановский и бардовский импульс с остальными известными на тот момент времени сведениями о древнегерманском прошлом, тем самым путём художественной компиляции разрозненных и имеющих малое отношение к действительности известий нарисовать собственное его видение¹⁶⁴.

¹⁶³ Betteridge H. Klopstocks Wendung zum Patriotismus // Klopstock. Werk und Wirkung. Berlin, 1978. S. 179-184.

¹⁶⁴ О влиянии Оссиана и поэтов-«бардов» на Клопштока подробнее см.: Zimmermann H. Freiheit und Geschichte. F. G. Klopstock als historischer Dichter und Denker. Heidelberg, 1987. S. 125-137.

Важно, что рисуя картину прошлого, Клопшток подчёркнуто вмонтировал в неё своё обращение к «немецкому» настоящему. Древнегерманская тематика для поэта не есть уход из современности в мир художественной грёзы, а сетка ценностных ориентиров для собственной жизни, заменившая ему и много заимствовавшая из его предыдущей – религиозной – системы координат.

Это доказывает факт постоянства авторского интереса к теме, выразившийся в хронологически «равномерном» распределении создания соответствующих произведений на протяжении 1770-1780-х гг.: трилогии о вожде племени херусков Германе («Битва Германа», 1769, «Герман и князя», 1784, «Смерть Германа», 1787) и поэтическом наследии автора, преимущественно написанном в малых жанрах (прежде всего, оды, в меньшей степени песни, эпиграммы и т.п.).

Клопшток обращается к уже традиционному для немецкой литературы сюжету об истории борьбы ряда германских племён во главе с полупоэтическим воином Арминием против вторгавшихся в их земли римских легионов во времена римских императоров Августа (27 до н.э. – 14 н.э.) и Тиберия (14-37 гг.)¹⁶⁵, сведения о которой были переданы римским историком Тацитом (сер.50-х – ок. 120 гг.).

Их рецепция¹⁶⁶, начавшаяся после первой публикации произведений историка в 1515 г., была многовариантной и прошла в своём развитии несколько этапов. Первый из них был осуществлён усилиями немецких гуманистов и заключался в перетолковании событий с «немецких» позиций. Этот период носил отчетливо персонифицированный характер¹⁶⁷: внимание

¹⁶⁵ Современная реконструкция событий: Wolters R. Die Schlacht im Teutoburger Wald. Arminius, Varus und das römische Germanien. München, 2008.

¹⁶⁶ См. общие тенденции: Bemann K. Arminius und die Deutschen. Essen, 2002; Kösters K. Mythos Arminius. Die Varusschlacht und ihre Folgen. Münster, 2009.

¹⁶⁷ Ride J. Arminius in der Sicht der deutschen Reformatoren // Arminius und die Varusschlacht. Geschichte, Mythos, Literatur. Schöningh, 2003. S. 239-249.

концентрировалось на исторической личности Арминия, и главной задачей было её превращение в легендарную героическую фигуру «немецкого» прошлого, способную «на равных» конкурировать с «героями» других государств и народов. Первую попытку такого рода представлял собой вышедший в 1529 году диалог «Арминий» У. фон Гуттеном (1488-1523)¹⁶⁸. Важным шагом на пути «национализации» Арминия становится его «переименование» в 1530 г. М. Лютером (1483-1546) в «Германа»¹⁶⁹.

В основе другого направления рецепции, получившего особое развитие в XVII веке, лежало то обстоятельство, что описанные Тацитом события (любовь Арминия и Туснельды, её пленение римлянами, предательство её отца Сегеста и последующее убийство им Германа и т.п.) представляли собой удобный материал для создания на его основе произведений в ключе художественно-развлекательной литературы¹⁷⁰. В центре её внимания находились человеческие отношения между героями, а политическая и национальная составляющая отходили на второй план. Это тем более доказывает тот факт, что, помимо немецких земель, данный вариант трактовки событий получил большое распространение во Франции и Италии. Именно там впервые в истории сюжета он был вынесен на музыкальную (венедианская постановка 1676 г. Дж. Легренци (1626-1690)) и театральную (парижская постановка 1684 г. Ж.-Г. Кампристона (1656-1723)) сцены¹⁷¹.

В этом смысле очередной виток интереса к данным сюжетам в середине XVIII века уже основывался на заметном идейном фундаменте. Опираясь на описанную выше традицию художественной интерпретации

¹⁶⁸ Roloff H.-G. Der Arminius des Ulrich von Hütten // *Arminius und die Varusschlacht. Geschichte, Mythos, Literatur*. Schöningh, 2003. S. 239-249; Попова О.А. Диалог «Арминий» Ульриха фон Гуттена // *Вестник Тюменского гос. ун-та*. Тюмень, 2003. Вып. 3. С. 164-169.

¹⁶⁹ Benario H.W. Arminius into Hermann: History into Legend // *Greece & Rome. Second Series*. Vol. 51. 2004, № 1. P. 83-94.

¹⁷⁰ Kösters K. Mythos Arminius... S. 75-109.

¹⁷¹ Bemmann K. Arminius... S. 135-150.

переданных античными авторами сведений и сюжетов из жизни древних германцев, Клопшток предлагает их собственную трактовку, по нескольким параметрам отличающуюся от прежних версий. Необходимо кратко проследить основные сюжетные линии пьес и в дальнейшем остановиться на их специфике.

Первая часть трилогии передаёт события третьего – решающего – дня битвы в Тевтобургском лесу. Действие происходит на вершине высокой скалы в условном «штабе» «немецких» сил, откуда просматривается долина, где разыгрывается сражение. В этом «штабе» расположен священный алтарь бога войны Водана, у которого «друиды» служат свои обряды, а «барды» поют торжественные песнопения. Помимо них на сцене постоянно присутствует Зигмар – отец Германа, получивший ранение в битве. Все остальные герои пьес появляются по обстоятельствам лишь спорадически. Важнейшим сюжетным развитием пьесы является взятие в плен Флавия – в изображении поэта брата Германа, находящегося на службе римлян. Сам Герман появляется только в конце пьесы (что само по себе свидетельствует о системном, а не «личностном» подходе Клопштока к трактовке сюжета), сообщает о триумфальной победе и в её честь отпускает Флавия на свободу.

Большую часть второй части трилогии занимает военный совет глав германских племён о действиях против нового вторжения римских войск, руководимых Авлом Цециной Севером (исторические события 14-16 гг. н.э.). Между Германом и остальными военачальниками разгорается спор о лучшей стратегии действий в отношении противника: главный герой выступает за то, чтобы выждать паузу и, как и в случае с Тевтобургской битвой, принять бой в лесной местности, остальные же уверены в необходимости тотчас напасть на расположившийся в долине укреплённый лагерь римлян. Несмотря на то что все обстоятельства, подробно описываемые Клопштоком, указывает на правоту Германа, главы племён настаивают на своём решении и Герман вынужден им подчиниться. Сражение заканчивается полным разгромом германцев, а героям едва удаётся спастись бегством. Помимо магистральной

сюжетной линии следует отметить отсутствие участия в этой пьесе супруги Германа, Туснельды, по замыслу автора находящуюся похищенной в Риме, а также важность сцены вновь введенного Клопштоком в действие Флавия в качестве посланника римлян, появившегося вместе со своим сыном Италом, выросшим в Риме, но испытывающим душевную тягу к своему «истинному» отечеству.

Третья пьеса посвящена процессу обвинения Германа со стороны глав племён в произошедших неудачах и в попытках узурпировать власть над ними. Долгие обсуждения этих вопросов заканчиваются в итоге обвинительным приговором и гибелью героя.

Трактовка Клопштока имеет четко выраженную национально-политическую направленность, которая полностью подчиняет себе другие сюжетные линии вплоть до полного сведения на нет их самостоятельной значимости. В трилогии совершенно отсутствует развлекательный посыл: предназначенная для постановки на сцене, а значит, рассчитанная на широкую публику, она не ставила своей целью угождение её вкусам в обмен на собственную популярность, а стремилась «открыть ей глаза» на происходящее в её «отечестве».

Национально-политическая направленность пьес отличалась высокой степенью проработки материала и сюжетной сбалансированностью. Если ранее центр тяжести повествования вращался вокруг битвы в Тевтобургском лесу и роли Германа в ней, то у Клопштока этот также остающийся важным аспект занимает «лишь» первую часть трилогии – а две остальные части посвящены событиям после сражения. Принципиально иную по важности роль в авторской трактовке материала начинают играть главы германских племён – «немецкие князья», взаимоотношения Германа с которыми и посвящены две финальные пьесы. Таким образом, внешнеполитический аспект в национально-политической интерпретации сюжета поэтом уравнивается внутривнутриполитическим.

Фактически, в центре внимания Клопштока находятся не отдельные персонажи, а само общество того времени, устройство которого он подробно прорисовывает и рассматривает как в статике, так и в динамике, давая свои ответы на такие важные с национальной и политической точки зрения вопросы как, чем оно является в принципе, каково его устройство, кем являются люди, входящие в него, в каком состоянии оно находится и каким может быть его будущее. Необходимо реконструировать видение поэта по данным вопросам.

§4. Поиск модели идеального устройства «немецкого общества»

Первой особенностью, обращающей на себя внимание, является терминология, которой пользуется поэт для обозначения населения, жившего в описываемую им древнюю эпоху. Клопшток в принципе не употребляет термин «германцы» («Germanen»), а пишет только о «немцах» («die Deutschen»). Этим он сразу же заявляет о своей позиции, заключающейся в признании им «национального» тождества древнего и современного населения германских земель. Одновременно с «немцами» на страницах пьес Клопшток выводит наличие множества «племенных» образований. В первой части трилогии поэт даёт их список из 24 наименований¹⁷², важнейшие из которых (херуски, хатты, марсы и т.п.) выдвинуты на первый план повествования. Общество, изображаемое Клопштоком в пьесах, имеет, таким образом, «двойственную» природу («немцы» - «херуски»/«хатты»/«марсы» и т.д.). Для того чтобы определить вкладываемый поэтом в каждый из этих элементов смысл, необходимо обратиться к рассмотрению одной из самых употребительных в трилогии категорий – термина «народ» («Volk»).

¹⁷² Klopstock F.G. Werke und Briefe. Historisch-kritische Ausgabe. Abteilung Werke VI: Hermann-Dramen. Band 1 Text. Hamburg, 2009. S. 70.

4.1. «Немецкий народ» как единая культурно-этническая общность

Встречающийся в пьесах в количестве 75 раз, по отношению к «немцам» он применяется 41 раз (55% от общего использования), т.е. в абсолютном большинстве случаев. Изображая «немцев» в качестве «народа», Клопшток стремится одновременно доказать и показать их принципиальное «единство». В первую очередь он обосновывает «единство» «немцев» как культурно-этнической общности.

Клопшток постулирует: «немцы» являются «народом Туискона»¹⁷³. Поэт воспроизводит, таким образом, переданные Тацитом сведения, согласно которым «немцы» связаны друг с другом узами кровного родства, поскольку имеют общее происхождение от мифологического существа «Туискона». Сын «Туискона» - мифологический Манн – полагался их непосредственным родоначальником. Представление о «немцах» как потомках этих божеств (в оборотах «сыны», «внуки Туискона», «Манна», принесение им священных клятв и т.п.) проходит красной нитью через пьесы и оды Клопштока¹⁷⁴.

Важной чертой их образа жизни является его нахождение в гармонии с «природой». «Немцы» показаны живущими в лесах и по берегам рек, род их занятий непосредственным образом зависит от окружающей природной среды. Клопшток ярко демонстрирует, что из себя представляет «народ» в 15-17 сценах третьей части трилогии, когда в честь возвращения супруги Германа Туснельды из римского плена устраивается праздничное «народное» представление, главные участники которого – это «охотники», «пастухи», «рыбаки», «земледельцы» и т.д.¹⁷⁵.

¹⁷³ Klopstock F.G. Hermann-Dramen... S. 44.

¹⁷⁴ См. в пьесах напр.: Klopstock F.G. Hermann-Dramen... S. 26, 28, 30, 52, 54, 62, 71, 77-78, 99, 133, 139, 185, 191. См. также: Klopstock F.G. Werke und Briefe. Historisch-kritische Ausgabe. Abteilung Werke I: Oden. Band 1 Text. Hamburg, 2011. S. 248.

¹⁷⁵ Klopstock F.G. Hermann-Dramen... S. 306-313.

Соответствие жизненного устройства «немцев» «природе» ярко подчёркивается на символическом уровне. Именно из «природной» среды Клопшток выбирает объект, который наделяет статусом национального символа: «священную дубовую рощу»¹⁷⁶. Её образ становится для Клопштока чрезвычайно важным и многозначным. В первую очередь, он служит задаче локализации самой «немецкости» в её различных проявлениях: её религии как месте пребывания «немецких» божеств (Водана и т.п.), её поэзии как месте нахождения «немецких» «бардов». Эта основа позволяет ему получить расширенное толкование и стать образом, олицетворяющим самих «немцев» - «народа рощи»¹⁷⁷.

Вышеупомянутые сцены празднования возвращения супруги Германа Туснельды из римского плена свидетельствуют об отсутствии в понимании Клопштока «внутри» «немецкого народа» социальных и профессиональных различий. На языковом уровне это выражается наличием устойчивого словосочетания «весь народ» («das ganze Volk»). Данный оборот является одним из наиболее часто используемых в пьесах: с его помощью поэт стремится подчеркнуть характеристику «народа» как некой максимальной совокупности всех «немцев»¹⁷⁸.

Объединённые общим происхождением, «немцы» наделяются автором целым набором присущих им как сообществу положительных качеств. Они предстают «смелым»¹⁷⁹, «верным»¹⁸⁰, «благородным»¹⁸¹ «народом». «Немец» «всегда справедлив»¹⁸², «серьёзен»¹⁸³, его сердце «гордое», но «доброе»¹⁸⁴.

¹⁷⁶ Zimmermann H. Freiheit und Geschichte... S. 213-218.

¹⁷⁷ Klopstock F.G. Hermann-Dramen... S. 169.

¹⁷⁸ Ibid. S. 56, 112, 135, 192.

¹⁷⁹ Ibid. S. 23, 66, 54.

¹⁸⁰ Ibid. S. 195.; Klopstock F.G. Oden. S. 328.

¹⁸¹ Klopstock F.G. Hermann-Dramen... S. 114, 224.

¹⁸² Ibid. S. 199.

¹⁸³ Klopstock F.G. Oden... S. 556.

«Немецкий дух» подобен «рейнскому вину» - «жгучему и пылающему», «крепкому», но «не дурманящему»¹⁸⁵.

Особая черта «немцев» - это их «свободолюбие». Клопшток представляет эту особенность следствием их гармоничного с «природой» образа жизни: «вскормлённые в лесах молоком стад и охотой за косулями», «немцы» сделались «народом свободы»¹⁸⁶. «Свобода» изображается как неотъемлемая часть их бытия, исходит из самой сущности «народа» и даже называется «священной»¹⁸⁷, поэтому борьба за её сохранение приравнивается к борьбе за сохранение «немцев» как «народа».

Клопшток пишет, что «немцы» скорее предпочтут смерть, чем дадут себя лишиться привычного «свободного» образа жизни¹⁸⁸: «Юноши, / с лёгкими щитами, покрытыми цветами», и «мужи и старцы, / с большими глубокими шрамами, добытыми в битвах» «лучше умрут, чем останутся жить, / если на кон поставлена их свобода». Их гибель в этом случае трактуется автором как сохранение собственной чести и даже как нравственная победа: «Мертвые победители – всё равно победители»¹⁸⁹. «Никогда завоеватели мира не должны сделаться нашими господами» - такой принцип, сформулированный устами Германа, подаётся в качестве нормативного для каждого «немца»¹⁹⁰.

Именно данным «врождённым свободолюбием» - стремлением сохранить свою «свободу» любой ценой – «немцы» качественно отличаются от других «народов». Автор доказывает это представлением их как единственных в мире отважившихся и сумевших оказать достойное

¹⁸⁴ Ibid. S. 342.

¹⁸⁵ Ibid. S. 137.

¹⁸⁶ Klopstock F.G. Hermann-Dramen... S. 226. См. также S. 143.

¹⁸⁷ Ibid. S. 79.

¹⁸⁸ Ibid. S. 66.

¹⁸⁹ Ibid. S. 247.

¹⁹⁰ Ibid. S. 244.

сопротивление Римской империи, в то время как вокруг них «звонят цепи / покорённого мира»: «Иллириец! галл! / ибериец ! британец! / и даже народ, чей гений / расцвёл в Фермопилах» «смотрят / печальными глазами, полными слёз, на свои кандалы»¹⁹¹.

Вышеприведённые примеры показывают, что понятие «свободы» трактовалось Клопштоком как «свободолюбие» - уникальная «черта характера» «немцев», которая играет важную роль при выборе ими стратегии поведения в отношении внешних сил, представляющих для них угрозу. Защита «немецкой свободы» в этом смысле принимала вид борьбы за сохранение собственной «независимости».

Таким образом, «немцы» как «народ» изображаются Клопштоком в качестве «единой» культурно-этнической общности. Однако теперь необходимо определить, какой на этом фоне смысл вкладывал поэт в прорисованное им «племенное» деление «немецкого» общества.

В отношении племенных образований Клопшток применяет термин «народ» всего 8 раз (10%). Таким образом, частотность его использования в сравнении с таковой по отношению к категории «немцы» меньше на несколько порядков. Указание на эту количественную несопоставимость, саму по себе являющейся показательной, необходимо дополнить анализом контекста для данных редких случаев.

Сюжетная особенность этих эпизодов заключается в том, что они представляют собой конфликтные ситуации. Первая из них описана в тринадцатой сцене первой части трилогии и произошла сразу же после победы в битве при Тевтобургском лесу между двумя представителями племён «херусков» и «марсов», не поделивших, кому из них должно достаться знамя поверженных римлян¹⁹². Каждый из них пытался доказать, что «его народ» заслужил данную реликвию в качестве трофея больше, чем

¹⁹¹ Ibid. S. 169.

¹⁹² Ibid. S. 132-136.

другой. Клопшток показывает распри, начавшиеся сразу после победы, достигнутой общими усилиями, в отчетливо негативном свете, в конечном счете, сделав главного героя Германа примирителем сторон.

Второй эпизод относится к третьей части трилогии и обнаруживается в ходе дискуссии глав племен и Германа, предшествующей его осуждению и казни. Во время неё главному герою пытаются приписать мнимые намерения по распространению своей власти на соседние племена. При этом последние упорно называются «народами», в связи с чем Клопшток создаёт ситуацию, при которой именно «народный» статус племен в принципе делает выдвигаемые обвинения законными. По мнению обвинителей, «помимо своих херусков» Герману «нужны ещё народы», он уже привлёк на свою сторону «лангобардов и семнонов», но их «ему не достаёт»¹⁹³. Клопшток целиком и полностью остаётся на стороне главного героя, трактуя последующий смертный приговор как вынесенный за ложные обвинения, выдвинутые по ложной логике. Истинную логику поэт, естественно, выражает устами Германа. В ответ на утверждения главы племени хаттов Арпе о том, что он «хатт», Герман открыто заявляет: «Я мог бы сказать то, что я херуск, но это не имеет значения... Мы все – немцы!»¹⁹⁴.

Этим Клопшток заявляет о несостоятельности претензий со стороны племенных структур на статус отдельного «народа». Анализ показывает, что поэт намеренно использует термин «народ» по отношению к племенам с целью демонстрации в контексте повествования его принципиальной неприменимости к ним.

В этой связи становится необходимым определить, чем на самом деле являлись племенные образования в представлении Клопштока. Обращает на себя внимание тот факт, что главой каждого из них он ставит де-факто полномочного руководителя в понятном для немецких читателей -

¹⁹³ Ibid. S. 274.

¹⁹⁴ Ibid. S. 195.

современников поэта статусе «князя» («Fürst»). Так, Ингомар предстаёт в пьесах «князем» херуском, Гамбрив – бруктеров, Катвальд – марсов, Арпе – хаттов и т.п.¹⁹⁵. Фактически, наличие или отсутствие самостоятельного «князя» предстаёт в пьесах единственным «самобытным», а не «общенемецким» племенным атрибутом и выступает в качестве главного критерия выделения племени как такового в принципе.

Таким образом, «немцы» в изображении Клопштока предстают единым по своему происхождению и культуре «народом», политически разделённым на отдельные «племена». В связи с подобным несоответствием представляется уместным вопрос, каким же образом в этих условиях обеспечивается культурное «единство» «немцев».

В структуре немецкого общества из пьес Клопштока отчетливо выделяется социальная группа, занимающие особое положение: это «барды» во главе с их «вождём» Вердомаром. Они предстают хранителями «немецкого» языка - «языка Туискона»¹⁹⁶, который преподносится в качестве одного из основных элементов культуры, скрепляющих «немцев» в «народ» и выражающих его «дух».

В изображении поэта «барды» сопровождают все основные события в жизни «немцев», своими песнопениями делая в них свой вклад. «Барды» помогают «немцам» одержать победу в битве в Тевтобургском лесу: они поют «победные песнопения» непосредственно для поля сражения¹⁹⁷ и «их песни» летят как «кровавые копыя» навстречу врагу¹⁹⁸. «Вождь» бардов Вердомар прямо заявляет: «Мы не можем сражаться так же, как вы [воины], но так же умереть – мы можем. Я хотел бы выпрыгнуть со своими бардами... навстречу римлянам, петь, петь, и умереть!». Таким образом, роль «бардов» в победе оказывается не меньшей, чем роль воинов.

¹⁹⁵ Ibid. S. 161, 271.

¹⁹⁶ Klopstock F.G. Oden... S. 297, 348.

¹⁹⁷ Klopstock F.G. Hermann-Dramen... S. 42.

¹⁹⁸ Ibid. S. 35.

Важно, что деятельность «бардов» показана как «общенемецкая» и не ограничивается рамками какого-либо отдельного племени¹⁹⁹. Именно в их уста Клопшток вкладывает мысли о едином «народе» «немцев»²⁰⁰ и его «отечестве»²⁰¹, делая из них своеобразную касту «пророков», вещающих «истину»²⁰². Песнопения «бардов» представлены «священными»²⁰³, а их выступления проходят непосредственно перед «алтарём Водана»²⁰⁴.

Таким образом, именно на них Клопшток возлагает важнейшую в его представлении задачу обеспечения единства «немецкой» культурной традиции в условиях политического разделения «народа».

4.2. Постановка проблемы политического объединения «немцев»

Описанный выше «немецкий мир» древности статичен. Фактически, предлагаемая схема выполняет функцию «естественного», «первоначального» состояния, которое поэт предлагает для себя и своего читателя в качестве условного «доисторического» времени. Именно в этом смысле Клопшток называет «немцев» «девственным народом, чья весна ещё не созрела»²⁰⁵. «Естественность» состояния, в котором пребывали «немцы», дополнялась и – предопределялась – их отгороженностью от происходящих во внешнем мире событий и – отсутствием необходимости участия в них. Но – только до того момента, когда сам этот внешний мир не вторгается в их жизнь.

¹⁹⁹ Ibid. S. 69.

²⁰⁰ Ibid. S. 66, 77-78.

²⁰¹ Ibid. S. 80, 130.

²⁰² Klopstock F.G. Oden... S. 341.

²⁰³ Klopstock F.G. Hermann-Dramen... S. 46.

²⁰⁴ Ibid. S. 66.

²⁰⁵ Ibid. S. 226.

Речь, конечно, идёт о вторжении римлян, образ которых выстраивается Клопштоком как полная противоположность образу «немцев»²⁰⁶.

В отличие от «немцев», живущих в своём «мире» и не пытающихся распространить свою власть на другие земли, «римляне» описываются поэтом в негативном ключе как «завоеватели мира», которые «склоняют» под своё «ярмо ближайшие» им «народы», или «уничтожают их». Их действия «несправедливы»: они «подняли» против «немцев» «свой топор»²⁰⁷, будучи ими «ничем не оскорблёнными» и «ничем не обиженными»²⁰⁸.

В противоположность «свободолюбивым» немцам римляне – народ «тиранов» и «рабов». С течением времени они потеряли былую силу и древние достоинства, ослабли как морально, так и физически²⁰⁹: «Выродились, внуки Ромула, и в пирах / Наслаждений животным стали подобны!». Римский народ позволил «тиранам», живущим на «высоком Капитолии»²¹⁰, поработить себя и сделался их «приспешником» («Untertyrannen»)²¹¹.

Таким образом, «римляне» изображены в качестве абсолютного «врага» по канонам, близким к использованным в «военных песнях» времён Семилетней войны.

Ситуация подаётся таким образом, что культурное «единство» «немецкого народа» представляется недостаточным условием для отражения внешней угрозы. Клопшток проводит мысль о том, что появление внешнего врага вызвало к жизни необходимость качественного изменения «естественного» устройства «немецкого» общества и в качестве такового поэт представляет заключённый между «князьями» племенных образований

²⁰⁶ Woesler W. Das Romerbild in deutschen Hermann-Dramen // Hermanns Schlachten. Zur Literaturgeschichte eines nationalen Mythos. Bielefeld, 2008. S. 41-59.

²⁰⁷ Klopstock F.G. Hermann-Dramen... S. 26.

²⁰⁸ Ibid. S. 26, 41.

²⁰⁹ Ibid. S. 29.

²¹⁰ Ibid. S. 28, 70

²¹¹ Ibid. S. 283.

военно-политический союз. Последний подаётся и расценивается Клопштоком в качестве достижения ранее отсутствовавшего политического «единства» «немецкого народа».

Данное качественное изменение состояния «немецкого» общества характеризуется приобретением нескольких важных его характеристик, общей чертой которых являлась констатация достижения большей «глубины» его интеграции²¹².

Сам факт союза племен является признанием судьбоносной взаимозависимости «немцев» друг от друга. Противостояние с внешним врагом в изображении Клопштока позволило им осознать этот факт. «Только единство может быть нашим спасением!»²¹³ - утверждает друид Бренно. Мысль о взаимосвязанности показана в уже упомянутых выше сценах всеобщего празднования возвращения супруги Германа Туснельды из римского плена. Возвращение героини преподносится делом непосредственной важности для каждого из «немцев».

Взаимосвязанность различных частей «немецкого народа» наилучшим образом проявляется в обрётённой им способности к совершению «единого» действия. Эту идею Клопшток подчёркивает тем, что указывает в подзаголовках к отдельным сценам пьес в качестве участников действия помимо индивидуальных героев абстрактную категорию – «немцев»²¹⁴. В этих случаях Клопшток фактически придаёт им функции отдельного коллективного субъекта представления, в роли которого они, таким образом, начинают выступать.

Главным примером действия «немцев» как единого «народа» является битва в Тевтобургском лесу. Поэт вкладывает в уста прославляющего её бардовского хора следующие слова: «Мы, немцы, собрались вместе, /

²¹² Hermann H.-P. «Mein Arm wird stark...» S. 64-66.

²¹³ Klopstock F.G. Hermann-Dramen... S. 193.

²¹⁴ Ibid. S. 234-241.

подобно туче, и – тотчас смяли римлян, / победили их!»²¹⁵ Объединение «немцев» в военно-политический союз и их выступление как «единое целое» в таком новом для себя качестве преподносится, таким образом, как главная причина их победы над внешним врагом.

Указание на приобретённую способность «немцев» на «единое действие» сопровождалось подчёркиванием его «цели»: объекта, ради которого оно совершалось. Клопшток по ходу развития сюжета однозначно формулирует его в виде категории «отечества», равнозначной понятию «Германия» («Deutschland»).

Во всех 58 случаях употребления категории «отечества» в пьесах она используется в единственном числе в значении «отечество» «немцев», синонимичное ему понятие «Германия» фигурирует в текстах 37 раз.

Понятия «отечество» и «Германия» проходят маркирование традиционной для Клопштока «немецкой» природной символикой. Сама «Германия» есть одна большая «роща»²¹⁶, «отечество» же «подобно толстому тенистому дубу / в глубине рощи», оно есть «величайший, древнейший, священнейший дуб»²¹⁷.

Несмотря на то что представлены «князья» самостоятельными правителями, Клопшток постоянно подчёркивает «общность» их «отечества». Поэт неустанно повторяет, что они – «князья Германии»²¹⁸, а вторжение римлян направлено не на покорение отдельных «князей» и племен, а на «завоевание Германии»²¹⁹, результатом которого может стать её «гибель»²²⁰.

²¹⁵ Ibid. S. 33.

²¹⁶ Ibid. S. 224, 225, 321.

²¹⁷ Ibid. S. 80.

²¹⁸ См. напр.: Ibid. S. 121, 140, 141, 142, 175, 177, 193, 203, 206, 231.

²¹⁹ См. напр.: Ibid. S. 230, 262, 282, 319.

²²⁰ См. напр.: Ibid. S. 231.

«Отечество» предстаёт абстрактным объектом, служение которому трактуется Клопштоком как безусловное благо для всех представителей «немецкого народа». Оно изображается конечной целью и причиной их действий.

Автор рассматривает понятие «отечество» в контексте семейных связей, повышая степень естественности данной категории и усиливая эмоциональную составляющую в его восприятии²²¹. Устами «бардов» он постулирует, что связь человека с «отечеством» - сильнее родственных отношений²²²: «Отечество... / больше, чем мать, жена, и невеста, / больше, чем сын во цвете лет, / впервые взявший <в руки> оружие!». «Германия – твоя мать» - говорит Герман своему брату-предателю Флавию²²³.

Фактически, «отечество» становится у Клопштока категорией, которая подменяет собой традиционные предметы привязанности человека и проявления человеческих чувств. «Отечество» можно «любить», «ненавидеть», мучиться от разлуки с ним или «предать». Это ярко демонстрируется во второй части трилогии на примере Итала, сына предателя Флавия, брата Германа. Являясь римским посланником на переговорах с «немцами», он признаётся, что тоскует по «отечеству». «Я не знаю, что заразило меня любовью к Германии»²²⁴, - утверждает он, но невозможность вернуться из-за предательства отца мучает его. «Он несчастен, потому что любит своё Отечество»²²⁵, - такой вывод делает сын Германа, Тойде.

Любовь к «отечеству» изображается «требовательным» чувством, истинность которого нужно постоянно доказывать. Самым зримым доказательством этой любви предстаёт самопожертвование человека ради

²²¹ Hermann H.-P. «Mein Arm wird stark...» S. 60-61.

²²² Klopstock F.G. Hermann-Dramen... S. 80.

²²³ Ibid. S. 207.

²²⁴ Ibidem.

²²⁵ Ibidem.

него. Ценность «отечества» становится выше ценности человеческой жизни²²⁶: «Приятна смерть за отечество! / Когда наше опускающееся чело / Покроется кровью, мы умрём / Во славу отчизны!». Зигмар, отец Германа, прямо называет погибших «немцев» теми, кто «любил своё Отечество больше, чем свою жизнь»²²⁷.

Формула «смерть за отечество» являлась немецким переложением античного требования «pro patria mori» и присутствовала в немецком национальном дискурсе ещё со времён гуманистов²²⁸. Её трактовка в смысле долга человека по отношению к «отечеству» в условиях, когда последнему угрожает опасность, была достаточно традиционна. Однако у Клопштока она имеет не только характер долженствования и суровой необходимости, но и радостного желания самого индивида. Такая смена восприятия акта самопожертвования была во многом связана с его переосмыслением в религиозном ключе: человек уподобляется мученику за веру, который своим поступком завоёвывает своё последующее воскресение и попадание в рай, в качестве которого выступает складывающийся пантеон «национальных героев»²²⁹. Клопшток, культивируя данную мысль, усиливает эффект её восприятия отсылками к древнегерманскому мифу о Вальгалле - зале, в котором живут павшие за родину «воины Германии»²³⁰, вновь обретающие в нём былую силу и молодость, проводящие бесконечное время в поединках между собой²³¹: «О ты, павший за отечество, / Тебе поднесёт в прохладной роще Вальгаллы / Тебе, вновь ставший юношей, / Туискон твоё первое оружие!».

²²⁶ Klopstock F.G. Oden... S. 90.

²²⁷ Klopstock F.G. Hermann-Dramen... S. 80.

²²⁸ Hermann H.-P. «Mein Arm wird stark...» S. 70.

²²⁹ Kaiser G. Klopstock als Patriot // Nationalismus in Germanistik und Dichtung. Berlin, 1967. S. 149-150.

²³⁰ Klopstock F.G. Hermann-Dramen... S. 241.

²³¹ Ibid. S. 81.

Подводя итог, необходимо зафиксировать логику видения Клопштоком «римского» вторжения в качестве импульса для качественного изменения «естественного» состояния «немецкого» общества, приобретшего своё политическое «единство» в виде «отечества»-«Германии». Жизнеспособность и оправданность такого изменения была доказана достигнутой им победой над «врагом» в битве в Тевтобургском лесу. Усилению значения приобретения «немецким народом» политического единства способствует придаваемая Клопштоком этой победе интерпретация: в её результате «вершина могущества» Рима «прошла», а «немцы» фактически становятся новым субъектом исторического развития, идущим ему на смену. Однако, в конечном счёте, этого не происходит и необходимо понять авторское видение причин неудачи.

4.3. Установление причин сохранения политической раздробленности

Для этого необходимо обратиться к образам «правителей», выведенных Клопштоком в лице «князей» германских племён и Германа.

Герман, происходивший из племени херусков, изображается фигурой «общенемецкого» значения. Герман показан в первую очередь воином, возглавившим объединённое войско союза племён против римлян. Он преподносится как «предводитель немцев»²³², «великий полководец Германии»²³³, «великий предводитель Германии»²³⁴. Если на коллективном уровне победа в битве в Тевтобургском лесу представлена в качестве победы всех «немцев», то на индивидуальном уровне она подаётся достижением

²³² Ibid. S. 104.

²³³ Ibid. S. 129.

²³⁴ Ibid. S. 125.

Германа. Именно он – единственный из всех героев пьес – называется «освободителем отечества»²³⁵.

За свои выдающиеся заслуги Герман завоевал себе огромную любовь «немцев». Он многократно называется «любимцем отечества»²³⁶. Представительница племени хаттов утверждает, что «никогда не была более счастлива, чем когда увидела» Германа²³⁷. Герой действительно стал «гордостью всего народа»²³⁸. Однако приобретённая Германом «народная» слава не соответствовала интересам глав «немецких» племён.

Коллективный образ «князей» в изображении Клопштока антагонистичен образу Германа.

Во-первых, «князья» с самого начала повествования предстают не до конца осознающими «истинные» интересы «народа» и даже способными совершить действия, направленные против его блага. Таким поэт выводит «князя» херусков предателя Сегеста, намеревавшегося заключить с римлянами мир и считающего, что «любви к отечеству больше в том, чтобы... быть союзниками могущественного Рима»²³⁹. «Весь твой народ жаждет свободы, а ты хочешь рабства!»²⁴⁰ - отвечает ему на это верховный друид херусков Бренно и тем самым выражает позицию Клопштока в отношении подобного рода «пораженческих» позиций.

Во-вторых, «князья», несмотря на их согласие объединить силы для битвы в Тевтобургском лесу, представляются Клопштоком как сила, неохотно пошедшая на заключение военно-политического союза. Главным инициатором и организатором объединения племён в коалицию изображается именно воин Герман. «Народ» откликнулся на его призыв

²³⁵ Ibid. S. 116, 177, 194, 229.

²³⁶ Ibid. S. 93, 104, 250.

²³⁷ Ibid. S. 194.

²³⁸ Ibid. S. 135.

²³⁹ Ibid. S. 55.

²⁴⁰ Ibid. S. 56.

сразу же – «принуждать воинов не было необходимости»²⁴¹, а вот «князей» Герман «принудил к союзу»²⁴², «привлѣк» их «своими победами»²⁴³.

Такая позиция «князей» с самого начала, по мысли Клопштока, предопределила хрупкость заключённого военно-политического союза. Сразу после общей победы в битве при Тевтобургском лесу «князья» осознали, что Герман, фактически став «национальным» героем «немцев», представляет для них потенциальную опасность: союз племён может перерасти в полноценное постоянное политическое объединение «немецкого народа» и они лишатся своей власти.

В «князьях» проснулась ненависть к славе Германа. «Почему только ты один освободитель отечества?»²⁴⁴ - недоумевая, спрашивает Германа «князь» хаттов Арпе. «Мы сражались вместе!.. но всё равно только тебя одного называет народ, о тебе одном слагают песни!»²⁴⁵ - продолжает он. «Князь» бруктеров Гамбрив опровергает всеобщее признание Германа в качестве предводителя «немецкого» войска, заявляя: «Князья – полководцы!»²⁴⁶. «Князья Германии прокляли себя своей завистью к Герману»²⁴⁷, - подводит итог Клопшток устами верховного друида Бренно.

«Князья» начинают открыто отрицать необходимость политического объединения «немцев», изображая его противоречащим всей предыдущей традиции жизни «народа». «Князь» хаттов Арпе высказывает эту мысль Герману следующим образом: «Никогда между хаттами и херусками не было

²⁴¹ Ibid. S. 320.

²⁴² Ibidem.

²⁴³ Ibid. S. 274.

²⁴⁴ Ibid. S. 229.

²⁴⁵ Ibidem.

²⁴⁶ Ibid. S. 192.

²⁴⁷ Ibid. S. 193.

союза! Мечи наши постоянно встречались друг с другом, наши с вашими, а ваши с нашими! Но потом явился ты со своими заклинаниями!»²⁴⁸.

Герман выставляется «князьями» как человек, стремящийся узурпировать в своих руках власть над всеми «немецкими» племенами. «Лангобарды и семноны тебе не принадлежат!» - напоминают герою и в итоге приговаривают его к смертной казни за неподчинение их воле.

Довершая картину противостояния Германа и «князей», Клопшток дополняет её чёткими указаниями относительно позиции «народа» в этом конфликта.

Герман – великий воин, но не «князь», тем не менее, «немцы» на протяжении пьес называют его «лучшим князем народа»²⁴⁹, «справедливейшим и храбрейшим из князей»²⁵⁰. Этим Клопшток показывает, что Герман мог заручиться поддержкой «народа», свергнуть «князей» и создать полноценное «единое» политическое объединение «немцев». В финальных сценах третьей части трилогии непосредственно перед оглашением приговора один из представителей «народа», собравшегося на празднование возвращения из плена супруги Германа Туснельды, «пастух», пытается предотвратить гибель героя и просит его «раздать» «немцам» «оружие»²⁵¹. Но Герман отвечает на это отказом и призывает «народ» «даровать прощение»²⁵² «князьям».

Таким образом, несмотря на поддержанные «немцами» действия Германа по их политическому объединению оно заканчивается крахом.

Подводя итог рассмотрению особенностей устройства и судьбы видения автором «немецкого мира» древнего времени, нарисованного Клопштоком в своих произведениях, необходимо ещё раз подчеркнуть

²⁴⁸ Ibid. S. 229.

²⁴⁹ Ibid. S. 132.

²⁵⁰ Ibid. S. 135.

²⁵¹ Ibid. S. 315.

²⁵² Ibidem.

основные параметры реконструированной картины, а также сделать несколько важных замечаний относительно её соотнесения с авторским видением реалий современного ему немецкого общества.

Общество, изображённое Клопштоком и помещённое в древность, признавалось им культурно гомогенным, но политически разделённым на отдельные племена во главе с самостоятельными «князьями» «немецким народом». Особый «немецкий дух» - нематериальная сущность бытия народа – находил своё выражение в общей для «немцев» культурной традиции, главными компонентами которой являлись самобытная религия и язык. Особая роль отводилась автором группам «бардов»: де-факто выделенного из остальной гущи населения общественного института, специализировавшегося на обеспечении культурного «единства» немцев, деятельность которого имела «надплеменной» характер и охватывала всё «немецкое» общество.

Вторжение внешнего врага («римлян») вынуждает «немецкое» общество измениться: прежде разделённое на племена, оно объединяется в военный союз под руководством единого военачальника и де-факто нового «князя» Германа, ставшего своеобразным персонифицированным выражением воли «немецкого народа». Достижение помимо «объективно» существующего культурного ещё и политического «единства» подаётся Клопштоком как шанс для «немецкого народа» вступить в новый, «исторический», этап своего развития. И это ожидание автора вначале оправдывается: победа в битве в Тевтобургском лесу – результат выступления «немецкого народа» в своём новом качестве. Победа открывала перед ним перспективы всемирного масштаба: римляне как поверженные «властелины» мира должны были уступить ему это звание.

Однако этого не произошло, виновниками чего Клопшток выставляет «немецких князей», осознавших, что в случае реализации этого сценария они лишатся своей власти. Фактически, после битвы в Тевтобургском лесу «князья» запустили процесс возвращения «немецкого народа» в «прошлое», в

состояние политической раздробленности, в его «естественное» состояние. Таким образом, первая попытка «немецкого народа» войти в «историю» в качестве её нового действующего субъекта окончилась неудачей.

Такова модель «немецкого общества» древности. По сравнению с ней современное «немецкое» общество было устроено принципиально схожим ему образом в двух моментах. С одной стороны, оно оставалось культурно «единым» «немецким народом», а с другой, продолжало существовать в условиях политического разделения.

Клопшток в своих пьесах транслировал идею «культурного» единства «немцев» своим читателям, выдвигая её в качестве нормативной. В то же время он убеждал их в принципиальной возможности и – исторической необходимости – осуществления процесса политического объединения «немецкого народа», делая это хоть и в художественном, но явном и отчётливом виде. Политическое единство Клопшток преподносит как залог победы «немцев» над внешними врагами, а его развал как причину их поражений.

В то же время, современное общество – и в этом его отличие в «древнего» - лишилось тех структурных механизмов поддержки собственной идентичности, которые существовали ранее. В нём отсутствовали общественные институты, необходимые для воспроизводства и развития «немецкой» культурной традиции, аналогичные «бардам» древности. Оно также не обладало «современным Германом» - человеком, который бы осознал необходимость его политического объединения.

В этом смысле предлагаемая Клопштоком модель представляла для публики одновременно «руководством к действию» и «предостережением об ошибках», указывая, при этом, конечную цель пути. Опираясь на изображённый в своих произведениях позитивный и негативный опыт особенностей устройства и развития древнего «немецкого» общества, Клопшток видел свою задачу в том, чтобы попытаться подтолкнуть современное ему общество в сторону реализации второй, но теперь уже

успешной попытки его становления в качестве нового субъекта исторического развития.

§5. От теории к практике: усилия поэта по воплощению своих политических идей

5.1. Немецкие поэзия и язык: от упадка к возрождению

Клопшток, будучи в первую очередь поэтом, решил заняться вопросом воссоздания «немецкой» культурной традиции посредством культивирования немецкого языка и возрождения «самобытного», «бардовского» поэтического искусства.

Степень аутентичности современного немецкого языка своему древнему состоянию Клопшток считал достаточной для признания его единственным дошедшим до настоящего времени реликтом древнегерманской древности. По его мнению, немецкому языку удалось сохранить сквозь века свою природную чистоту: его «не покорило» «на Рейне племя Ромула», и в целом он «остался таким, / каким был», т.е. языком, «на котором разговаривал Герман»²⁵³. Клопшток утверждает, что немецкий язык «такой, каким мы (немцы) сами были в те далёкие времена, / когда нас описывал Тацит, / особый, несмешанный и только на себя похожий народ»²⁵⁴. Это суждение позволяло поэту считать немецкий язык главным средством для возрождения в современных немцах «исконно немецкого» духа.

По своим языковым характеристикам немецкий язык превосходил в представлении Клопштока остальные европейские языки. «Ни один,

²⁵³ Klopstock F.G. Oden... S. 442.

²⁵⁴ Ibidem.

живущий на земле, язык / не рискнёт с немецким состязаться в смелом споре!» - восклицает поэт²⁵⁵. Своими «смелыми оборотами» немецкий язык способен «метко» выражать «мысли и чувства»²⁵⁶. Несмотря на свою непреходящую древность, он располагает уникальным свойством развиваться, не теряя при этом свою «немецкую» сущность: у немецкого языка есть «врождённая способность к созданию / всё новых, но остающихся немецкими, форм».

В то же время поэт рассматривал наличие большого количества заимствований в немецком языке в качестве реальной угрозы потери им своей «германской» сущности. Привнося в родной язык «примесь латинского / и галльского», немцы, не задумываются о последствиях. По убеждению поэта, «каждое слово», которое немцы «берут у чужака, / есть часть кандалов», «дав» себя «опутать которыми» они «безропотно становятся рабами». Это утверждение демонстрирует существующую, по мнению Клопштока, связь между состояниями немецкого языка и немцев.

Главной формой, раскрывающей лучшие свойства немецкого языка и выражающей «немецкий дух», является для Клопштока немецкая поэзия, которая, по его мнению, уже долгое время находилась в упадке. Данная мысль является достаточно традиционным мотивом, пронизывающим творчество многих немецких писателей и публицистов XVII-XVIII вв²⁵⁷. Во многом это было следствием осознания господства на немецкой почве

²⁵⁵ Ibid. S. 20.

²⁵⁶ Ibidem.

²⁵⁷ Для XVII в. см.: Лазарева А. Чистый язык – сильная нация. Плодоносящее общество (1617-1680) в борьбе за немецкую национальную самобытность // Вестник МГУ. Серия 8. 2005. № 3. С. 36-56. Для последней трети XVIII в.: Фидарова Ф.К. "Немецкий язык" в немецкой поэзии и его патриотическая роль в культурном пространстве Германии // Вестник МГУ. Серия 19. 2009. № 1. С. 124-134. В том числе кратко о Клопштоке: С. 129-130.

французской литературной традиции, ориентированной на классические античные образцы.

Клопшток, в юности сам подражавший таким великим античным поэтам, как Пиндар (ок.522-ок.448) и Гораций (65-8 г. до Р.Х.), в своей аргументации признаёт этот факт. Он убеждён: «песнь Алкеев и Гомеров / осквернила рощи немецких поэтов»²⁵⁸. С ужасом поэт выстраивает историческую «родословную» канона современного «немецкого» искусства: «Прообраз грека есть природа, / прообраз римлянина есть грек, / прообраз нового человека есть римлянин. / Какой кошмар, что копия / копии исходной копии / есть образец для немца!»

Клопшток уверен, что если «сына Тевтона» «пугает иная песнь, что греческая», то он «не достоин» памяти «Германа, / Лютера, Лейбница», он – «не немец», а «лишь подражатель», который «не осознаёт сам себя»²⁵⁹. Поэт, таким образом, стремится воздействовать на молодое поколение немецких поэтов и писателей с целью создания ими подлинно «национальных» произведений.

Наиболее ярко этот призыв прозвучал в знаменитой оде «Холм и роща». Веками писавший произведения по классическим образцам, немецкий поэт («Dichter») вдруг осознаёт, что их слепое копирование не приводит к положительным результатам, а настоящее германское искусство своих предков возродить уже невозможно, поскольку прошли «уже многие столетия как / забвение опрокинуло» бардовские песнопения «в ночь!»²⁶⁰ Античный поэт («Poet»), в свою очередь, не понимает, почему его немецкий собрат больше не хочет на него равняться, почему «прислушивается / к умирающему вдалеке эху бардовской песни»²⁶¹. Неожиданно для обоих поэтов происходит чудо: появляется древнегерманский бард, рифмы

²⁵⁸ Klopstock F.G. Oden... S. 243.

²⁵⁹ Ibid. S. 242.

²⁶⁰ Ibid. S. 300.

²⁶¹ Ibidem.

которого содержат в себе истинное искусство. Немецкий автор оказывается перед выбором и, в конечном счёте, следует за бардом, утверждая²⁶²: «Холм звучит Зевсом, / Воданом – роща... / Меня не тянет Холм Эллады: / Я иду к источнику Рощи!».

«Холм» как традиционный символ античной культуры противопоставляется и уступает своё место «роще» как символу «немецкой» культуры. Немецкий «поэт» перестаёт опираться на лавровое дерево, отныне он черпает силы, прислонившись к дубу, а греческая лира меняется на немецкий «тэлюн». Таким образом, лирический герой делает принципиальный выбор не только между двумя канонами искусства, но и между двумя культурными традициями: античной, наследником которой являются романские народы, и германской²⁶³.

Приобщение самих поэтов к «истинному» «немецкому» искусству рассматривалось Клопштоком как необходимый шаг для того, чтобы они, используя обрётённое ими «знание», направили его, подобно древним «бардам», на служение «немецкому отечеству». Поэты должны «открыть глаза немцу», пробудить в нём его «немецкий дух», олицетворением которого у Клопштока служил «Герман». Глубоко символично то, что немецкий поэт после неожиданно появившегося древнего барда из глубины рощи взывает²⁶⁴: «Отечество! Кого восхваляет громкое эхо? / Явится ли Герман в темноте рощи?»

Ответ Клопштока был положительным: после оды «Холм и роща» в сборниках поэта всегда шла ода с одноимённым герою названием.

²⁶² Ibid. S. 303.

²⁶³ Düwel K., Zimmerman H. Germanenbild... S. 389-390.

²⁶⁴ Klopstock F.G. Oden... S. 304.

5.2. *В поисках нового «Германа»: политика немецких монархов в оценках поэта*

Возрождение «бардовского» искусства расценивалось Клопштоком как первый шаг на пути возрождения «немецкой» культурной традиции. Следующим этапом на этом пути ему виделось создание по аналогии с древним «немецким» обществом «бардовского» сообщества как отдельного общественного института, действующего поверх имеющихся границ многочисленных территориальных образований и преодолевающего, таким образом, политическое разделение «немецкого народа». Клопшток питал надежду, что его идеи о необходимости и путях осуществления немецкого национального возрождения найдут понимание и поддержку у немецких князей, и прилагал усилия для доведения до них своих представлений. Фактически, Клопшток предпринял своеобразный поиск кандидатов на роль «современного Германа», монарха, разделяющего взгляды поэта на прошлое и настоящее немецких земель и понимающего «истинные» чаяния «немецкого народа».

Первая попытка такого рода, получившая у исследователей название «Венского плана»²⁶⁵, была предпринята поэтом ещё в ходе написания первой части трилогии о Германе. Находясь при дворе датского короля Кристиана VII (1766-1808) в апреле 1768 года Клопшток решил послать государственному канцлеру В.А. Кауницу (1711-1794) вариант посвящения своей пьесы «Битва Германа» императору Священной Римской империи Иосифу II (1765-1790), приложив к нему записку, выделявшуюся уже своим названием «О поддержке наук в Германии»²⁶⁶. Поэт, основываясь на

²⁶⁵ Pape H. Der halbierte Dichter? «Hohe Poesie» und profane Welt. Wandlungen einer literarischen Konzeption bei Friedrich Gottlieb Klopstock. Frankfurt am Main, 2010. S. 119-129; Hurlebusch K. Friedrich Gottlieb Klopstock... S. 81-85.

²⁶⁶ Hurlebusch K. Friedrich... S. 81.

доходивших до него слухах о «немецком» умонастроении кайзера, убедил себя в том, что тот является его единомышленником²⁶⁷.

План подразумевал создание постоянной системы попечения «немецких» представителей «прекрасных наук» - поэзии и риторики, философии и теологии, истории и юриспруденции, учреждение кайзеровской типографии для публикации их работ, создание «национального» театра для постановки «немецких» пьес и «певческого дома» для художественного чтения «немецкой» поэзии²⁶⁸. В посвящении Клопшток выражает уверенность, что «кайзер любит своё отечество» и поддержит искусства и науки и это будет «прекраснейшим цветком в венце славы Его императорского величества»²⁶⁹. Он сравнивает монарха с Карлом Великим, который, по мнению поэта, сыграл выдающуюся роль в деле сохранения германской поэтической традиции, но время не дало его начинаниям развиваться дальше. «Окажется ли наше время достойным Иосифа» - задаётся вопросом Клопшток и отвечает: это «решат лишь будущие поколения, но мне представляется, что у нас есть основания для добрых предчувствий в отношении их суждения»²⁷⁰.

Реакция из Вены была сдержанной. Само посвящение император принял, но текст записки с проектом, по-видимому, до него не дошел: он был признан неактуальным ещё на уровне государственной канцелярии²⁷¹. Действия Клопштока были расценены как обычное обращение нуждающегося в покровительстве представителя «свободных искусств» и сообразно этому ему было поручено пожаловать единовременную премию.

Поэт же, в свою очередь, расценил принятие Иосифом II посвящения к пьесе как одобрение своих идей и ожидал от него соответствующих

²⁶⁷ Ibidem.

²⁶⁸ Ibid. S. 82.

²⁶⁹ Klopstock F.G. Hermann-Dramen... S. 5.

²⁷⁰ Ibidem.

²⁷¹ Hurlebusch K. Friedrich... S. 84.

действий. Лишь в августе 1769 года, после того как Венскому двору стала понятна нетипичная в такого рода делах настойчивость намерений Клопштока, ему был передан официальный отказ в исполнении его просьб, объяснявшийся тем, что «прекрасные искусства» есть атрибуты «роскоши и достатка, которыми можно плотно заняться лишь тогда, когда всё остальное пребывает в наилучшем состоянии»²⁷².

Такой поворот событий поэт совершенно искренне истолковал как вопиющий с точки зрения господствующих представлений о монаршей чести факт отречения правителя от уже данного им самим обещания. В глазах Клопштока это было тем более недостойно и даже преступно, поскольку речь, по его мнению, шла ни много ни мало о судьбе Германии. Свои обличения поэт не преминул облачить в художественную форму.

Уже в оде 1771 года он устами своего лирического героя – древнегерманского пророка – обратился прямо к Иосифу II: «Свое благородное слово, которое ты дал отечеству, не держишь»²⁷³. Клопшток предсказывал, что «какие бы деяния» монарх «ещё не сделал» в будущем, его жизнь всё равно будет «жалкой», ибо он не совершил главного: «не пошёл путем служителя отечества»²⁷⁴.

Такое тенденциозное отношение к Иосифу II стало для поэта преобладающим, что, однако, не мешало позднее изредка позитивно высказываться по поводу отдельных его действий. Так, в оде «Кайзеру» (1781 г.) Клопшток положительно оценил проведённые монархом в годы уже полностью самостоятельного правления после смерти Марии Терезии (1780 г.) реформы, в ходе которых тот «превратил закрепощённого сельчанина в подданного», а «еврея сделал человеком»²⁷⁵. В 1783-1784 гг. поэт даже

²⁷² Pape H. Der halbierte Dichter... S. 126.

²⁷³ Klopstock F.G. Oden... S. 330.

²⁷⁴ Ibid. S. 329.

²⁷⁵ Ibid. S. 387.

предпринял вторую попытку реализовать свой «Венский план», которая, также как и первая, окончилась ничем.

Таким образом, усилия Клопштока по привлечению внимания Иосифа II – первого «по рангу» немецкого правителя, не увенчались успехом и он был вынужден искать поддержки у другого, гораздо менее ему симпатичного монарха, прусского короля.

Отношение поэта к Фридриху II было чрезвычайно негативным. Отторжение Клопштоком личности правителя было многоплановым и начало формироваться ещё до его увлечения германскими древностями и «бардовской» тематикой.

В отличие от многих своих коллег по поэтическому цеху, автор не прельстился военными подвигами Фридриха II во время Силезских и Семилетней войн, считая их «несправедливыми», ведущимися между самими «немцами», а не против «общего врага». «Горе завоевателю, / прокладывающему себе путь кровью мёртвых», «проклятия раздаются ему вслед»²⁷⁶ - пишет Клопшток о монархе ещё в 1753 г.

Поэт отказывает Фридриху в звании «Великий», который получил её среди современников уже в середине 1740-х гг. за свои воинские заслуги. В оде «Войны» (1778 г.) он аргументирует это тем, что «воин» может считаться «великим», только «если он воюет за свободу», тогда «это герой, / благородный муж, заслуживающий бессмертия!»²⁷⁷ Но «если» воин «никто иной, / как завоеватель, / гонящийся за славой», то он лишь очередной варвар в цепи «Аттил и Тамерланов»²⁷⁸. Именно так, по мнению Клопштока, вёл себя монарх в кампаниях, которые его прославили. Таким образом, Фридрих Великий, несмотря на свои безусловные полководческие дарования, в

²⁷⁶ Ibid. S. 134-135.

²⁷⁷ Ibid. S. 363.

²⁷⁸ Ibidem.

«военном» измерении представляется поэту не «Германом», а скорее его «римским» антиподом, «завоевателем Варом».

Клопшток отрицает созданный вокруг фигуры Фридриха II антураж «просвещённого правителя». Поэт высказывается по этому поводу достаточно жёстко: «Отец прусского отечества / считает, что он очень мудр / и велик, а в сущности – / собака!», по сравнению с которой «дедушка прусского отечества» - Фридрих Вильгельм I, «король-солдат», известный своим пристрастием к воинскому делу – миролюбивый «щенок»²⁷⁹. Особое негодование вызывает у Клопштока факт его сопоставления с действительно великими, по мнению поэта, правителями прошлого, в частности, с римским императором Марком Аврелием (161-180 гг.)²⁸⁰, что выразилось в оде с показательным названием «Неровня».

В ней Марк Аврелий представал в качестве «идеального» монарха, «доброго, благородного, не показного, / но истинно великого человека»²⁸¹, который заботился о судьбе империи и благе своих подданных. Ему противопоставляются современные немецкие правители – «расточители чести», «ни один из» которых «не возвысился» до его уровня, но которые «сравнивают себя» с ним и при этом «не горят от стыда»²⁸². «Своими сравнениями» они лишь «оскверняют» и «порочат» «священный прах» императора²⁸³.

Данные претензии выдвигались Клопштоком на фоне широко известного негативного отношения Фридриха II к достижениям немецкой культуры в целом и литературы в частности. Так, в оде «Недоумение» (1779 г.) автор выражает непонимание того, как монарх, «острым взглядом

²⁷⁹ Klopstock F.G. Werke und Briefe. Historisch-kritische Ausgabe. Abteilung Werke II. Epigramme. Hamburg, 2013. S. 31.

²⁸⁰ Klopstock F.G. Oden... S. 456.

²⁸¹ Ibidem.

²⁸² Ibidem.

²⁸³ Ibidem.

видящий путь к бессмертной славе», мог не заметить, что сейчас «поэтическое искусство Германии быстро возвысилось, возросло из самого корня высоким стволом, ветви которого далеко бросили свою тень»²⁸⁴.

Несмотря на такое совокупно негативное отношение поэта к монарху, Клопшток всё-таки заставил себя сделать попытку обратить внимание последнего на свой план поддержки «немецких искусств», обратившись к нему с ним в начале 1779 г. Попытка, как и следовало ожидать, завершилась неудачей. Не желая сдаваться и понимая, что реализация его проекта возможна лишь при поддержке действительно влиятельного немецкого правителя крупного государства, поэт решился «перепрыгнуть через голову» ненавистного ему прусского короля и сразу же заручиться милостью кронпринца, будущего Фридриха Вильгельма II (1786-1797), что, однако, также не привело к результату. Таким образом, предпринятая поэтом попытка «вразумить» прусских правителей окончилась, как и в случае с Иосифом II, ничем.

Более того, случайно обстоятельства совпали таким образом, что буквально на следующий год (1780 г.) после обращения Клопштока (1779 г.) Фридрих II, как будто в пику тщетным усилиям поэта, издал одно из наиболее известных и значимых своих произведений «О немецкой литературе»²⁸⁵. В своём сочинении он, расставляя все точки над *i*, подробно и последовательно рассматривал историческое развитие различных форм художественной словесности на немецком языке (в том числе, немецкую средневековую поэзию) и выражал своё критическое отношение, сомневаясь в применимости к ним термина «литература» и лишь надеясь на её становление в будущем. Пристрастное отношение монарха к достижениям немецкой литературы было известно уже долгое время и не приветствовалось

²⁸⁴ Ibid. S. 370.

²⁸⁵ Fulda D. De ‚la littérature allemande‘. Friedrich II. von Preußen, das deutsche Publikum und die Herausbildung des modernen Literaturbegriffs // Germanisch-Romanische Monatsschrift. Band 63. Heft 2. 2013. S. 225-243.

немецкой общественностью, но позиция, которую он решился публично изложить в своём трактате, её буквально потрясла.

«Чужак в домашнем обличии»²⁸⁶ - так именует Клопшток Фридриха в оде 1782 года с показательным названием-требованием «Мечь». Негативные оценки средневековой немецкой поэзии со стороны правителя рассматриваются Клопштоком как оскорбление памяти её выдающихся представителей. По его мнению, Фридрих просто отказывает пребывающим в «блаженном сне» «поэтам Германии» прошлых эпох «в самом существовании их творений»²⁸⁷. В настоящее же время «немецкая» муза сама «послала» Фридриху «Глеймов, Рамлеров» и «вопросала» о поддержке, однако тот предпочёл просто не заметить само её существование²⁸⁸.

Поэт прямо обращается к королю: «Мы долго ожидали, что ты защитишь / музу Германии и этим увенчаешь себя славой», но «ты унизил сам себя, / переняв речения иностранцев»²⁸⁹. Учитывая, что возрождение немецкой поэтической традиции в представлении Клопштока есть ключ к немецкому национальному возрождению в принципе, такая позиция Фридриха есть культурное – а значит, национальное – предательство Германии, немцев и самой «немецкости».

Потерпев неудачу в привлечении к своим идеям наиболее значимых и влиятельных немецких монархов своего времени, Клопшток направил свой взор в историю. Он попытался зафиксировать своё внимание на правителях, которые бы отвечали предъявляемым к ним с его стороны требованиям. Тем самым поэт обосновывал правоту собственной позиции и на этом выгодном фоне получал дополнительные возможности для критики современных немецких князей.

²⁸⁶ Klopstock F.G. Oden... S. 413.

²⁸⁷ Ibid. S. 403.

²⁸⁸ Ibid. S. 413.

²⁸⁹ Ibidem.

Уже в 1771 году Клопшток публикует оду «Кайзер Генрих», в которой прослеживает роль отдельных правителей в судьбе германского поэтического искусства с древности до настоящего времени.

По мнению Клопштока, ключевую роль в сохранении традиции немецкой поэзии при переходе от древности к средневековью сыграл Карл Великий (768-814), «полководец» и «друг поэтов», который приказал записать «военные песнопения бардов» на бумаге и, тем самым, «даровал спасение древнегерманским подвигам от забвения»²⁹⁰.

Симпатиями поэта пользовался император Священной Римской империи Генрих VI Гогенштауфен (1190-1197), «благороднейший представитель своего народа»²⁹¹. Он осознавал, что «муза украшает дольше, чем корона», и поэтому покровительствовал искусству и сам был миннезингером.

Клопшток приводит этих правителей в пример современным немецким князьям. Он риторически спрашивает, «продолжал бы» Генрих VI «пребывать в беспробудном сне» сейчас, «когда идёт сражение между немецкими поэтами и поэтами Эллады, поэтами Капитолия?»²⁹² Такая постановка вопроса подчёркивает понимание поэтом текущего момента в развитии немецкой лирики как ключевого, фактически, как её воссоздания из небытия, и одновременно содержит критику нынешних немецких князей за непонимание и отсутствие помощи в осуществлении этого процесса.

Последние, по мнению поэта, лишь «дремлют на мягких креслах, / овечьими благовониями», и «остаются непрославленными», а «вскоре станут совсем забыты и бесславны»²⁹³. Более того, «спит даже тот, кто / добился побед в кровавых битвах, / он довольствуется / пребыванием в плену

²⁹⁰ Ibid. S. 233.

²⁹¹ Ibid. S. 230.

²⁹² Ibid. S. 235.

²⁹³ Ibid. S. 231.

галльского Парнаса»²⁹⁴. Здесь, конечно же, речь снова идёт о прусском короле Фридрихе II.

Непонимание создания системы поддержки «немецких» наук и искусств, согласно Клопштоку, было характерно для германских правителей уже несколько столетий. В одной из ранних эпиграмм поэт воспроизводит диалог немца с иностранцем, в ходе которого последний выясняет, что в Германии со времён Лютера было «573 с половиной князей», но на свой вопрос, «сколько из них увенчало себя лавровым венком, поддержав науки и искусства», получает ответ: «Ноль!»²⁹⁵. Правители Германии превратились в «жадных сибаритов, / завоевателей, тиранов, никогда не державших в руке меч», «нелюдей, с глупой серьёзностью считающих, что / самой сущностью своей они выше, чем» другие. В оде 1775 г. «Похвала князьям» поэт благодарит свой «дух» за то, что тот решил «никогда не осквернять придворной лестью / священное искусство поэзии».

Необходимо подчеркнуть, что сама постановка вопроса Клопштоком – поиск «хорошего» в его представлении правителя – много говорит о политических предпочтениях поэта. Несмотря на то что он, фактически, подаёт немецких князей в качестве виновных за историческое поражение «немцев» в древности и признает отсутствие по-настоящему «национально» мыслящих правителей современности, Клопшток не делает из этого принципиального вывода об априорной «вредности» монархической власти. Поэт лишь критикует их «множественность» и «ненемецкость» и предлагает альтернативу в лице одного, но «правильного» монарха для всех «немцев», образ которого он олицетворяет в «Германе».

Обратившись к истории, Клопшток в своих произведениях выделяет лишь одного немецкого правителя, соответствовавшего этому критерию. Это Генрих I Птицелов (919-936) – правитель Восточно-Франкского королевства,

²⁹⁴ Ibid. S. 231.

²⁹⁵ Klopstock F.G. Epigramme... S. 5.

родоначальник Саксонской династии германских королей, один из основателей германской государственности. «Лучший муж во всём отечестве», «с ликом, от рождения сияющим благородством», он изображён поэтом как воин, «с мечом в руке» ведущий в сражение с неназванным врагом своё воинство, а после возвращающийся с победой, приветствуемый «матерями», «детьми», «юношами», «женихами и невестами»²⁹⁶. Образ Генриха Птицелова, правителя-воина, всецело поддерживаемого собственным народом и понимающего его волю, во многом совпадал с образом Германа, представленным в пьесах автора.

Взгляды Клопштока на взаимосвязь правителя и его подданных оставались, таким образом, довольно консервативными. В своих произведениях поэт пользуется традиционным сравнением «народа» с «счастливыми детьми своего отца» - «монарха»²⁹⁷, в случае, если последний понимает их интересы и действует сообразно им.

Клопшток задаётся риторическим вопросом²⁹⁸: «Что может быть более священным, чем властитель, / который молод и полон сил, но также мудр, / который сам собой ещё больше / возвышает высочайшую из добродетелей?». В оде «За короля» Клопшток скажет ещё определённое²⁹⁹: «Я видел многое. Я знаю, что величаво и прекрасно / в этой жизни! Самое высшее, / что только могут видеть очи смертного: / король, который делает людей счастливыми!».

Эта позиция автора была выражена в стихотворениях, написанных в честь Фредерика V (1746-1766) – датского короля, при дворе которого Клопшток долгое время прожил. Король импонировал поэту тем, что активно покровительствовал наукам и искусствам (открыл первый в Дании театр, основал Академию искусств, снял цензурные ограничения для печати), за все годы своего правления, во многом, в силу личных убеждений, не ввязался ни

²⁹⁶ Klopstock F.G. Oden... S. 90-91.

²⁹⁷ См. напр.: Klopstock F.G. Oden... S. 211.

²⁹⁸ Ibid. S. 107.

²⁹⁹ Ibid. S. 136.

в одну войну (он не поддался уговорам России и Швеции выступить на стороне антипрусской коалиции во время Семилетней войны в критические для Фридриха II моменты, хотя имел все возможности для успешной операции). Поэтому мысли о том, каким должен быть «идеальный» правитель, выраженные Клопштоком в стихотворениях, близких к жанру придворной поэзии, тем не менее, отражали настоящее отношение автора по данному вопросу. Это тем более подтверждает правка цитированного стихотворения, сделанная поэтом в конце жизни в 1798 г.: поэт даёт ему деперсонифицированное название «Новое столетие» и, подтверждая свои мысли о том, каким должен быть правильный правитель с указанием на Фредерика V в качестве такового, меняет остальное содержание таким образом, что всё стихотворение превращается в своеобразное «политическое завещание» поэта будущему XIX веку.

Данная «консервативная» позиция Клопштока в отношении представления о правомерности монархической власти подтверждается также его пониманием категории «свобода». Выше уже было показано осознание Клопштоком «свободы», с одной стороны, как особой черты характера «немцев» («свободолюбие»), а с другой, в контексте их сопротивления внешнему врагу, как защита их «независимости». Интерпретация же категории в политическом смысле, подразумевавшем принципы ограничения власти монарха, её рассредоточения между несколькими индивидами или учреждениями, в том числе, в отношении идеи «народного представительства», поэту была чужда. Он пишет³⁰⁰: «О, свобода! свобода! не только демократ / знает, чем ты являешься, / счастливые сыны хорошего короля / тоже это понимают». Клопшток выступает за «отечество», в котором «правят» не «закон и сотни людей», а за то, где есть «законность и один властвует».

³⁰⁰ Ibid. S. 209.

Таким образом, в своих политических взглядах поэт не воспроизводит представления, подвергающие сомнению сами принципы монархической власти, но подчиняет её действия «национальным» интересам всего «немецкого народа».

Подводя итог, следует констатировать, что модель общества, которую строит Клопшток в своих произведениях, формально принадлежащая прошлому, одновременно содержала в себе элементы, являющиеся слепком с современного поэту немецкого общества. Воссоздавая картину прошлого, поэт, таким образом, оценивает и даёт советы «немецкому» настоящему с целью его переформатирования.

Клопшток, с одной стороны, «перезагружает» на рубеже 1760-1770-х гг. традиционные для немецкой национальной идеи компоненты «культурного патриотизма» («народ», «язык»), а с другой, дополняет их новыми смыслами («народ» как субъект исторического развития, «отечество» как «высшая ценность» и объект действий «народа»). Одновременно с этим поэт – и это, пожалуй, наиболее значительное его достижение с точки зрения новизны культивируемых им идей – ставит проблему политического объединения немецких земель, а также указывает «виновников» его неосуществления – правителей отдельных княжеств. Их «ненемецкость» была продемонстрирована Клопштоком дважды: один раз в художественном виде, другой – в ходе его настойчивых попыток добиться понимания своих идей у наиболее влиятельных монархов современности – Иосифа II и Фридриха II, обернувшихся неудачей.

Вместе с тем, поэт оставался верен самим монархическим принципам и не был приверженцем идей ограничения власти правителя, в том числе, созданием «народного представительства». Он мыслил в рамках представлений о возможности и необходимости существования «монарха»,

понимающего и по собственной воле действующего в интересах «народа». Современные немецкие князья не отвечали этому критерию, но для Клопштока это не означало его принципиальную неправильность.

Национальные и политические идеи Клопштока произвели сильное влияние на представителей немецкой общественности, оказавшимися готовыми их воспринять, творчески переработать и развить.

Глава 2. «Свободы и отечества!»: новые национально-политические принципы 1770-1780-х гг.

§ 1. Поэтический «Союз роши» и идейно близкие к нему авторы

Публикация Клопштоком в 1769 г. первой части своей древнегерманской трилогии и выход в 1771 г. его сборника патриотических од произвели сильное впечатление на образованную немецкую публику того времени³⁰¹. Это свидетельствовало о том, что идейные зёрна, заложенные в произведениях поэта попали на благодатную почву. Определённые круги немецкой общественности уже были готовы его воспринять и каким-либо образом на него отреагировать: частично принять или отвергнуть, подвергнуть творческой переработке и дать ему, таким образом, дальнейшее развитие.

Наиболее ярким примером подобного рода ответной реакции служит деятельность так называемого «Союза роши»: поэтического объединения, созданного в 1772 году студентами Гёттингенского университета³⁰². Название объединения было навеяно уже упомянутой выше одой Клопштока «Холм и роша», ставшей известной широкой публике в 1771 г. и призывавшей молодых немецких поэтов к переосмыслению своего

³⁰¹ Friedrich C. Klopstocks Bardiet «Hermanns Schlacht» und seine Nachgeschichte // Klopstock. Werk und Wirkung. Berlin, 1978. S. 237-246; Zimmermann H. Freiheit und Geschichte... S. 237-242.

³⁰² Prutz R.E. Der Göttinger Dichterbund. Zur Geschichte der deutschen Literatur. Leipzig, 1841; Sauer A. Die Dichtungen des Göttinger Hainbunds. 1887; Metelmann E. Zur Geschichte des Göttinger Dichterbundes 1772-1774. Stuttgart, 1965; Kelletat A. «Der Bund ist ewig». Gedanken zur poetischen Topographie des Göttinger Hains // Der Göttinger Hain. Hrsg. von Kelletat A. Stuttgart, 1967. S. 401-446; Kohlschmidt W. Göttinger Hain // Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte. Bd. 1. Berlin, 1958. S. 597-601. См. на русском языке: Лозинская Л.Я. Гёттингенский союз поэтов // История немецкой литературы. Т. 2. М., 1963. С. 272-279.

творчества на истинно «немецких» началах, к возрождению «бардовского» искусства и к началу их служения своему «отечеству». Таким образом, создание группы было «прямым» положительным ответом студентов на этот призыв.

Своим названием «Союз» четко обозначал свои мировоззренческие ориентиры. Его участники выбрали для себя в качестве псевдонима вымышленные «бардовские» имена, под которыми превозносили в своих произведениях «естественные» ценности «природы», «дружбы», «любви» и в то же время прославляли «немцев» и их «отечество», поднимая весь связанный с этим комплекс проблем.

Для членов «Союза» Клопшток стал культовой фигурой³⁰³. Они называли его своим «отцом», «богом на земле», считали «одним из величайших, наряду с Германом, Лютером и Лейбницем, немцев» и образцом для подражания. Клопшток, со своей стороны, приветствовал их деятельность, расценивая её как первый результат его усилий по «национализации» немецкой поэзии. Осенью 1774 г., будучи проездом в Гёттингене, он удостоил участников «Союза» - «священную когорту» - своим посещением, что стало кульминационной точкой в развитии объединения. Однако помимо однозначного кумира члены кружка имели также и своего «антигероя» - Х.М. Виланда (1733-1813) – выдающегося немецкого автора своего времени, продолжавшего писать в стиле рококо с ориентацией на французские образцы и концентрировавшегося в своих произведениях на общечеловеческой и философской тематике. Его фигура, в противоположность фигуре Клопштока, олицетворяла для поэтов «антинациональное» начало в немецкой поэзии и культуре в целом³⁰⁴.

³⁰³ См. подробнее: Lüchow A. Die heilige Cohorte. Klopstock und der Göttinger Hainbund // Klopstock an der Grenze der Epochen. Berlin, 1995. S. 152-220.

³⁰⁴ См. подробнее: Schrader H.-J. Mit Feuer, Schwert und schlechtem Wissen. Zum Kreuzzug der Hainbündler gegen Wieland // Euphorion. №78. 1984. S. 325-367.

«Национальный» критерий в данном случае выступает у поэтов, таким образом, в качестве опознавательного элемента уже сформировавшейся у них на данной основе системы «свой-чужой». Высокая степень её развитости была ярко продемонстрирована членами «Союза» летом 1773 г. во время празднования дня рождения Клопштока: начавшееся с декламации од поэта и произнесением тостов за его здравие и благополучие самого «Союза», оно завершилось торжественным сожжением произведений и портрета Виланда.

Однако одним «национальным» критерием у данного круга поэтов эта система не ограничивалась. Особенностью «Союза» была его ярко выраженная «бюргерская» социальная природа³⁰⁵. Это подтверждают биографии всех шести членов-основателей объединения: Л.К.Г. Гёльти (1748-1776) и И.М. Миллер (1750-1814) являлись сыновьями пасторов, И.Ф.Хан (1753-1779) и И.Т.Л. Верс (1751-1811) - местных чиновников, а Г.Д. Миллер (1753-1822) – университетского профессора. Председатель кружка И.Г. Фосс (1751-1826), помимо «бюргерского», имел также «крестьянское» происхождение: его отец, перепробовавший в своей жизни самые различные «бюргерские» профессии (трактирщик, сборщик налогов, и, в конце концов, учитель), был сыном вольноотпущенного крестьянина. Это обстоятельство в значительной мере повлияло на присутствие в творчестве автора критической «крестьянской» и, шире, социальной проблематики.

Сам по себе примечательный «объективный» факт единства социального происхождения поэтов ясно демонстрирует источник набирающих силу критических общественных настроений. Вместе с тем, он дополняется тем важным обстоятельством, что члены «Союза» отчётливо осознавали свою социальную целостность и на этом основании противопоставляли себя другим социальным группам. Это ярко показывает история расширения объединения.

³⁰⁵ Bäsken R. Die Dichter des Göttinger Hains und die Bürgerlichkeit. Eine literarsoziologische Studie. Königsberg, Berlin, 1937.

Если восемь (Г.К. Буа, Э.Т.И. Брюкнер, К.К. Клаузевиц, К.А.В. Клозен, К.Ф. Крамер, К.Г. Эсмарх, Ш.Г. Эвальд и И.А. Лейзевиц) из 10 принятых впоследствии членов «Союза» были зачислены в него без каких-либо возражений, то двоих – братьев Фридриха (1750-1819) и Кристиана (1748-1821) Штольбергов – поначалу ждал решительный отказ. Камнем преткновения оказалась именно их социальная принадлежность: они являлись представителями известного с XIII столетия графского рода, выросли в собственном родовом замке и воспитывались при датском дворе в Копенгагене. И.Г. Фосс был категорически против принятия в «Союз» представителей знати и остальные члены проявляли с ним в этом солидарность. Лишь спустя три месяца Штольберги доказали, что являются «нетипичными» дворянами, выдлившись на фоне остальных студентов особым усердием в учебных делах (хотя даже сам факт их обучения в университете был для аристократической среды того времени исключительным случаем) и радикальностью своих общественных воззрений. Такая избирательность участников «Союза» свидетельствует о сформировавшихся у них стойких социальных представлениях, отчётливо выявляющих бюргерскую социальную природу объединения и его антидворянскую направленность.

Масштаб и значение вышеназванных авторов сильно различались. Основой «Союза» являлись Фосс³⁰⁶, Гёльти³⁰⁷, И.М. Миллер³⁰⁸ и Фр.

³⁰⁶ См. сразу несколько фундаментальных биографий поэта: Herbst W. Johann Heinrich Voß. In 3 Bd. Leipzig, 1872-1876; Stoll H.A. Johann Heinrich Voß. In 2 Bd. Berlin, 1962/1968; Langenfeld K. Johann Heinrich Voß. Mensch, Dichter, Übersetzer. Eutin, 1990.

³⁰⁷ См.: Rüte H. Ludw. Heinr. Christoph Hölty. Sein Leben und Dichten. o. O. 1883; см. также современную работу: Müller E. Ludwig Christoph Heinrich Hölty. Leben und Werk. Egelsbach, 2001.

³⁰⁸ См. единственное исследование жизни и творчества поэта: Kräger H. Johann Martin Miller. Ein Beitrag zur Geschichte der Empfindsamkeit. Bremen, 1893.

Штольберг³⁰⁹: их творческое наследие составляет абсолютно подавляющую часть всего литературного наследия объединения. В отличие от остальных его членов, литературная деятельность стала основной частью их дальнейшей жизни, а общественно-политическая проблематика находила в ней своё выражение вплоть до конца 1790-х гг.

К «Союзу роши» примыкало несколько авторов, формально не входивших в него, но идейно близких его идеологической направленности и связанных с его членами тесными дружескими отношениями.

В первую очередь следует назвать имя выдающегося немецкого писателя Г.А. Бюргера (1747-1794)³¹⁰. Поэт родился в Гарце в семье пастора с крестьянскими корнями, однако вся его взрослая жизнь была связана с Гёттингеном: сначала во время учёбы в университете (1768-1772), впоследствии занимая различные административные посты в городе и его пригородах (1772-1784), а затем вернувшись до конца своей жизни в университет уже в качестве преподавателя (1784-1794). В начале 1770-х гг., сблизившись с некоторыми будущими членами «Союза роши», он начал публиковаться в университетском «Альманахе муз» - основном месте издания их стихотворений, ставшим, впоследствии, таковым и для него. Известный, прежде всего, как основоположник жанра немецкой баллады и создатель знаменитой книги о похождениях легендарного барона

³⁰⁹ См. первое крупное исследование жизни и творчества поэта: Janssen J. Friedrich Leopold Graf zu Stolberg. Größtenteils aus der bisher noch ungedruckten Familiennachlass. In 2 Bd. Freiburg im Breisgau, 1877; также см. современную научную биографию поэта: Hempel D. Friedrich Leopold Graf zu Stolberg (1750-1819). Staatsmann und politischer Schriftsteller. Weimar, 1997.

³¹⁰ См. основополагающую биографию писателя: Wurzbach W. Gottfried August Bürger. Sein Leben und seine Werke. Leipzig, 1900. Среди современных работ следует назвать: Hüntzel G. Gottfried August Bürger. München, 1988; Scherer H. Gottfried August Bürger. Berlin, 1995; Schübler W. Gottfried August Bürger. Eine Biografie. Nordhausen, 2008. См. на русском языке: Лозинская Л.Я. Бюргер. Шубарт // История немецкой литературы. Т. 2. М., 1963. С. 280-288.

Мюнхгаузена, Бюргер создал целый пласт произведений, посвящённых критической оценке существующих в немецких государствах политических и социальных порядков. Эта ипостась личности и творчества поэта сравнительно менее знакома и исследована³¹¹.

Большое значение для анализа немецкой политической лирики 1770-1780-х гг. имеет творчество К.Ф.Д. Шубарта (1739-1791)³¹². При этом особый интерес в контексте усиливающихся в этот период критических настроений и соответственного усиления напряжения во взаимоотношениях немецких властей и общества представляет биография поэта³¹³.

Первые три десятилетия его жизни представляли собой мало примечательного: будучи сыном деревенского органиста, будущий поэт с детства занимался музыкой и, несмотря на попытки получить университетское образование, в итоге пошел по стопам отца, начав зарабатывать себе на жизнь частными уроками музыки, на протяжении многих лет часто скитаясь по швабским городкам и деревням в поисках лучшей работы.

³¹¹ См. в частности: Strodthmann A. Bürger's politische Ansichten // Neue Monatshefte für Dichtung und Kritik. Bd. 1. Berlin, 1875; Leschnitzer F. G.A. Bürger – ein plebejischer Dichter // Neue deutsche Literatur. №5. S. 109-26.

³¹² Hauff G. Christian Friedrich Daniel Schubart in seinem Leben und seinen Werken. Stuttgart, 1885; Dürrson W. Christian Friedrich Daniel Schubart. Frankfurt am Main, 1980; Keppler U. Ein genialer Rebell: Christian Friedrich Daniel Schubart, 1730-1791. Mühlacker, 1982; Streitberger F. Der Freiheit eine Gasse – Die Lebensgeschichte des Christian Friedrich Daniel Schubart. Bietigheim, 2001; Warneken B. J. Schubart. Der unbürgerliche Bürger. Fr/M., 2009; Honolka K. Schubart: Dichter und Musiker, Journalist und Rebell. Stuttgart, 1985. См. также на русском языке: Жирмунский В.М. Шубарт // Немецкие демократы XVIII века. Шубарт, Форстер, Зейме. М., 1956. С. 19-29.

³¹³ Специальных исследований политических взглядов поэта крайне мало. См. фактически единственную работу: Schairer E. Chr. Fr. D. Schubart als politischer Journalist. Tübingen, 1914.

Ситуация резко изменилась на рубеже 1760-1770-х гг. С одной стороны, в 1769 году Шубарт неожиданно для себя получил выгодное предложение стать придворным органистом в резиденции герцога Вюртемберга Карла Евгения (1737-1793). С другой, в том же году вышла в свет первая часть трилогии Клопштока «Битва Германа», национальный посыл которой Шубарт воспринял, окрестив писателя «величайшим гением Германии... величайшим мужем своего времени»³¹⁴ и назвав в его честь своего рождённого в 1770 г. сына. С этого времени молодой музыкант все больше начинает пробовать себя на поэтическом поприще.

Жизнь придворного органиста в одной из самых блистательных немецких монарших резиденций того времени – «вюртембергском Версале» - не принесла Шубарту морального удовлетворения: порядки, царящие в ней, прямо противоречили идеям, с недавних пор его увлекавшим. После нескольких произошедших конфликтов в 1773 году он был вынужден оставить службу и покинуть пределы Вюртемберга.

Непосредственное знакомство с высшим светом политизировало поэта. Он решил заняться журналистской деятельностью и с 1774 по 1777 гг. выпускал политическую газету «Немецкая хроника». Название предприятия, подразумевавшее обращение ко всем «немцам» вне зависимости от территориальной принадлежности, обозначало предполагаемую его автором целевую аудиторию и уже этим выдавало отдельные грани его политических взглядов. Выходившая два раза в неделю газета очень быстро завоевала популярность, распространялась по всей Германии и даже за границей. Тираж в четыре тысячи экземпляров для того времени был очень значительным. Красной чертой через все номера «Немецкой хроники» проходила критика сложившегося в немецких и европейских государствах положения во всех сферах общественной жизни. Шубарт обрушивался на правителей, обвиняя их в тирании и злоупотреблениях по отношению к собственным народам.

³¹⁴ Honolka K. Schubart... S. 152.

Больше всего доставалось бывшему патрону поэта – герцогу Вюртембергскому, который, в свою очередь, решил в итоге наказать его за это: в 1777 году он организовал его похищение и без проведения суда и предъявления обвинения заточил в свою крепость. В приказе о задержании было сказано следующее³¹⁵: «Человек этот дошел в своем бесстыдстве до того, что во всем мире нет почти ни одной коронованной особы и ни одного государя, которые не были бы задеты самым дерзновенным образом в издаваемых им сочинениях».

С 1777 по 1787 гг. – 10 лет – Шубарт провёл в заключении, из них несколько лет в одиночной подвальной камере без права видаться с кем-либо и сочинять. С трудом поэту удавалось что-то записывать и даже передавать на свободу, в том числе, значительный пласт своих политических стихотворений. Несмотря на многочисленные просьбы о смягчении участи Шубарта, он был освобожден лишь после того, как продемонстрировал свою лояльность к тем, кого ранее беспощадно критиковал, опубликовав несколько од, прославляющих монархов.

Однако контроль над деятельностью поэта был сохранён: его выпустили из тюрьмы - но не разрешили уехать из Вюртемберга, позволили вновь заняться политической журналистикой - но только с цензурными ограничениями. Тем не менее, Шубарт сумел продолжить своё некогда начатое дело издания газеты «на злобу дня» (теперь, под названием «Отечественная хроника»), исключив открытые выпады в сторону немецких князей, но сохранив политический дух хроники, пропитанный негативным отношением к немецким абсолютистским режимам.

Длительное противостояние Шубарта и Карла Евгения – поэта и монарха – для многих современников стало символом антагонизма деспотической власти и свободной личности – конфликта, который мог

³¹⁵ Цит. по: Жирмунский В.М. Шубарт // Немцы... С. 25.

иметь как общефилософскую, так и конкретно-политическую интерпретацию.

Охарактеризовав ситуацию в немецкой политической лирике 1770-1780-х гг. и её главных представителей, необходимо перейти к анализу содержащейся в ней национально-политической проблематики.

§ 2. Особенности национально-политических взглядов авторов

2.1. Идейное наследие Клопштока как основа национальных представлений поэтов

«Национальная» проблематика в творчестве рассматриваемых авторов занимает одно из центральных мест.

В своих произведениях поэты демонстративно провозглашают свой выбор в пользу «немецкой» идентичности. Фр. Штольберг в оде «Моё отечество» (1774 г.), показательно посвящённой Клопштоку, пишет³¹⁶: «Я – немец, слёзы радости / выступают у меня на глазах из-за того, что я им являюсь. / Я почувствовал в себе это врожденное достоинство, / будучи ещё ребёнком». И.М. Миллер объявляет³¹⁷: «Я – немец, и это / радует моё сердце». В оде «Немецкий юноша к самому себе» поэт выводит образ лирического героя, которого внезапно постигло «национальное» откровение и призывавшего³¹⁸: «Будь немецким, мой дух! Отечество, / как долго я тебя не узнавал, / и был лишен героев славы, / к твоим ногам я припадаю, / немец, да, я немец!» Финальные восклицания, сделанные в тоне «национального» самоутверждения, трансформируются у Миллера в воззвания к своим

³¹⁶ Stolberg Fr.L. Mein Vaterland // Der Göttinger Dichterbund. Hrsg. von Sauer A. Bd. 3. Stuttgart, o.J. S. 55.

³¹⁷ Miller J.M. Deutsches Lied // Der Göttinger Dichterbund. Bd. 2. Stuttgart, o.J. S. 200.

³¹⁸ Miller J.M. Der deutsche Jüngling, an sich selbst // Der Göttinger... Bd. 2. S. 230.

«друзьям» «быть немцами», «достойными своей страны, / меча Германа, громового слова Лютера, / освобождённого от ига Рима, и песни Клопштока»³¹⁹.

Вслед за Клопштоком поэты повторяют ставший традиционным набор качеств, характерных для «немцев как народа»: будучи «питомцами природы»³²⁰, они предстают «благородными»³²¹, «верными»³²², «благочестивыми»³²³, «добрыми»³²⁴, «добродетельными»³²⁵, «честными»³²⁶, «открытыми»³²⁷ и «прямодушными»³²⁸, «немногословны»³²⁹, отличительными «немецкими» чертами становятся «мужество»³³⁰, «сила»³³¹,

³¹⁹ Miller J.M. An meine Freunde in Göttingen // Der Göttinger... Bd. 2. S. 257.

³²⁰ См. например: Schubart C.F.D. Der Deutsche // Schubart C.F.D. Sämtliche Gedichte. Histor.-Krit. Ausg. Leipzig, 1884. S. 224.

³²¹ См. например: Voss J.H. An Teuthart // Der Göttinger Dichterbund. Bd. 1. Stuttgart, o.J. S. 175.

³²² См. например: Miller J.M. Sittenverderb // Der Göttinger Dichterbund. Bd. 2. S. 192.

³²³ См. например: Schubart C.F.D. Der Deutsche // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 224.; Voss J.H. An Teuthart // Der Göttinger... S. 175.

³²⁴ См. например: Voss J.H. An Teuthart // Der Göttinger... S. 175.

³²⁵ См. например: Schubart C.F.D. Monument Herrn Philipp Friedrich von Riegers // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 122.; Voss J.H. An einen jungen Britten // Der Göttinger... S. 173, 174.; Voss J.H. Deutschland // Der Göttinger... S. 178.; Voss J.H. Rundgesang // Der Göttinger... S.254.

³²⁶ См. например: Schubart C.F.D. Der Deutsche // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 224.

³²⁷ См. например: Miller J.M. Das Mündner Thal // Der Göttinger... Bd. 2. S. 250.

³²⁸ См. например: Schubart C.F.D. Der Deutsche // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 224.

³²⁹ Ibidem.

³³⁰ См. например: Miller J.M. An meine Freunde in Göttingen // Der Göttinger... Bd. 2. S. 257.; Stolberg Fr.L. Lied eines deutschen Knaben // Der Göttinger... Bd. 3. S. 49, 50.

³³¹ См. например: Miller J.M. An meine Freunde in Göttingen // Der Göttinger... Bd. 2. S. 257.; Voss J.H. Stolberg, der Freiheitssänger // Der Göttinger... Bd. 1. S. 177.

«гордость»³³², «чистосердечие»³³³ («как говорит немец, так и думает»³³⁴, пишет Шубарт). И.М. Миллер утверждает, что «немец быстро узнаёт другого немца» - «по открытости взгляда, / по огню, пылающему у него в глазах, / по тону его речи»³³⁵.

На этом фоне региональная идентичность у рассматриваемых поэтов отходила на второй план и её присутствие можно обнаружить лишь у Шубарта, анализ которой, тем не менее, свидетельствует о её подчинённом характере по отношению к основной, «немецкой», идентичности. Вся жизнь поэта была связана со Швабией и ей, как отдельному региону, и её жителям – «швабам» - он посвятил отдельный пласт своих произведений (ода «К швабам», «Швабская песня», а также отдельные швабские мотивы в крестьянском цикле его стихотворений).

«Швабская» идентичность изображается Шубартом в этнографическом ключе. В её описании отсутствует национально-политический подтекст, полностью перенесённый им на «немецкий» уровень. Главное внимание уделено констатации различных положительных черт «славных»³³⁶ «швабов» («честные», «мужественные», «сильные», «верные» и т.п.). Однако даже этот, казалось, культурный регионализм отчетливо дополняется «немецкой» надстройкой. Шубарт, будучи по собственному определению человеком «чистосердечным, свободным и немецким», восхваляет «швабов» в своём обращении к ним за то, что они «действуют по-немецки», и их «немецкость» «до мозга костей». Этот подход демонстрирует понимание поэтом

³³² См. например: Voss J.H. Deutschland // Der Göttinger... S. 177.; Miller J.M. Das Mündner Thal // Der Göttinger... Bd. 2. S. 250.

³³³ См. например: Miller J.M. Sittenverderb // Der Göttinger... Bd. 2. S. 192.; Miller J.M. Deutsches Trinklied // Der Göttinger... Bd. 2. S. 195.; Miller J.M. Das Mündner Thal // Der Göttinger... Bd. 2. S. 249, 250.; Voss J.H. An einen jungen Britten // Der Göttinger... S. 174.

³³⁴ См. например: Schubart C.F.D. Der Deutsche // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 224.

³³⁵ См. например: Miller J.M. Minnehold an Teuthard // Der Göttinger... Bd. 2. S. 150.

³³⁶ Schubart C.F.D. Schwabenlied // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 144.

культурных региональных особенностей как проявлений «немецкой» культурной сущности. «Утончённые саксы», «своенравные баварцы», «ненасытные австрийцы», «прямодушные франки», «храбрые гессенцы», «сердечные швабы», а также «внуки херусков» - жители Ганновера, Брауншвейга и Гамбурга – все они являются упоминаемыми Шубартом в одноименном стихотворении элементами «немецкого провинциального богатства»³³⁷ - ни больше ни меньше.

«Отечество»³³⁸ изображалось авторами «одним» для всех «немцев», равнозначным понятию «Германия»³³⁹. Фр. Штольберг, полный «думы об отечестве», являющемуся для него «священным», «со всем своим желанием» «воспевает» его и «посвящает» ему «всего себя»³⁴⁰. «Сердце» Фосса, по его

³³⁷ Schubart C.F.D. Deutscher Provinzialwerth // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 145.

³³⁸ См. многочисленные упоминания категории («Vaterland») у отдельных авторов: у Шубарта (63 раза) – Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 44, 72, 77, 96, 97, 98, 99, 100, 107, 110, 114, 117, 122, 130, 138, 148, 160, 161, 169, 179, 184, 199, 200, 202, 203, 212, 223, 224, 225, 226, 227, 264, 315, 320, 450, 464, 467, 475., в том числе, в сочетании «немецкое отечество» - S. 109, 223, 460.; у Фр. Штольберга (19 раз) – Der Göttinger... Bd. 3. S. 35, 42, 49, 54, 55, 56, 60, 74, 80, 149, 156, 165, 166.; у И.М. Миллера (17 раз) - Der Göttinger... Bd. 2. S. 192, 195, 197, 205, 206, 225, 226, 230, 233, 250, 258.; у Фосса (25 раз) - Der Göttinger... Bd. 1. S. 174, 175, 176, 177, 181, 182, 183, 184, 185, 192, 201, 237, 238, 239, 242, 254, 271, 300, 312.

³³⁹ См. многочисленные упоминания категории («Deutschland») у отдельных авторов: у Шубарта (25 раз): Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 106, 110, 113, 115, 142, 148, 151, 152, 162, 176, 199, 205, 215, 217, 218, 224, 227, 230, 471, 472, 473, 483. Также у Шубарта в латинизированных вариантах: «Тевтония» («Teutonia») (6 раз) – Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 103, 169, 171, 179, 180, и «Германия» («Germania») (13 раз) – Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 146, 147, 163, 167, 177, 181, 182, 216, 217, 227, 463.; у Фр. Штольберга (7 раз): Der Göttinger... Bd. 3. S. 51, 56, 69, 72, 73, 87, 119.; у И.М. Миллера (2 раза) - Der Göttinger... Bd. 2. S. 257, 323.; у Фосса (8 раз) - Der Göttinger... Bd. 1. S. 171, 177, 193, 204, 244, 315, 323, 327.

³⁴⁰ Stolberg Fr.L. Mein Vaterland // Der Göttinger... Bd. 3. S. 56.

утверждению, «горит лишь отечеством»³⁴¹, которому он «присягает»³⁴² и о котором постоянно «думает»³⁴³. И.М. Миллер, обращаясь к «немецкому отечеству», провозглашает³⁴⁴: «Моё сердце и разум, / всё, что я имею, что я есть, / пусть отныне посвящено будет тебе! / Моё сердце и разум – твоё! / Каждая капля моей крови принадлежит тебе, / если вражеские силы тебе угрожают». Поэт видит своей задачей «песней, зажжённой» «отечеством», «вскормить» любовь к нему в других «немецких душах»³⁴⁵.

Соперничество германских территориальных княжеств, в представлении авторов являвшихся отдельными частями «единого» «отечества», между собой казалось им абсурдным в силу их общей, «немецкой» природы и преступным по своим последствиям. Шубарт, риторически обращаясь к «отечеству», названному им «Тевтонией», вопрошает³⁴⁶: «Неужели снова ополчается брат на брата, / неужели снова кровь твоих сынов окрасит луговые травы, / неужели тебе нравится видеть умирающими израненных воинов?» Символом происходящего абсурда поэт делает герб Священной Римской империи. Шубарт называет имперского двуглавого орла «истинным чудовищем»: одна его «голова, обращённая на запад, / кажущаяся доброй, но клюющая больно» - это «голова императора Иосифа», другая – «повернутая на восток, / остро смотрящая, зарубающая одним клювом» - это «Фридрих Прусский»³⁴⁷. Вместе они «разрывают отечество», что поэта очень «огорчает»³⁴⁸.

³⁴¹ Voss J.H. Bundesgesang // Der Göttinger Dichterbund. Bd. 1. Stuttgart, o.J. S. 182.

³⁴² Voss J.H. Elegie am Abend nach der zwölften Septembernacht, 1773 // Der Göttinger... Bd. 1. S. 192.

³⁴³ Voss J.H. Stolberg, der Freiheitssänger // Der Göttinger... Bd. 1. S. 176.

³⁴⁴ Miller J.M. Der deutsche Jüngling, an sich selbst // Der Göttinger... Bd. 2. S. 230.

³⁴⁵ Miller J.M. Huldigung // Der Göttinger... Bd. 2. S. 225.

³⁴⁶ Schubart C.F.D. Vaterland // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 179.

³⁴⁷ Schubart C.F.D. Der Reichsadler // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 184.

³⁴⁸ Ibidem.

Подводя итог, следует констатировать практически полное принятие рассматриваемыми авторами особенностей понимания «национальных» категорий Клопштока, в основе которых лежала культурно-историческая аргументация. Однако только ей поэты не ограничились: на их национальные взгляды оказали сильное влияние культивируемые ими оригинальные политические представления.

2.2. Негативизация образа немецкого монарха

Центральной фигурой в политической лирике авторов является фигура монарха, при рассмотрении которой они в большинстве случаев оперируют термином «князь»³⁴⁹.

В первую очередь необходимо констатировать изображение авторами власти монархов как безграничной. Правители показаны способными «одним кивком своим» решить вопросы «жизни и смерти»³⁵⁰. Теоретически, это всевластие должно было компенсироваться правильностью и разумностью принимаемых ими решений, направленных на достижение «общего блага» подданных. Но реальность – так, как она виделась рассматриваемым авторам – это опровергала и заставляла их поднять проблему злоупотребления правителями своей властью.

И.Г. Фосс приводит в пример различные подобные ситуации. По поручению князя «наглый сват» отбирает у «дико и громко плачущего жениха» «его юную невесту»³⁵¹. Княжеские подручные забирают «последний кусок чёрствого хлеба» у «сироты, / близкой к голодной смерти», и отдают

³⁴⁹ См. многочисленные упоминания категории «князь» («Fürst»): - у Шубарта (75 раз); у И.М. Миллера (4 раза) - *Der Göttinger...* Bd. 2. S. 195, 232, 257, 302.; у Фосса (6 раз) - *Der Göttinger...* Bd. 1. S. 172, 181, 238, 239, 275.

³⁵⁰ Шубарт К.Ф.Д. Гробница государей // *Немецкие демократы...* С. 31.

³⁵¹ Voss J.H. Trinklied für Freie // *Der Göttinger...* Bd. 1. S. 238.

«его княжьей собаке»³⁵². Эту же мысль проводит И.М. Миллер, рассказывая о «плачущих детях», «молящих / о крошке хлеба, которую вырвал у них из рук» правитель, «чтобы накормить свой скот»³⁵³.

Злая воля правителей показывается причиной враждебных отношений между различными странами. Именно она в изображении авторов заставляет страны сталкиваться между собой в ожесточённых войнах. Шубарт риторически восклицает³⁵⁴: «Неужели наш мир должен опять быть утоплен в крови, / Ибо задета гордость какого-то монарха?» «Гордость монарха», таким образом, приводит к страданиям народов, которым приходится выносить на себе все тяготы совершенно не нужных им войн. И.М. Миллер пишет о «пахарях», «распахивающих» «заржавевшим плугом» «останки своих сыновей, / истреблённых» правителем «в неистовых битвах»³⁵⁵. Фоссу не дают покоя «рыдания вдов», потерявших своих мужей и сыновей в сражениях, к которым привели дух «алчности и вражды»³⁵⁶.

Таким образом, авторы последовательно проводят мысль о том, что правитель является причиной бед своих собственных подданных в силу злоупотребления им своей безграничной властью. И.М. Миллер подводит для себя итог: «За пределами дворцовых стен изнывает вся страна», «хижины» «опустели», а «трон» правителя переполнен «пороками»³⁵⁷. Констатация этого факта приводит авторов к серьёзным выводам относительно представлений об основах власти правителя, её пределах и общей целесообразности монархического устройства государств в принципе.

Прежде всего, поэтами подвергаются пересмотру распространённые представления о божественной природе власти монархов. В понимании

³⁵² Ibidem.

³⁵³ Miller J.M. Der Todesengel am Lager eines Tyrannen // Der Göttinger... Bd. 2. S. 252.

³⁵⁴ Schubart C.F.D. An die Herrscher der Erde // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 211.

³⁵⁵ Miller J.M. Der Todesengel am Lager eines Tyrannen // Der Göttinger... Bd. 2. S. 252.

³⁵⁶ Voss J.H. Trinklied für Freie // Der Göttinger... Bd. 1. S. 238.

³⁵⁷ Miller J.M. Der Todesengel am Lager eines Tyrannen // Der Göttinger... Bd. 2. S. 252.

авторов, совершаемые ими преступления не могут быть выражением божественной воли. Вот как эту мысль излагает Г.А. Бюргер, обращаясь к «князьям»³⁵⁸: «Ты – власть от Бога? Вздор! Господь - / Податель благ земных, а ты - / Грабитель и тиран». Фигура монарха, таким образом, десакрализируется и перестает иметь религиозную легитимность.

«Тиран» - именно данный термин был наиболее употребительным среди оценочных обозначений правителя (для некоторых авторов, как, например, для Фр. Штольберга самым распространённым в принципе)³⁵⁹, фактически став синонимичным по отношению к термину «князь»³⁶⁰. Немецкие «князья-тираны» в изображении поэтов – это «безумные орангутанги», которых фортуна «одарила» «скипетром, / царством и короной»³⁶¹, проживающие жизнь ради собственного увеселения в окружении «бесстыжих шлюх», «псов и потаскух»³⁶².

Авторы постулируют противоположность действий немецких правителей интересам «немецкого отечества». Лирический герой И.М. Миллера, узник, заточённый в темницу своим монархом, утверждает, что

³⁵⁸ Bürger G.A. Der Bauer, an seinen durchlauchtigen Tyrannen // Bürger G.A. Sämtliche Werke. München, 1988. S. 73.

³⁵⁹ См. многочисленные упоминания категории «тиран» («Tyran») у некоторых авторов: у Шубарта (20 раз) – Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 77, 193, 194, 195, 203, 207, 208, 209, 226, 229, 254, 261, 307, 368, 391, 433.; у Фр. Штольберга (9 раз) – Der Göttinger... Bd. 3. S. 9, 35, 68, 69, 73, 79.; у И.М. Миллера (3 раза) - Der Göttinger... Bd. 2. S. 251, 252.; у Фосса (5 раз) - Der Göttinger... Bd. 1. S. 178, 220, 239, 244, 311.

³⁶⁰ См. о «тираноборческих» настроениях немецкой общественности 1770-1780-х гг. в целом: Hermand J. In Tyrannos. Über den politischen Radikalismus der sogenannten «Spätaufklärung» // Von Mainz nach Weimar (1793-1919). Studien zur deutschen Literatur. Stuttgart, 1969. S. 9-52.

³⁶¹ Bürger G.A. Fortunens Pranger // Bürger G.A. Sämtliche... S. 117.

³⁶² Шубарт К.Ф.Д. Гробница государей // Немецкие демократы XVIII века. Шубарт, Форстер, Зейме. М., 1956. С. 31.

продолжит сопротивление «княжескому гневу» и с новой «смелостью» будет «славить отечество», из-за служения которому он и оказался в тюрьме³⁶³.

В изображении Фр. Штольберга, вместо того чтобы служить «отечеству», правители низвели само понимание его до уровня «государства»³⁶⁴. Поэт называет последнее «забавным понятием, прикрывающим любой вздор», ничего из себя не представляющим и являющимся лишь «идолом-пустышкой, которому приносят / в жертву человека, как когда-то Минотавру!»³⁶⁵ Государство, пишет Штольберг, есть «истинный Минотавр нашего времени, / властвующий в лабиринте наших иллюзий»³⁶⁶. Данные высказывания поэта были напрямую направлены против распространённой в немецкой политико-правовой мысли того времени концепции «государственного интереса», взятой на вооружение действующими в германских государствах политическими режимами³⁶⁷.

Важно, что авторы не верят в саму возможность существования правителей с неограниченной властью, употребляющих её на благо своих подданных. Те, кто стремится позиционировать себя в качестве «справедливых» монархов, являются в изображении поэтов лишь «учениками Макиавелли»³⁶⁸, научившимся создавать себе правильный политический образ, не отвечающей, тем не менее, действительности.

³⁶³ Miller J.M. Lied eines Gefangnen // Der Göttinger... Bd. 2. S. 233.

³⁶⁴ Stolberg Fr.L. Die Leuchte // Der Göttinger... Bd. 3. S. 149.

³⁶⁵ Ibid. S. 149-150.

³⁶⁶ Ibid. S. 150.

³⁶⁷ См. подробнее: Schönemann B. Staatsräson im Alten Reich der Frühen Neuzeit und im Deutschen Bund (1517-1866) // Staatsräson in Deutschland. Berlin, 2003. S. 23-44; Staatsräson. Studien zur Geschichte eines politischen Begriffs. Berlin, 1975. S. 339-480; Münkler H. Im Namen des Staates. Die Begründung der Staatsräson in der Frühen Neuzeit. Frankfurt am Main, 1987. S. 165-209.

³⁶⁸ Шубарт К.Ф.Д. Милостивый лев // Немецкие демократы... С. 44.

Одним из наиболее ярких произведений, содержащих данную идею, является басня Шубарта «Милостивый лев». В ней рассказывается, как царь зверей, «тиран-самодур, спускающий со всех животных шкуру», внезапно решил проявить заботу о своём «народе» и, «в знак милости своей», подарил ему целый «холм обглоданных костей»³⁶⁹. Большинство животных в изображении поэта приняли «подарок», осыпая льва словами благодарности за то, что он «оказал им всем такую честь»³⁷⁰. Не обманутым оказывается лишь хитрый лис, прошептавший³⁷¹: «Дарить не трудно вам / То, что у нас вы отняли да съели!» Образ мудрого правителя, таким образом, оказывается в глазах авторов не более чем идеологическим прикрытием действительно происходящего произвола.

Особой мыслью, продвигаемой авторами при выражении своей критики, является идея о том, что в существующей системе единовластия монархов у подданных в принципе отсутствует возможность предотвратить или исправить их злоупотребления. Правители представляются подавляющими любое несогласие с собственным мнением, «бесстрашным росчерком пера» утверждающими «казни / всем» не ведающим «боязни / перед лицом двора», калечащими «мудрость» и «с ожесточеньем» подавляющими «свободный дух»³⁷².

«Свободный дух» - вот то, что в представлении авторов двигало людьми, стремящимися изменить сложившийся порядок вещей, даже с угрозой для самих себя. Необходимо подробно рассмотреть понимание поэтами этой категории в силу важности занимаемого ей места в их политических воззрениях.

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Там же.

³⁷¹ Там же.

³⁷² Шубарт К.Ф.Д. Гробница государей // Немецкие демократы... С. 32.

2.3. «Свобода» как общечеловеческая и политическая ценность

Понятие «свободы» в изображении рассматриваемых авторов имело, прежде всего, религиозный оттенок. «Свобода» называлось авторами «величайшим благословением богов»³⁷³, «Богом возвращенной веточкой»³⁷⁴. Представая даром с небес, она приобретала черты высшей ценности в самом широком смысле этого слова, обозначаясь в текстах то как «богиня свобода»³⁷⁵, то как «святая свобода»³⁷⁶. Таким образом, религиозная легитимность, отрицавшаяся авторами в отношении власти правителя, была перенесена ими на понятие «свобода».

В другом значении «свобода» представлялась неким качеством, являвшимся внутренней характеристикой человека. Оно даровано человеку Богом и не может быть у него отнято земной властью. «Кого Бог делает свободным, / Свободен навеки»³⁷⁷ - утверждает Шубарт. Быть свободным представляется, таким образом, наивысшим счастьем человека и его неотъемлемым правом. Более того, в определённом смысле именно «свобода» делает человека человеком, поскольку стремление к ней есть «высочайшее доказательство заложенного [в людях] чувства человеческого достоинства»³⁷⁸. Без ощущения собственной «свободы» человек теряет собственное «я». Лирический герой Шубарта риторически задаётся вопросом³⁷⁹: «Свобода, когда же ты с невероятной силой / Выйдешь мне навстречу, / Вернёшь мне душевный покой?»

³⁷³ Schubart C.F.D. Meinem Freund R ... // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 142.

³⁷⁴ Schubart C.F.D. // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 218.

³⁷⁵ Шубарт К.Ф.Д. Немецкая свобода // Немецкие демократы... С. 32.

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ Schubart C.F.D. An die Freiheit // Schubart C. F. D. Sämtliche... S. 195.

³⁷⁸ Цит. по: Schairer E., Chr. Fr. D. Schubart als politischer... S. 32.

³⁷⁹ Schubart C.F.D. Meinem Freund R ... // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 142.

Изложенные «философские» грани понятия «свободы» несли в себе зачатки его переосмысления в политическом ключе³⁸⁰. Если человек не может воплотить в жизнь своё свободолюбие, то неизбежно возникает вопрос, кто и каким образом ему в этом препятствует. Ответ авторов был однозначен: это немецкие монархи, сосредоточившие в своих руках всю полноту власти и злоупотребляющие ей во вред своим подданным. Доказывая справедливость этого положения, поэты подключали к рассмотрению воспринятую ими у Клопштока национальную и историческую перспективу.

Именно немецкие земли объявляются авторами источником «свободы». Шубарт ностальгически вспоминает, что «когда-то» свобода «обитала в рощах Германии, / освещаемая лунным светом, / и у жертвенника Водана / находился её неосквернённый алтарь»³⁸¹. Она «с материнской заботой / утешала у своей груди каждого немца», а в её «лучах» «купался» Герман³⁸², её «сын»³⁸³ и главный защитник, под руководством которого она разгромила римские легионы императора Августа – «одержала победу на поле брани / и кинула трупы своих врагов... / на съедение волкам»³⁸⁴.

Но после этого ситуация изменилась. Шубарт, риторически обращаясь к «немецкой свободе», вопрошает³⁸⁵: «Неужели покинула ты германские рощи, / где при сиянии лунном / на костях разгромленных римлян / ты свой воздвигнула трон?» Защитив «немецкую свободу» от внешнего врага, немцы не смогли её сберечь от врага внутреннего. Оказалось, что «здесь, на

³⁸⁰ См. об особенностях употребления категории «свобода» в немецкой публицистике того времени: Stammler W. Politische Schlagwörter in der Zeit der Aufklärung // Stammler W. Kleine Schriften zur Sprachgeschichte. Berlin, 1954. S. 48-100. В особенности, S. 51-62.

³⁸¹ Schubart C.F.D. An die Freiheit // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 218.

³⁸² Ibidem.

³⁸³ Шубарт К.Ф.Д. Немецкая свобода // Немецкие демократы... С. 33.

³⁸⁴ Там же.

³⁸⁵ Там же.

германской земле» свобода провела лишь «немного / блаженных лет»³⁸⁶. Её «отпугнуло чудовище / страшней, чем чудовище Нила... // Чудище это двуглаво: / золотая корона и бархатная скуфейка» / увенчивают головы / гада морского»³⁸⁷. «Золотая корона» - символ княжеской власти, «бархатная скуфейка» - символ власти католических священнослужителей. Свободу «потревожили князя / да попы, так охотно кующие кандалы», и тогда она «отвернула свой лик» от «немцев», ибо её «нет там, где гремят оковы»³⁸⁸.

Таким образом, в представлении авторов союз светских и церковных властей, узурпировавших власть в своих руках, окончательно лишил «немцев» свободы. Но он не уничтожил свободы как таковой.

Оставив «немецкое отечество», она нашла себя в других странах. Шубарт утверждает, что свобода «полетела к швейцарцам, к бриттам, / во дворцах была всё реже, чаще - в хижинах, / и лёгкую палатку... разбила / В Колумбовом Новом Свете»³⁸⁹. Выбор стран, рассматриваемых авторами в качестве «свободных», весьма показателен.

В Великобритании, де-юре остававшейся монархией, тем не менее, имелись выборный представительский орган парламент и ответственное перед ним правительство во главе с премьер-министром. Швейцария представляется Шубарту местом, «где ещё царит благопристойность», «благородной страной», жители которой «достойны древних обычаев / и почитают старые добродетели»³⁹⁰. Она устроена таким образом, что в случае появления в ней «ненавистника свободы», в его «гордую башку» сразу же вонзится «обнажённый и горячий меч отмщения»³⁹¹.

³⁸⁶ Там же.

³⁸⁷ Там же. С. 34.

³⁸⁸ Schubart C.F.D. An die Freiheit // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 218.

³⁸⁹ Ibidem.

³⁹⁰ Schubart C.F.D. An Herrn Biedermann aus Winterthur // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 72.

³⁹¹ Ibidem.

С ещё большим восторгом Шубарт пишет о США. С одной стороны, он отмечает выдающуюся роль в их становлении в качестве «свободного» государства «отцов-основателей», среди которых отдельно выделяет фигуру Б. Франклина (1706-1790). По его мнению, Франклин был избран «свободой», которая «как невеста жениха взяла его за руку», а он, в свою очередь, «привёл её в Колумбов счастливый свет»³⁹². «Мудрец, патриот, любящий отечество и Бога», Франклин «попытался отвести стрелы тиранов» от своей страны «как молнии небес» от земли, и ему это удалось³⁹³. С другой, - вдохновенным примером для Шубарта являются сами американские поселенцы, открыто выбравшие путь борьбы со своим законным правителем английским монархом Георгом III, что ярко показано в стихотворении «Песнь колониста о свободе»³⁹⁴.

«Богиня свобода со своим знаменем» пришла к американцам, которые теперь были готовы «умереть за неё»³⁹⁵. «Победа или смерть» - таким Шубарт представляет «боевой клич» американских колонистов, свидетельствующий о бескомпромиссности ведущейся ими войны. Поэтом подчёркивается её бескорыстность и справедливость: американцы сражаются не за то, чтобы приобрести какие-либо материальные блага, а ради того, чтобы, наконец, стать «свободными». Колонист утверждает, что «ни один бостонский бургер / не сражается за рабские деньги»³⁹⁶.

Шубарт также вкладывает в уста американского колониста обличительную речь в отношении европейских народов. Колонист обвиняет их в том, что они «склоняют свои шеи перед властолюбием» тиранов,

³⁹² Schubart C.F.D. Franklins Grabschrift // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 194

³⁹³ Ibidem.

³⁹⁴ См. о восприятии американской Войны за независимость в немецкой литературе того времени в целом: Wertheim U. Der amerikanische Unabhängigkeitskampf im Spiegel der zeitgenössischen deutschen Literatur // Weimarer Beiträge. № 3. 1957. S. 429-470.

³⁹⁵ Schubart C.F.D. Freiheitslied eines Kolonisten // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 193.

³⁹⁶ Ibidem.

которые, «будто погонщики, растят их для себя на убой как скот»³⁹⁷. «Рабы Европы, гремя своими кандалами» лишь безропотно глядят на американцев, не будучи способными и не осознавая необходимость подняться на борьбу за свою «свободу»³⁹⁸. Европейцам даётся совет, «уплывать прочь», в Америку, «где живёт свобода» и «горит её алтарь»³⁹⁹. В завершение своей песни колонист ещё раз обращает внимание на безальтернативность вооружённого и фактически насильственного пути достижения «свободы», утверждая, что «кто не будет воевать за свою свободу, / будет сброшен в морскую пучину»⁴⁰⁰.

Таким образом, Шубарт приводит в качестве примера «свободных» стран государства, политическая система которых строилась, фактически, на республиканских принципах. На этом фоне определить видение авторами судьбы критикуемых ими немецких княжеств становится особенно важным.

2.4. «Свобода – меч неистовствующих народов»: постановка проблемы права народа на восстание

После констатации факта исчезновения «свободы» из немецких земель, возложения вины за это на светских и духовых немецких князей и прослеживания долгого «путешествия» «свободы» по зарубежным странам, авторы поднимают вопрос о необходимости её «возвращения» на свою «историческую родину» - в немецкие земли. Шубарт задаётся вопросом, «скоро ли минет эта страшная, грозная ночь», т.е. долгая эпоха немецкой «несвободы»⁴⁰¹. В изображении поэтов для осуществления этого становится

³⁹⁷ Ibid. S. 194.

³⁹⁸ Ibidem.

³⁹⁹ Ibidem.

⁴⁰⁰ Ibidem.

⁴⁰¹ Шубарт К.Ф.Д. Немецкая свобода // Немецкие демократы... С. 34.

необходимым выполнение двух условий: устранение главного препятствия на пути «свободы» - власти немецких монархов и последующее изменение основополагающих принципов политического устройства немецких государств.

Программное стихотворение Шубарта «Гробница государей», написанное в 1779 г. – в самый тяжелый период заключения, уже своим показательным названием определяет будущую судьбу, которая должна постичь немецких князей. Представляя описание склепа умерших правителей, поэт в уничижительном тоне демонстрирует их ничтожность⁴⁰²: «...Те, перед кем со страхом / все прежде простирались ниц; / ...теперь презренным стали прахом / на дне своих гробниц», «...они гниют на дне могилы, / где черви, прах и душный смрад! / Какой конец!». Поэт пророчит монархам «страшный суд», где «яростным тиранам» «придётся задохнуться под курганом / своих зловещих дел...»⁴⁰³.

Одним из изображаемых авторами вариантов участи немецких правителей является их низвержение с занимаемого ими социального верха до уровня низов общества. Шубарт предрекает, что монархам придётся самим познать тяготы жизни когда-то угнетаемого ими населения, утверждая⁴⁰⁴: «Князья, когда-нибудь в ужасной давке / бесчисленной толпы людей / кто-то из вас будет стоять в рядах нищих, / на которых вы смотрели с насмешкой».

Важно, что, разрабатывая проблему судьбы монархов, поэты в своих произведениях рисуют картину насильственного смещения правителей. Ф. Штольберг в своем стихотворении «Песнь о свободе, из двадцатого столетия» предрекает их свержение и гибель в результате сражения с

⁴⁰² Шубарт К.Ф.Д. Гробница государей // Немецкие демократы... С. 30.

⁴⁰³ Там же. С. 32.

⁴⁰⁴ Schubart C.F.D. Fürsten // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 209.

взявшимися отстаивать «свободу» людьми⁴⁰⁵: «Дрожа и бледнея, / ... / бросились тираны, ища спасение, / в бушующие волны потока, / рванулись за ними свободные, / ... / кровь конницы тиранов, / кровь слуг тиранов, / кровь самих тиранов, / ... / ... / окрасила голубые волны, / прибрежные волны!»

Такое развитие событий преподносится закономерным и оправданным в силу справедливости его конечной цели – возвращения «свободы». Шубарт пишет, что в то время как «насилие своими острыми когтями / раздирает башни и дворцы в клочья», «свобода разносится из края в край»⁴⁰⁶. Насилие в отношении правителей оправдывается также тем, что выставляется в качестве возмездия за их злоупотребления. По утверждению Шубарта «могущественные злодеи издыхают / от руки мстящих»⁴⁰⁷, которые, таким образом, не совершают преступных деяний. Аналогичную картину рисует И.М. Миллер в стихотворении с показательным названием «Ангел смерти в логове тирана» (1774 г.). По убеждению поэта, «тираны», «воздвигнувшие свой трон на головах / свободных народов» «скоро завоюют» и «слетят с тронов»⁴⁰⁸: к ним приходит «запоздалая месть»⁴⁰⁹ за их злоупотребления.

Важно, что необходимость восстановления «свободы», в том числе силовым способом, представлялась авторам неотъемлемым условием возрождения «немецкого отечества». Красочно расписывает путь восстановления «немецкого отечества» через обретение им «свободы» Фр. Штольберг.

«Только арфа свободы есть арфа отечества» - метафорически заявляет поэт⁴¹⁰. Необходимо ударить по её струнам – «ударивший» будет «подобен

⁴⁰⁵ Stolberg Fr.L. Freiheits-Gesang aus dem zwanzigsten Jahrhundert // Der Göttinger... Bd. 3. S. 67-68.

⁴⁰⁶ Schubart C.F.D. Zeichen der Zeit // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 192.

⁴⁰⁷ Ibidem.

⁴⁰⁸ Miller J.M. Der Todesengel am Lager eines Tyrannen // Der Göttinger... Bd. 2. S. 251.

⁴⁰⁹ Ibid. S. 253.

⁴¹⁰ Stolberg Fr.L. Die Freiheit // Der Göttinger... Bd. 3. S. 35.

ночному урагану перед бурей»⁴¹¹. В этом сравнении Штольберг как немецкий поэт указывает на видение своей миссии в воспевании и, соответственно, пропаганде ценности «свободы». Когда же разразится сама «буря» - т.е. начнётся непосредственная битва за «свободу», «арфу» в изображении автора нужно будет сменить на «меч»⁴¹².

«Только меч свободы есть меч отечества» - снова подчёркивает Штольберг⁴¹³. «Поднявший меч свободы будет сверкать в рукопашной схватке / как молния в ночную бурю»⁴¹⁴, и с его помощью сокрушит главных врагов «свободы», четко указанным в финальном призыве поэта⁴¹⁵: «Долой дворцы! / Долой тирана, разорителя Бога!» В описании автора «раскаты грома», «предвещающие поступь» свободы, «опрокидывают / троны», «под золотыми развалинами» которых теперь покоятся «тираны»⁴¹⁶. Такая их судьба представлялась Штольбергу закономерной и оправданной: их «замки», в которых произносились «мягкие речи, / проливающие кровь и слёзы», по утверждению поэта разрушила «мечь Бога» «ради спасения отечества»⁴¹⁷.

Схожую картину рисует Фосс. В сравнении со Штольбергом, он чётче обозначает тех действующих лиц, которые поднялись на борьбу против своего правителя. «С нами – Герман! / С нами – швейцарский герой Телль! / С нами – каждый свободный немец!»⁴¹⁸ - так их собственными устами поэт определяет основного героя происходящего – «свободного немца», попутно

⁴¹¹ Ibidem.

⁴¹² Ibidem.

⁴¹³ Ibidem.

⁴¹⁴ Ibidem.

⁴¹⁵ Ibidem.

⁴¹⁶ Stolberg Fr.L. Freiheits-Gesang aus dem zwanzigsten Jahrhundert // Der Göttinger... Bd. 3. S. 73.

⁴¹⁷ Stolberg Fr.L. Die Trümmer // Der Göttinger... Bd. 3. S. 80.

⁴¹⁸ Voss J.H. Trinklied für Freie // Der Göttinger... Bd. 1. S. 238.

давая примеры его главных исторических воплощений. При этом Фосс, вслед за Штольбергом, подчёркивает непосредственную связь достижения «свободы» с возрождением «отечества», а также готовность использовать любые средства для осуществления этих замыслов. В его изображении «немцы», «обагрённые жаром свободы», «пробудились на месть» и «не страшатся крови» – поскольку «её требует отечество»⁴¹⁹.

Противоположной им стороной предстаёт «рой тиранов», сопровождаемый «бесчисленной армией наёмников»⁴²⁰. При его описании Фосс использует наработанный Глеймом приём дегуманизации противника, прямо утверждая, что противостоящее «свободным немцам» «море врагов» - «не люди, / а прислужники, сражающиеся за деньги, / а не за отечество!»⁴²¹. В итоге, противостояние этих «войск монарха» со «свободными немцами» закономерно заканчивается поражением первых, финальной кульминацией которого становится в изображении поэта смерть самого монарха⁴²²: «Тиран в крови!»

Таким образом, свержение «князей»-«тиранов» представляется авторам совершенно необходимым шагом для возвращения «свободы» в немецкие земли. Фактически, поэтами в художественной форме ставится вопрос о праве «немцев» на восстание против своих правителей и на него даётся положительный ответ⁴²³. При этом важной особенностью понимания

⁴¹⁹ Ibidem.

⁴²⁰ Voss J.H. Friedensreigen // Der Göttinger... Bd. 1. S. 311.

⁴²¹ Voss J.H. Trinklied für Freie // Der Göttinger... Bd. 1. S. 239.

⁴²² Ibidem.

⁴²³ См. общий разбор эволюции идеи права на восстание в европейской общественной мысли раннего Нового времени: Friedeburg R. Widerstandsrecht im Europa der Neuzeit. Forschungsgegenstand und Forschungsperspektiven // Widerstandsrecht in der frühen Neuzeit. Berlin, 2001. S. 11-60. О развитии идеи в немецкой общественно-правовой мысли в последние десятилетия перед Французской революцией см.: Mandt H. Tyrannislehre und Widerstandsrecht. Darmstadt, 1974. S. 94-104.

авторами «свободы» является её осмысление в качестве обязательной неотъемлемой характеристики самого понятия «немецкого отечества». В этой связи становится важным рассмотреть, каким авторы видят устройство «немецкого отечества» после его возрождения и «освобождения».

2.5 Контуры «свободного отечества»

После свержения «князей-тиранов» «немецкое отечество» в изображении авторов становилось «свободным». Фр. Штольберг провозглашает: «поток свободы» отныне «разливается по Германии» и «на его берегах / цветёт счастье, как цветы у лугового родника»⁴²⁴. Констатация внутреннего благополучия дополняется у поэта указанием на возросший внешнеполитический вес страны: в наступившем «столетии свободы» Германия занимает подобающее ей место в ряду остальных держав – теперь она «гордо стоит среди наций», её «окружающих»⁴²⁵.

Картина будущего, предлагаемая Фоссом, более конкретизирована и представляет собой изображение новой, «свободной» и «счастливой» жизни: «поднимаются освобождённые от вражды / ремесла», «начинает обстраиваться земля», «из опустошения расцветают / холмы и равнины»⁴²⁶. Поэт объясняет наступление эпохи всеобщего изобилия тем, больше «не существует притеснителя, который бы / попирает закон и право»⁴²⁷.

Фосс называет сложившийся государственный строй «отечеством общин»⁴²⁸. В его описании оно «заботится обо всех» людях «вместе и о

⁴²⁴ Stolberg Fr.L. Freiheits-Gesang aus dem zwanzigsten Jahrhundert // Der Göttinger... Bd. 3. S. 73.

⁴²⁵ Ibid. S. 72.

⁴²⁶ Voss J.H. Friedensreigen // Der Göttinger... Bd. 1. S. 312.

⁴²⁷ Ibidem.

⁴²⁸ Ibidem.

каждом в отдельности», а «каждый» человек в нём «с решимостью живёт и умирает ради блага всех»⁴²⁹. Фактически, поэт формулирует важную мысль о том, что люди представляют «отечество» сами собой и на основании этого должны им сами управлять, не делегируя данных функций кому бы то ни было. Устами победителей «тиранов» Фосс определяет этот новый принцип общественно-политического устройства следующим образом⁴³⁰: «Нет больше господина, который нами управляет, нет больше слуг, которые ему подчиняются!» Вместо этого люди «объединяются» и «свободно», «как братья», своим «сердцем и рукой» «скрепляют» свой «союз» «ради всех» и «ради» своего «отечества»⁴³¹.

Описываемый поэтом подход к пониманию «свободного» устройства «немецкого отечества» - объединение «немцев» в «союз» в целью самостоятельного управления собственной жизнью в своём «отечестве» - фактически представляет собой в художественной форме выражение идеи «народного суверенитета», в наиболее отчётливом виде для своей эпохи сформулированной французским мыслителем Ж.-Ж. Руссо (1712-1778) в его трактате 1762 г. «Об общественном договоре»⁴³². Появляется новый субъект политики – люди, образующие собой политическое сообщество по своей природе, обладающие политическими правами и являющиеся источником власти. Для его обозначения в текстах рассматриваемых авторов не существовало какого-либо устоявшегося термина: подобный смысл могли

⁴²⁹ Ibidem.

⁴³⁰ Ibidem.

⁴³¹ Ibidem.

⁴³² См. до сих пор не утративший своё значение разбор концепции Руссо: Герье В.И. Идея народовластия и Французская революция 1789 года. М., 2011. С. 187-286. Из новейших работ см.: Длугач Т.Б. Три портрета эпохи Просвещения. Монтескье. Вольтер. Руссо (от концепции просвещенного абсолютизма к теориям гражданского общества). М., 2006. С. 198-209.; Занин С.В. Общественный идеал Жан-Жака Руссо и французское Просвещение XVIII века. СПб., 2007.

нести самые различные слова, такие как «народ», «союз», «братья», «немцы» и т.п., обозначающие, как правило, группы, по контексту требовавшие «свободы» своему «отечеству».

Можно констатировать, что описанные выше представления поэтов, в целом, соответствуют политическому пониманию «нации», при этом сам термин «нация» практически не употребляется⁴³³. Один из редчайших примеров такого рода предлагает Шубарт, формулируя новый принцип политического устройства⁴³⁴: «Только нация - в полном своём составе или представленная законным образом своими избранниками - уполномочена издавать распоряжения и законы, под властью которых она хочет жить». Следует заметить, что подобное понимание не заменяет, а дополняет разделяемые поэтами культурно-исторические компоненты во взгляде на природу «немецкого народа» и «немецкого отечества», которые, продолжая оставаться необходимыми, перестают быть достаточными.

Продвижение авторами идеи о том, что истинное «немецкое отечество» может быть только «свободным», привело к значительной корректировке понимания используемого ими мотива «смерти за отечество».

С одной стороны, поэты воспроизводят мотив «смерть за отечество» в ставших к тому времени традиционных формулировках, выработанных Глеймом и Клопштоком, трактуя его в качестве радостного желания самого индивида доказать искренность своих чувств к «отечеству» как высшей ценности для него. Штольберг в стихотворении «Песнь немецкого юноши» (1774 г.) изображает лирического героя, «рука» которого «крепка», а «мужество велико», «достойного своих отцов» и готового, «гордо, как они, / принять смерть за отечество»⁴³⁵. В уже цитированном выше стихотворении «Моё отечество» поэт примеряет эту роль на себя, утверждая, что «уже видит

⁴³³ См. у Шубарта (6 раз) - Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 92, 151, 157, 180, 206, 367.; у Штольберга (1 раз) - Der Göttinger... Bd. 3. S. 72.

⁴³⁴ Немецкие демократы... С. 141.

⁴³⁵ Stolberg Fr.L. Lied eines deutschen Knaben // Der Göttinger... Bd. 3. S. 49.

себя / лежащим в кровавой пыли / со славой умершим за отечество»⁴³⁶. Бюргер утверждает, что в случаях, «когда отечество в беде», «радостно, будто на охоту», отправляются «на поле брани»⁴³⁷. Поэт подчёркивает: «храброго мужа» «не охватывает страх», он «не чурается / смерти за отечество»⁴³⁸.

Однако, с другой стороны, наделение категории «немецкого отечества» новой характеристикой – необходимостью быть «свободным» во внутриполитическом смысле этого слова, заставило авторов задаться вопросом, любая ли смерть, мыслимая ранее как «смерть за отечество», является таковой, и ответить на него отрицательно. Образец такой релятивизации мотива предоставляет Бюргер, который проводит своего рода проверку и ранжирование различных видов смерти на предмет их соответствия званию «смерти за отечество».

«Высочайшей честью» и «величайшей ценой», по его мнению, обладают смерть «за добродетель, права свободы человека», приравненная им к «смерти Спасителя мира» и совершаемая «Божьими избранниками», и смерть «за свой родной народ и отечество», ярчайшим примером которой для Бюргера являются древнегреческие триста спартанцев⁴³⁹. «Смерть за доброго князя, / держащего в своей доблестной руке скипетр, весы и меч» называется автором «великой» и, «пожалуй», достойной «жажды» «благородных», поскольку в его понимании она «сродни смерти за народ и отечество»⁴⁴⁰.

«Тот, кто считает великим и славным» «пролить кровь за Его величество - блестящее, но более никакое», по убеждению Бюргера, «ошибается»⁴⁴¹. В понимании поэта это является проявлением «собачьей

⁴³⁶ Stolberg Fr.L. Mein Vaterland // Der Göttinger... Bd. 3. S. 55.

⁴³⁷ Bürger G.A. Feldjägerlied // Bürger G.A. Sämtliche... S. 435.

⁴³⁸ Ibid. S. 436.

⁴³⁹ Bürger G.A. Die Tode // Bürger G.A. Sämtliche... S. 385.

⁴⁴⁰ Ibidem.

⁴⁴¹ Ibid. S. 386.

храбрости, подстёгиваемой / розгами и подкормленной крохами с дворцового стола»⁴⁴². И уж совсем неправ тот, «кто сражается за тиранов»: «эта смерть будет мила только аду», куда он попадёт «вслед за ними»⁴⁴³.

Демонстрируемая поэтами прямая связь между понятиями «свободы» и «отечества», содержательная сторона которой была показана выше, подчёркивается, в том числе, и на языковом уровне в виде наличия устойчивого словосочетания «свобода и отечество». Оно используется авторами как в утвердительном смысле⁴⁴⁴, так и в качестве лозунга. «За свободу и отечество» призывают выступить И.М. Миллер⁴⁴⁵ и Фр. Штольберг⁴⁴⁶, Фосс же формулирует свои требования ещё проще: «Свободы и отечества!»⁴⁴⁷.

Данный призыв, как по своей форме, так и в широком смысле по своей политической направленности, явно созвучен, с одной стороны, общему девизу массово возникших после Освободительных войн 1813 г. против Наполеона многочисленных буршеских организаций немецкого студенчества – «честь, свобода и отечество»⁴⁴⁸, а с другой, известному политическому лозунгу широкого национально-либерального общественного движения в эпоху Предмарта (1815-1848) и, в особенности, германской революции 1848-1849 гг. – «свободу и единства»⁴⁴⁹. Это является свидетельством того, что сформулированные рассматриваемыми авторами 1770-1780-х гг.

⁴⁴² Ibidem.

⁴⁴³ Ibidem.

⁴⁴⁴ См. например: у Фосса – Der Göttinger... Bd. 1. S. 174, 181, 182, 312; у И.М. Миллера – Der Göttinger... Bd. 2. S. 258; у Шубарта - Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 225.

⁴⁴⁵ Miller J.M. An meine Freunde in Göttingen // Der Göttinger... Bd. 2. S. 258.

⁴⁴⁶ Stolberg Fr.L. Die Freiheit // Der Göttinger... Bd. 3. S. 34.

⁴⁴⁷ Voss J.H. Stolberg, der Freiheitssänger // Der Göttinger... Bd. 1. S. 177.

⁴⁴⁸ См. подробнее: Wentzcke P. Geschichte der Deutschen Burschenschaft. Bd. 1. Vor- und Frühzeit bis zu den Karlsbader Beschlüssen. Heidelberg, 1965. S. 130-138.

⁴⁴⁹ См. подробнее в: Schmidt H.J. Die deutsche Freiheit. Geschichte eines kollektiven semantischen Sonderbewusstseins. Frankfurt a.M., 2010. S. 48-57.

политические идеи в широком смысле слова были востребованы последующими поколениями немецких интеллектуалов, сохраняя для них свою притягательную силу.

§ 3. Социальные представления поэтов как отражение их политических воззрений

Само обращение рассматриваемых авторов к социальной тематике по сравнению с творчеством Ф. Клопштока представляет собой значительное расширение предметного поля немецкой политической лирики. Подход авторов к оценке роли и места различных социальных слоёв в немецком обществе является следствием особенностей понимания ими политической ситуации в Германии.

Политическое понимание категории «свобода» возникало из авторского ответа на вопрос, кто препятствует реализации заложенного в людях стремления к ней. Определив главного врага в виде узурпировавшего власть монарха, поэты выдвинули на первый план мысль о неизбежности борьбы с ним всеми доступными у подданных способами. В качестве лиц, поднявшихся на борьбу, Фосс, как уже было указано выше, определил категорию «свободных немцев»⁴⁵⁰. Однако возникает вопрос, кто такие «свободные немцы» и все ли «немцы» являются «свободными».

«Свободолюбие» трактуется авторами как отличительная черта «немцев». «Свобода есть наследие немцев» - провозглашает И.М. Миллер⁴⁵¹. Формально в этом вопросе авторы также следовали представлениям Клопштока, провозгласившего «немцев» «народом свободы», однако, в

⁴⁵⁰ Voss J.H. Trinklied für Freie // Der Göttinger... Bd. 1. S. 238-239.

⁴⁵¹ Miller J.M. An meine Freunde in Göttingen // Der Göttinger... Bd. 2. S. 257.

отличие от своего кумира, в качестве угрозы «свободе» «немцев» им виделись не столько внешние враги, сколько внутренние.

И.М. Миллер, называя своих друзей по «Союзу рощи» «свободными», противопоставляет им остальных поэтов, достойных «презрения» за то, что те «ублажают звуками своей продажной арфы князей / и придают их порокам отблеск добродетели», делая всё это, в конечном счёте, «ради недопущения свободы»⁴⁵². «Немцам», по его мнению, чужды господствующие при дворах монархов нравы, они «ненавидят / дворцовую учтивость и светский вздор». «Льстивость», господствующая в придворном обществе, «есть рабство / для немецких душ» - утверждает И.М. Миллер, но «немцы» - «не рабы и не слуги»⁴⁵³. Таким образом, в представлении поэтов служить современным германским правителям, оставаясь при этом «свободным», оказывается невозможным.

Для Фосса «немцы», находящиеся на службе у немецких правителей, - это «негодяи»⁴⁵⁴, «предатели»⁴⁵⁵ и даже «выродки Туискона»⁴⁵⁶. Они «пресмыкаются за кусок хлеба, / кормятся у князей, как животные, / развратничают и поносят Бога», «чистят обувь своему господину» ради того, чтобы «пристроить к господину свою жену и дочь» и «получить ордена и медали»⁴⁵⁷. По мнению И.М. Миллера, монархи «изгнали» из этих людей «человечность», «выпили их кровь» и «превратили в животных, чтобы те» их «почитали» и «ползали вокруг» их «трона», «бормоча / о всемогуществе сотворённого нового бога!»⁴⁵⁸

⁴⁵² Ibidem.

⁴⁵³ Miller J.M. Abschied // Der Göttinger... Bd. 2. S. 197.

⁴⁵⁴ Voss J.H. Trinklied für Freie // Der Göttinger... Bd. 1. S. 238.

⁴⁵⁵ Voss J.H. An Klopstock // Der Göttinger... Bd. 1. S. 184.

⁴⁵⁶ Voss J.H. Bundesgesang // Der Göttinger... Bd. 1. S. 182.

⁴⁵⁷ Voss J.H. Trinklied für Freie // Der Göttinger... Bd. 1. S. 238.

⁴⁵⁸ Miller J.M. Minnehold an Teuthard // Der Göttinger... Bd. 2. S. 151.

Подобное поведение противоречит сложившемуся у авторов канону о качествах, присущих подлинным «немцам». По этому поводу Фр. Штольберг констатирует: многие «немцы не осознают / свой немецкий дух»⁴⁵⁹. Они чужды ценностей «немецкого отечества» и «свободы» и по сути являются «немецкими рабами»⁴⁶⁰, «рабским отродьем своих благочестивых предков», которое надолго «сокрыло в ночи» «имя Германа» - «пока могучая арфа Клопштока - / его сына! – не воспела его!»⁴⁶¹

Избирательность «свободы» обосновывается авторами не только в «национальном», но и в «общечеловеческом» контексте.

Шубарт утверждает⁴⁶²: «Свободен тот, кого Бог делает свободным». Но то, что Бог делает свободными всех, становится для него неочевидным: по его мнению, «взрослый, порядочный и умный человек» действительно «ищет истинную свободу», однако «взбалмошные, безудержные дураки» сами её отвергают и «своим сопротивлением» «надевают на себя оковы рабства»⁴⁶³.

Более того, в представлении поэта, «свобода», в случае неразумного распоряжения ей, может быть даже опасна и принести не благо, а вред. Шубарт предупреждает об этом, утверждая, что «народ мало знает о том, как пользоваться свободой»⁴⁶⁴. Не отрицая необходимости вооружённой борьбы против монархов, он осознаёт, что это - не «свобода», а лишь временное средство её достижения. Для поэта существует опасность того, что «растерзание мучителей с тигриной яростью» может превратиться в «калейдоскоп смертей», «проклятый Богом и всем небом»⁴⁶⁵. «Народ» же,

⁴⁵⁹ Stolberg Fr.L. An Karl Freiherrn von Hompesch // Der Göttinger... Bd. 3. S. 166.

⁴⁶⁰ Stolberg Fr.L. Die Freiheit // Der Göttinger... Bd. 3. S. 35.

⁴⁶¹ Stolberg Fr.L. Der Harz // Der Göttinger... Bd. 3. S. 39.

⁴⁶² Schubart C.F.D. Franklins Grabschrift // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 195.

⁴⁶³ Schubart C.F.D. Freiheit // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 210.

⁴⁶⁴ Schubart C.F.D. Freiheit // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 193.

⁴⁶⁵ Ibidem.

начавший купаться «в крови» - «не заслуживает быть свободным, / он сам себя опрокидывает в тяжелейшее рабство»⁴⁶⁶.

Можно констатировать, что «свободолюбие» как характерно «немецкая» черта в представлении авторов не является на данном этапе немецкой истории достоянием всех «немцев». Здесь и возникает потребность в подробной социальной интерпретации понятия «свобода», проистекающей из необходимости разъяснить, кто же конкретно является её носителем и будет добиваться её осуществления.

3.1. Немецкая знать как социальная опора монархической власти

Характер изображения немецкого дворянства рассматриваемыми авторами был обусловлен тесной ассоциацией этого общественного слоя с фигурой немецких правителей, к которому они сами принадлежали. Правящие династии выделялись среди многочисленных дворянских родов древностью своего происхождения и, как следствие, особой знатностью, однако вместе с ними образовывали единую социальную корпорацию, основную среду и общественную форму существования которой составлял монарший двор и сложившееся на его основе придворное общество. В этих обстоятельствах немецкая знать, фактически, представлялась в глазах авторов социальной опорой власти немецких князей и, соответственно, соучастником совершаемых ими преступлений.

Шубарт постулирует отсутствие в деятельности дворянства значимой для «общего блага» немецкого общества пользы. По мнению поэта, главной целью существования знати являлись развлечения: ей были «интересны / лишь балы да маскарады»⁴⁶⁷. По своим личным качествам немецкие дворяне

⁴⁶⁶ Ibidem.

⁴⁶⁷ Schubart C.F.D. An Ihro Gnaden // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 205.

подавались автором в качестве морально разложившихся «придворных прихлебал», «лизоблюдов и льстецов»⁴⁶⁸. В изображении И.М. Миллера они не выделялись и своими интеллектуальными данными: «дворянскими он и она» для поэта становились «гонор и глупость» - именно от их союза в его представлении «на свет являлись» «юнкера Гансы»⁴⁶⁹.

В представлении поэтов немецкая знать осознавала своё привилегированное общественное положение и активно его подчёркивала, ведя себя «надменно» по отношению к другим социальным группам немецкого общества⁴⁷⁰. По утверждению Шубарта, дворяне «гордо презирают бюргеров», а также «смело осуждают и упрекают тех, кто ищет мудрости», т.е. представителей профессий, связанных с науками и искусствами⁴⁷¹.

Особый предмет критики поэтами немецкой знати составляет её антинациональность.

В изображении Шубарта к «немецкому отечеству» сердце дворянина «холодно как лёд», к его призывам он чужд, а своим «отечеством» считает «весь мир»⁴⁷². Такая космополитическая позиция сама по себе являлась для Шубарта неприемлемой. Однако в глазах автора она ещё более обесценивалась тем, что в её основе, по его мнению, лежали не идейные мотивы, а соображения личной выгоды: «отечество» немецкой знати находилось там, «где почести и пища»⁴⁷³. Отказ немецкого дворянства от «немецкого отечества» предстаёт у Шубарта в виде его добровольного отречения от своей «немецкой» политической принадлежности посредством выбора в пользу других идентичностей. Это политическое отречение

⁴⁶⁸ Шубарт К.Ф.Д. Гробница государей // Немецкие демократы... С. 31.

⁴⁶⁹ Miller J.M. Auf eine adlige Verbindung // Der Göttinger... Bd. 2. S. 293.

⁴⁷⁰ Schubart C.F.D. An Ihro Gnaden // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 205.

⁴⁷¹ Ibidem.

⁴⁷² Шубарт К.Ф.Д. Космополит и патриот // Немецкие демократы... С. 45.

⁴⁷³ Там же.

дополняется указанием на всё возрастающее культурное несоответствие знати своему «немецкому» статусу. В изображении поэтов, дворяне только и делают, что «гнусавят между собой по-французски» и, «важничая и воротя нос, ругают Германию»⁴⁷⁴.

Политическая и культурная «ненемецкость» дворянства немецких государств ярко и отчётливо показано в пародийном стихотворении Шубарта «Милостивая госпожа», опубликованном в ответ на известное стихотворение Клопштока о немецкой девушке. Напечатанные параллельным текстом в одном из номеров «Немецкой хроники» за 1776 год, эти два произведения должны были донести до читателя весь ужас сложившегося социокультурного разделения⁴⁷⁵.

В своём стихотворении Клопшток вывел положительный образ немецкой девушки, с «голубыми глазами», «кротким взглядом» и «благородным и гордым сердцем», утверждающей, что «никакая другая страна», кроме Германии, «не станет» её «отечеством», «будь даже выбор» её «свободен», и вышедшей бы замуж лишь за «настоящего немца», который «любит» «отечество» «так, как» она⁴⁷⁶.

Шубарт противопоставил этому идеальному «национальному» социальному типу отрицательный образ придворной дамы. Она, «с чёрными глазами», «диким взглядом» и «изнеженным сердцем», призывает «французскую сторону» «стать» её «отечеством» - поскольку «выбор» отечества «сейчас свободен»⁴⁷⁷. «Вскормлённая галльским духом», эта «милостивая госпожа» делает «своим божеством» «лионские румяна и

⁴⁷⁴ Schubart C.F.D. An Ihro Gnaden // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 205.

⁴⁷⁵ Schubart C.F.D. Die gnädige Frau // Deutsche Chronik. Eine Auswahl aus den Jahren 1774-1777, 1787-1791. Leipzig, 1988. S. 162-164.

⁴⁷⁶ Ibidem.

⁴⁷⁷ Ibidem.

парики» и выйдет замуж лишь за того, кто «так же, как» она, «припрыгивает и поёт, / немецкие обычаи губя»⁴⁷⁸.

Таким образом, немецкая знать в представлении поэтов не соответствовала званию «немецкой» ни с культурной, ни с политической точек зрения. Она добровольно, как это подчёркивают авторы, отказалась от этого статуса и, тем самым, лишила себя, в их глазах, права занимать какое бы то ни было привилегированное положение в немецком обществе.

В одной из своих эпиграмм Г.А. Бюргер воспроизводит диалог дворянина и крестьянина, в ходе которого дворянин хвалится своим «высоким именем» и «старинным родом». Но устами крестьянина поэт оценивает эти атрибуты в качестве не достоинства, а недостатка, ведь «старое семя часто вырождается»⁴⁷⁹. Автор, таким образом, показывает то, что, по его мнению, произошло с немецкой знатью: она полностью выродилась.

3.2. Крестьянство: «немецкое», но не «свободное»

Проанализировав авторские оценки роли господствующего слоя немецкого общества – знати, необходимо обратиться к рассмотрению отношения авторов к группе, стоящей на нижней ступени социальной лестницы – крестьянству⁴⁸⁰.

Изображение крестьянства у поэтов основывается на использовании фигуры «немецкого Михеля» - традиционного образа, с начала XVI века

⁴⁷⁸ Ibidem.

⁴⁷⁹ Bürger G.A. Der Edelmann und der Bauer // Bürger G.A. Sämtliche... S. 317.

⁴⁸⁰ Gagliardo J.G. From Pariah to Patriot. The Changing Image of the German Peasant 1770-1840. Lexington, 1969.

антропоморфно символизирующего Германию⁴⁸¹. Тот факт, что именно в крестьянстве «Михель» находит своё социальное выражение, сам по себе весьма показателен: в политической лирике рассматриваемых авторов крестьяне, таким образом, предстают в роли «типичных немцев».

Жизнь в сельской местности противопоставлялась авторами жизни в городе. «Бедные горожане» в изображении Фосса «заточены в городе, будто в глухой темнице», а их жизнь полна «печали и болезней»⁴⁸². Тот их них, кто ищет радости жизни, по мнению поэта, должен скорее «бежать в деревню»⁴⁸³. Жизнь в деревне, в свою очередь, описывается как состояние гармонии человека и природы⁴⁸⁴. Сельские обыватели являются каждодневными свидетелями вечного круга природных превращений, наблюдающими «как весеннее солнце и дожди обновляют... леса и нивы, / как расцветают... садовые деревья... / [и] как шумит голубой поток»⁴⁸⁵. Ритм их жизни подаётся авторами в качестве «естественного», что в их представлении фактически служит критерием его «правильности». Дома крестьян окружены «садами, полями и лугами» и «ни один богач не может отгородить стенами» от них «свет солнца и луны»⁴⁸⁶. «Труд в зной и в мороз скрашивается» для крестьянина «бодростью и радостью духа», работа является для него «лишь приправой к его обеденному столу»⁴⁸⁷. «Нет человека, счастливее меня!»⁴⁸⁸ - восклицает, таким образом, Михель⁴⁸⁹.

⁴⁸¹ См. подробнее: Szarota T. Der deutsche Michel: die Geschichte eines nationalen Symbols und Autostereotyps. Osnabrück, 1998.

⁴⁸² Voss J.H. Der Landmann // Der Göttinger... Bd. 1. S. 262.

⁴⁸³ Ibidem.

⁴⁸⁴ Miller J.M. Lied der Bauren beim Regen // Der Göttinger... Bd. 2. S. 318-319.; Schubart C.F.D. Winterlied eines schwäbischen Bauerjungen // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 442-443.; Idem. Der Bauer in der Ernte // Ibid. S. 452-454.; Idem. Der Bauer im Winter // Ibid. S. 454-455.

⁴⁸⁵ Voss J.H. Der Landmann // Der Göttinger... Bd. 1. S. 261.

⁴⁸⁶ Ibidem.

⁴⁸⁷ Ibid. S. 262.

⁴⁸⁸ Schubart C.F.D. Michel an Lisel // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 452.

Эта естественность и размеренность сельской жизни способствовала, по мысли авторов, сохранению старинных, подлинно «немецких» традиций и препятствовала проникновению чужого, инородного влияния. В виде одной из таких традиций Шубарт и И.М. Миллер показывают свадебный обряд, в качестве жениха и невесты которого неизменно пребывают Михель и Лизель⁴⁹⁰.

Однако эту идиллию крестьянской жизни нарушало одно важное обстоятельство: наличие крепостной зависимости. Особое внимание её описанию уделяют Фосс и Г.А. Бюргер, наиболее остро осознающие её тяготы в силу своего опосредованного – не в первом, а во втором поколении – крестьянского происхождения.

«Несправедливость» социально-экономических отношений в немецкой деревне ярко демонстрируется в идиллии Фосса «Крепостные»⁴⁹¹. В ней поэт выводит образы двух типичных крестьян с характерными «немецкими» именами – Михель и Ганс. Их непосредственный господин, юнкер, требует у Михеля сто талеров за разрешение на женитьбу, обещая ему при этом даровать вольную. Вся крестьянская община с огромным трудом собирает необходимую сумму, но результат половинчат: Михель может играть свадьбу, но остаётся в зависимости. Тогда Ганс советует ему обратиться «за справедливостью» непосредственно к герцогу – их территориальному князю – и его «министрам», но Михель не видит в этом смысла, руководствуясь

⁴⁸⁹ Miller J.M. Der glückliche Bauer // Der Göttinger... Bd. 2. S. 259-260.

⁴⁹⁰ Miller J.M. Der verliebte Bauer // Der Göttinger... Bd. 2. S. 215.; Schubart C.F.D. Lisels Brautlied // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 444-445; Idem. Lisel an Michel // Ibid. S. 450-451; Idem. Michel an Lisel // Ibid. S. 451-452.

⁴⁹¹ См. о соотношении художественного карты идиллии с историческими реалиями, которыми она навеяна: Lubinski A. Johann Heinrich Voß und „Die Leibeigenen“ – Perspektiven auf die ländliche Gesellschaft Mecklenburgs in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts // Johann Heinrich Voß. Kulturräume in Dichtung und Wirkung. Hrsg. von Rudolph A. Dettelbach, 1999. S. 161-192.

принципом «ворон ворону глаз не выклюет»⁴⁹². Осознав, что «верности и веры у благородных» не найти и все они – лишь «лжецы и подлецы», герой решается сжечь помещичий дом вместе с хозяином и его детьми («волчьим отродьем»), а сам податься в бега, но, вспомнив про христианское благочестие, не совершает зло⁴⁹³. Не найдя выхода из ситуации, крестьяне тихо смиряются со своей участью.

Сюжет стихотворения демонстрирует два уровня ответственности за существование крепостного права. Первый подразумевает отношения зависимости крестьянина от непосредственного господина – «юнкера» в стихотворении, второй показывает, что власть помещика над крестьянином является лишь «низовым этажом» всей системы государственной власти, выстроенной под эксплуатацию не входящих в её состав подданных. «Герцог» стихотворения в силу своего единовластия оказывается, по мысли Фосса, конечным и главным виновником происходящих с крестьянами бедствий и фактическим гарантом их сохранения.

Данная мысль открыто культивируется в программном стихотворении Бюргера «Крестьянин – своим князьям»⁴⁹⁴, в котором главный герой обличает своего правителя в многочисленных преступлениях против крестьянства. Немецкий князь может «безбоязненно» «переехать» крестьянина «своей каретой», «охотничья собака» князя может «вцепится» в него «своими когтями и пастью» и «гонять» его «чуть живого, как дичь», попутно уничтожив крестьянские посевы. Перед лицом монарха крестьянин, по мысли Бюргера, оказывается совершенно бесправен и беззащитен, хотя, теоретически, должен был искать у него поддержку и справедливость, в том числе, в спорах с помещиками. Недоумение вызывает у лирического героя сам факт того, что он что-то «должен» будь то князю или помещику:

⁴⁹² Voss J.H. Die Leibeigenen // Der Göttinger... Bd. 1. S. 73.

⁴⁹³ Ibidem.

⁴⁹⁴ Bürger G.A. Der Bauer, an seinen durchlauchtigen Tyrannen // Bürger G.A. Sämtliche... S. 73.

поскольку сам «князь с плугом в руке... / в дни сбора урожая не пахал»⁴⁹⁵, он не имеет права на результаты труда крестьянина. «Мой это труд! Мой хлеб!» - восклицает последний.

Подобные обвинения в адрес правителей, вложенные авторами в уста представителей крестьянства, позволяют сделать предположение о том, что этот социальный слой в глазах поэтов гипотетически может выступить инициатором или хотя бы сторонником политических изменений в германских государствах. Однако, на деле, крестьянство в изображении поэтов оказывается для этого неспособным.

Отношение крестьянства к возможным социальным и политическим изменениям ярко показывает стихотворение Шубарта «Золотое время», сюжет которого построен на диалоге двух крестьян – отца и сына. Сын вычитал в одной старой книге о существовании в древности «золотого века», когда «земля сама рождала хлеб», «в пруду плавали приготовленные рыбы», «реки несли вино», а «в воздухе летали уже жареные птицы», все жили в изобилии и достатке⁴⁹⁶. Отец, посчитавший это вздором, попытался его вразумить, объяснив, что тогда все земли бы принадлежали князю, а им бы ничего не досталось, ведь «если бы король сам смог обработать себе землю», он бы не стал ей ни с кем делиться, и, обладая всей полнотой власти, присвоил все её плоды себе⁴⁹⁷. «Что же бы досталось нам в эти золотые времена?», «Предоставил бы он нам хоть местечко на пашне?» - риторически спрашивает отец⁴⁹⁸. Но сын, вместо того чтобы согласиться, делает единственно возможный вывод для сохранения правдоподобности нарисованной картины, отвечая⁴⁹⁹: «Нет, отец! Так трактовать вы не должны!

⁴⁹⁵ Ibidem.

⁴⁹⁶ Schubart C. F. D. Die Goldne Zeit // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 204.

⁴⁹⁷ Ibidem.

⁴⁹⁸ Ibidem.

⁴⁹⁹ Ibidem.

/ Этого в книге нет! Вы ошибаетесь! / Тогда бы не было *господина!* Мы все были *равны!*»

Утверждением о равенстве Шубарт формулирует своё понимание «справедливого» социального устройства общества без сословного разделения на группы с различными правами и привилегиями. Провозглашение отсутствия господина в контексте вышеприведённых рассуждений о правителе, самовластно присвоившем бы себе все земли, фактически означает подтверждение поэтом своей антимонархической позиции. Шубарт, таким образом, показывает сопряженность постулируемых им новых политических и социальных принципов общественного устройства.

Однако эти принципы в представлении автора не находят поддержки в крестьянской среде, сознание которой отторгает их для себя как чуждые. Отец отвергает предложенные сыном трактовки не только как невозможные, но и как опасные: согласно его логике, в случае, если бы все были равны, наступили бы времена раздоров и преступлений, ибо некому бы было за них наказывать, «применять власть по праву»⁵⁰⁰. Он сознательно делает выбор в пользу сохранения существующих порядков, утверждая, «сейчас каждый может сохранить то, что заработал» и даёт сыну совет⁵⁰¹: «Лучше спокойно имей свой кусок хлеба, труд подсластит его, / брось свою глупую древность, / и оставь мир таким, *какой* он есть!» Выбор отца – оставить всё, как есть – в изображении Шубарта является одновременно и выражением общей позиции крестьянства.

В представлении поэтов крестьянство, таким образом, делает добровольный выбор в пользу сохранения своего «рабского» статуса. В отношении своего господина оно рассуждает по принципу, обозначенному Фоссом⁵⁰²: «Ты – господин, а мы – слуги! / Так захотел Бог и право! /

⁵⁰⁰ Ibidem.

⁵⁰¹ Ibidem.

⁵⁰² Voss J.H. Der Sklave // Der Göttinger... Bd. 1. S. 241.

Мятежник тот, кто тому противится!» Тех же, кто хочет изменить такое положение дел, крестьянство считает лишь «нарушителями спокойствия» и «мальтийскими заговорщиками»⁵⁰³. Фосс берёт эпитафией к своему стихотворению цитату из Виланда, точно выражающую суть происходящего⁵⁰⁴: «Истошный вопль, призывающий к свободе, производит в высшей степени противоположный эффект на всех людей, мирно выращивающих себе капусту и мало внимания обращающих на то правительство, при котором они её выращивают». Таким образом, крестьянство отвергает ценность самой «свободы».

Но отвержение свободы в изображении рассматриваемых авторов есть и отвержение «немецкого отечества». Для крестьянина это понятие также оказывается чуждым, он задаётся вопросом⁵⁰⁵: «Отечество? Что за отечество! / Моё отечество есть рисовый горшок! / Всё остальное - шутовство!».

Таким образом, несмотря на позитивное отношение и сочувствие поэтов к крестьянству как социальному слою, отличавшемуся «естественным» образом жизни, сохранившему в себе исконно «немецкие» культурные традиции» и непосредственным образом испытывавшем на себе несправедливость господствующих социально-политических отношений, оно оказывалось в их глазах невосприимчивым к ценности «свободы», а значит, и к связанной с ней ценностью «немецкого отечества».

3.3. «Патриоты»: тип личности и его социальное преломление

В поиске социальных групп, которых «избрала свобода» и которым, соответственно, должна принадлежать власть, обращает на себя внимание постоянное упоминание так называемых «патриотов».

⁵⁰³ Ibidem.

⁵⁰⁴ Ibidem.

⁵⁰⁵ Ibid. S. 242.

«Патриот» в изображении поэтов – это своеобразный идеальный положительный герой своего времени⁵⁰⁶. Уз восклицает⁵⁰⁷: «Из всех героев, освещавших собой мир / как вечные светила, / от здешних мест и до земного края, о патриот! ты мой герой!» «Патриот» в представлении авторов отличается среди членов общества высокими интеллектуальными качествами. Шубарт называет его «мудрым человеком», который «пользуется своими дарованиями»⁵⁰⁸. Осознавая свои «дарования», «патриот» убеждён в необходимости их использования на благо окружающего его мира. Именно «патриота» авторы изображают в качестве главного служителя «отечеству».

Уз утверждает, что для «патриота» «видеть отечество счастливым» «есть божественнейшая из радостей»⁵⁰⁹. По мнению автора, «патриот» «дарит отечеству всего себя, чувствует только его страдания, думает лишь о его величии, ради него живет и умирает!»⁵¹⁰. Продуктивная деятельность «патриотов» на благо «отечества» и само их наличие в нём воспринимается Узом как важнейшее условие для его развития. Уз доказывает это положение примерами из древней истории. Так, «гордыня и эгоизм завладели Афинами прежде, чем они стали добычей тщеславия Филиппа Македонского»⁵¹¹. Древний Рим смог стать величайшей империей стараниями «Куриев и Сципионов, Фабрициев и Катонов», но «их не стало, и Рим поник»⁵¹².

⁵⁰⁶ Ср. упоминания у Шубарта (15 раз): Schubart C.F.D. *Sämtliche...* S. 89, 90, 93, 95, 97, 98, 112, 179, 194, 199, 202, 223, 225, 226. См. контекст, например: Voss J.H. *Auf Michaelis' Tod // Der Göttinger...* Bd. 1. S. 170; Miller J.M. *Der Patriot an sein Vaterland // Der Göttinger Dichterbund.* Bd. 2. S. 205.

⁵⁰⁷ Уз J.P. *Der Patriot // Uz J.P. Sämtliche poetische Werke.* Hrsg. von August Sauer. Stuttgart, 1890. S. 173.

⁵⁰⁸ Schubart C.F.D. *Echter Patriotismus // Schubart C.F.D. Sämtliche...* S. 225.

⁵⁰⁹ Уз J.P. *Der Patriot // Uz J.P. Sämtliche...* S. 174.

⁵¹⁰ *Ibid.* S. 173.

⁵¹¹ *Ibid.* S. 175.

⁵¹² *Ibid.* S. 176.

«Возвысившийся благодаря патриотам», он «пал, когда в сердцах стало недоставать патриотического чувства»⁵¹³. Вывод, который делает Уз из этой оценки, прост: «могущественное государство», даже «имеющее бесчисленную армию», «слабо», если в нём «нет патриотов»⁵¹⁴.

В своём служении «отечеству» «патриот» подвергается «ярости властителей и несправедливому гневу негодяев, ненавидящих» его, но, «полный твёрдого мужества», всеми «покинутый» и не имеющий друзей, он выдерживает на себе эти испытания, будто «утёс», «непоколебимо» стоящий «в океане среди бушующих волн» и «спокойно» выдерживающий «на себе весь гнев небес»⁵¹⁵. Так образ «патриота» получает ореол «гонимого благодетеля», который ещё больше усиливает его позитивное восприятие.

Авторы показывают, что в своём служении «отечеству» «патриот» проявляет самые высокие моральные качества. Согласно Шубарту, «патриот» не выставляет свои действия напоказ, он «много действует в тишине и, не стремясь к громкой славе, / довольствуется внутренним вознаграждением»⁵¹⁶. Стремление к богатству, к высокому социальному положению и близости к власти в изображении поэтов оказываются неспособными прельстить «патриота»: «корыстолюбие напрасно пытается сбить» «патриота» «с пути добродетели и искусить манящими соблазнами», поскольку у него «широкая душа, которую не купить златом и не поколебать страхом»⁵¹⁷.

В этом «патриот» отличается от остальных членов общества – «людей дурной породы, в чьих мелких душонках живет лишь подлый эгоизм»⁵¹⁸. В изображении Уза они, часто осознавая несправедливость господствующих политических и социальных порядков, готовы под них подстроиться – либо

⁵¹³ Ibidem.

⁵¹⁴ Ibidem.

⁵¹⁵ Ibid. S. 174.

⁵¹⁶ Schubart C.F.D. Echter Patriotismus // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 225.

⁵¹⁷ Uz J.P. Der Patriot // Uz J.P. Sämtliche... S. 174.

⁵¹⁸ Ibid. S. 175.

из-за их добровольного принятия, либо из-за страха наказания за попытки их изменить, либо надеясь получить при этом какие-то преференции. Такой человек думает «лишь о себе и счастье своего дома»⁵¹⁹ и, в конечном итоге, сам, «согнув колени, склонив свою душу» «подставляет свою трусливую шею под ярмо»⁵²⁰. Добровольность принятия большинством общества унижительного для самого человеческого достоинства «рабского» статуса отмечает и Бюргер, утверждая⁵²¹: «Много жалоб я часто слышу / о высокомерии, присущем знати. / Но высокомерие знати существует потому, / что мы полны раболепия». В изображении Фр. Штольберга у таких людей «нет и мысли» о свободе, а её «оковы звучат для них благотворным звуком»⁵²². Но, вместе со «свободой», они, по мысли поэтов, остаются невосприимчивым и к ценности «немецкого отечества»: в описании Уза «постыдные» люди не подают «руку помощи отечеству, которое дало им все, что они имеют, жизнь, спокойствие, честь, изобилие»⁵²³.

На контрасте с описанием добровольно выбравших «рабский статус» людей «патриот», напротив, подаётся авторами в качестве подлинно «свободного человека». «Свобода» как ценностная и мировоззренческая установка коррелирует с его общечеловеческим обликом и личностными качествами. В политическом плане «патриот» представляется как человек, который способен бросить вызов существующим немецким монархиям: в изображении Шубарта он убеждён в отсутствие у правителя особой сакральной монополии на свою власть и «требует от князя быть *человеком*, а не *Богом*»⁵²⁴. В описании поэта «мучители народа своей тиранией могут заставить» его «размахивать блестящим мечом свободы, зажатым в твёрдый

⁵¹⁹ Ibidem.

⁵²⁰ Stolberg Fr.L. Die Freiheit // Der Göttinger... Bd. 3. S. 33.

⁵²¹ Bürger G.A. Mittel gegen den Hochmut der Großen // Bürger G.A. Sämtliche... S. 320.

⁵²² Stolberg Fr.L. Die Freiheit // Der Göttinger... Bd. 3. S. 33.

⁵²³ Uz J.P. Der Patriot // Uz J.P. Sämtliche... S. 175.

⁵²⁴ Schubart C.F.D. Echter Patriotismus // Schubart C.F.D. Sämtliche... S. 225.

кулак»⁵²⁵. Таким образом, «меч свободы», разящий правителей ради блага народа, вручается Шубартом именно в руки «патриотов».

В изображении поэтов социальным слоем, соответствовавшим критериям, выдвинутым ими для определения общественного типа «патриота», представало «образованное бюргерство».

Авторские заявления о том, что «свобода» является «божественным даром», дополняются утверждениями о представителях образованного бюргерства – людей науки и искусства – как «детях богов»⁵²⁶, тем самым указывая на них, как на её избранников. Именно бюргерским представляет миссию служения «свободе» Г.А. Бюргер. «Позволь мне посвятить себя священному делу, прекрасной свободе» - заявляет поэт, добавляя, что «добросовестному бюргеру никогда не быть лживым царедворцем». Этим утверждением автор, подтверждая самому себе свою «бюргерскую» социальную принадлежность, одновременно постулирует присущую в его представлении ей антимоноархическую и антидворянскую направленность.

Представители «образованного бюргерства» показаны не имеющими богатой и славной родовой истории. Фосс в своей эпиграмме «Сословие и достоинство» противопоставляет представителя знати, «отец» которого был «имперским бароном», представителю бюргерства, происхождение которого так «низко», что если бы дворянин оказался бы его «сыном», то «пас бы свиней»⁵²⁷. Однако, несмотря на это, именно «образованные бюргеры» в изображении авторов были более достойны того, чтобы называться «благородными». Г.А. Бюргер высмеивает имевшие место процессы их возведения в дворянское достоинство за совершённые ими достижения, утверждая, что «сынов Минервы и Аполлона», т.е. деятелей науки и искусства, «не требуется одворянивать» «жалованными грамотами» -

⁵²⁵ Ibidem.

⁵²⁶ Bürger G.A. Auf das Adeln der Gelehrten // Bürger G.A. Sämtliche ... S. 321.

⁵²⁷ Voss J.H. Stand und Würde // Der Göttinger... Bd. 1. S. 351-352.

поскольку они «благородны» по определению и не нуждаются в том, чтобы какой-либо «князь» своим решением их «облагораживал»⁵²⁸.

Таким образом, следует констатировать, что образ «свободного немца», способного осуществить необходимые для «немецкого отечества» политические изменения, социально дифференцирован. Отсекая от него высший – знать – и низший – крестьянство – социальные слои, авторы сосредотачивают своё внимание на достаточно расплывчатой категории «патриотов», под определения которых во многом подходили представители немецкого «образованного бюргерства». Тем самым авторы, по своему происхождению и роду занятий ассоциированные с данным слоем, отразили зарождающиеся в нём тенденции к увеличению его политической активности.

Анализ политической лирики поэтического объединения «Союза роши» и других близких к нему авторов, демонстрирует одновременно преемственность и частичное преодоление идейного багажа Клопшюкка.

Для рассматриваемых поэтов Клопшюк оказался настоящим «будителем» их «национального» чувства: они с удивительным энтузиазмом приняли его «национальные» представления о едином «отечестве» всех «немцев» и сопутствующие им культурно-исторические обоснования. Однако политические взгляды своего кумира, оставшегося верным принципам монархического устройства государства, оказались для них чуждыми.

Немецкие князья в изображении авторов выступали узурпаторами власти – «тиранами», использующими её в своих собственных интересах. Идеиные обоснования монархии происходящего в виде распространённого оперирования категориями «государства» и «государственного интереса» в

⁵²⁸ Bürger G.A. Auf das Adeln der Gelehrten // Bürger G.A. Sämtliche... S. 321.

представлении поэтов подменяли собой «истинные» ценности «немецкого отечества» и служения ему и подвергались критике. Выстраиваемый авторами негативный образ немецкого князя позволил им поднять вопрос о легитимности его власти, рассмотрение которого они совершали, оперируя переосмысленной в политическом ключе категорией «свободы».

Поэты стали отрицать божественную природу монаршей власти и, таким образом, десакрализировали фигуру правителя. В качестве источника его власти они начали постулировать волю самих «немцев», реализация которой оказывалась в представлении авторов «скованной» волей немецкого князя. Фактическое утверждение поэтами принципа народного суверенитета выразилось в их восхищении «свободными» странами, где, по их мнению, он уже получил своё осуществление – Великобританией, Швейцарией и США. Необходимость же восстановления «свободы» в немецких княжествах приводила авторов к постановке проблемы права народа на восстание: поэты описывали готовность «немцев» насильственным путём свергнуть своих монархов, представляя эти действия закономерными и оправданными.

Важно, что провозглашение поэтами описанных выше максимум повлияло на заимствованное ими у Клопштока понимание национальных категорий: они сохраняли свой культурно-исторический компонент, но дополнялись компонентом политическим. Истинное «немецкое отечество» в их представлении отныне могло быть только «свободным», что означало непосредственное сосредоточение власти в руках самих «немцев». Последние, таким образом, представляли в качестве уже не только культурно-исторической общности, но и политического сообщества. Следует, однако, подчеркнуть: авторы не конкретизируют данные положения, например, путём выдвижения идеи народного представительства или же открытой поддержки республиканского строя.

Десакрализация фигуры правителя, утверждение принципа народного суверенитета, провозглашение права народа на восстание и всё это в обрамлении требования вернуть «немецкому отечеству» «свободу» – данные

предложения выстраиваются в спектр, который необходимо каким-либо образом классифицировать в идейной системе координат. Возвращаясь к описанным ранее в историографическом обзоре исследованиям, постулирующим наличие истоков немецкой либеральной традиции в период до 1789 г., представляется, что обозначить выявленные выше в политической лирике идеи «либеральными» было бы преувеличением. Однако само движение политической мысли их авторов шло в этом направлении, поэтому данный комплекс представлений можно осторожно определить как протолиберальной или обладающий либеральной направленностью.

Обозначенные выше политические идеи поэтов имели также социальное преломление. Авторы искали в структуре немецкого общества ту социальную силу, которая смогла бы возглавить восстание «немцев» против монархов и, таким образом, способствовать «освобождению» и «возрождению» «немецкого отечества». Немецкая знать была признана ими «ненемецкой» как с культурной, так и с политической точки зрения и представляла фактической социальной опорой власти князей. Крестьянство преподносилось авторами в качестве социального слоя, сохраняющего «немецкие» культурные традиции, но чуждого ценностям «свободы» и «отечества». Людьми, разделявшими общечеловеческие и политические грани ценности «свободы» и добровольно бравшими на себя бремя служения «немецкому отечеству», в изображении поэтов становились так называемые «патриоты». Их социальному портрету в значительной степени соответствовали представители немецкого «образованного бюргерства» - слоя, к которому принадлежали сами рассматриваемые авторы.

Подводя итоги, следует констатировать, что изложенные национально-политические и социально-политические идеи представляли собой шаг вперёд в сторону радикализации немецкой общественно-политической мысли, открывавшей ей путь дальнейшего развития в этом направлении, в особенности, с началом крупных политических потрясений, пришедших в 1790-е гг. вместе с революционными событиями во Франции.

Глава III. Идеиная поляризация в немецкой политической лирике 1790-х гг.

§1. Немецкие княжества и Французская революция. Французская революция глазами немецкой общественности

Начавшаяся в 1789 г. революция во Франции по своему характеру и масштабу стала событием европейской важности. Для соседних государств она оказалась серьёзным вызовом, потенциально способным разрушительно воздействовать на политические и идейные основания их устройства, и заставляла их искать средства противодействия ей.

Реакция немецких государств на революционные события была негативной, но сдержанной и относительно долгое время не выливалась в серьёзные усилия по упреждению вероятной угрозы⁵²⁹. Лишь с февраля 1791 г. ведущие германские государства Пруссия и монархия Габсбургов начали консультации о потенциальном совместном военном выступлении против Франции, завершившиеся подписанием 26 августа 1791 г. главами двух стран Фридрихом Вильгельмом II и Леопольдом II Пильницкой декларации, положительно закреплявшей возможность подобной кампании. В феврале 1792 г. государства заключили полноценный союз и начали военные приготовления. В свою очередь Законодательное собрание Франции решило не дожидаться пассивно нападения и 20 апреля 1792 г. само от имени «французской нации» объявило войну «королю Богемии и Венгрии» Леопольду II. Так началась война первой антифранцузской коалиции, в которую, помимо Пруссии и монархии Габсбургов, с различной степенью фактической вовлеченности вошли остальные княжества Священной

⁵²⁹ См. основные общие работы: Gooch G.P. *Germany and the French revolution*. London, 1920; *Deutschland und die Französische Revolution*. Hrsg. von Voss J. München, 1983; Stammen Th. *Deutschland und die Französische Revolution 1789-1806*. Darmstadt, 1988.

Римской империи, а также крупнейшие европейские монархии, такие как Испания, Великобритания, Сардинское королевство и т.д.

Первоначально военный успех сопутствовал войскам коалиции, костяк которой составляли армии немецких княжеств, однако, потерпев поражение в сражении при Вальми в августе 1792 г., они отдали военную инициативу в руки французской революционной армии, сумевшей уже осенью того же года перенести боевые действия на германскую территорию левобережья Рейна, взяв её крупнейший центр Майнц⁵³⁰. Успешное контрнаступление сил коалиции весной и летом 1793 г., увенчавшееся возвращением города, не смогло принципиально поколебать преимущество французов в рейнском левобережье. На фоне наступившего военного статус-кво начался постепенный распад единого фронта антиреволюционных сил: в 1795 г. по Базельскому миру Пруссия вышла из войны, признав французские завоевания. В том же году её решению последовали ряд других средних немецких княжеств и Испания, что, в конечном счёте, в 1797 г. вынудило пойти на заключение мира с Францией и монархию Габсбургов. По итогам пятилетней кампании французские войска снова сумели установить свой контроль над Майнцем, на этот раз уже на длительное время: вся немецкая Рейнская область была разделена на департаменты, стала частью Французской республики и оставалась в этом качестве вплоть до 1815 г.

Революционные события во Франции существенным образом обострили имевшиеся в немецком обществе социальные противоречия⁵³¹. Это выразилось в резком увеличении количества волнений как в городской среде (выступления ремесленных общин преимущественно в городах юга и севера Германии), так и в сельской местности (как правило, в восточных областях, например, саксонское восстание крестьян 1790 г.), независимо от

⁵³⁰ Blanning T.C.W. The French Revolution in Germany: occupation and resistance in the Rhineland 1792-1802. Oxford, 1986.

⁵³¹ Soziale Unruhen in Deutschland während der Französischen Revolution. Hrsg. von Berding H. Göttingen, 1988.

степени реального понимания требований «свободы, равенства и братства» зачастую проходившие именно под этими лозунгами.

Французские события с самого своего начала находили самый широкий отклик в среде немецкой общественности⁵³². Их оценка с её стороны прошла в своём развитии несколько этапов⁵³³.

На начальном этапе революции, продлившимся с мая 1789 г. до лета 1792 г., в кругах немецких интеллектуалов царило практически всеобщее воодушевление и восхищение происходящими событиями. Такое отношение в своей основе опиралось на специфику восприятия революции в качестве «революции духа»: она понималась как зримое воплощение благих человеческих и общественных идеалов, выработанных мыслью эпохи Просвещения. Важную роль при этом также играла первоначальная схожесть

⁵³² См. важнейшие антологии: Die Französische Revolution im Spiegel der deutschen Literatur. Hrsg. von Träger C. Leipzig, 1979; Die Französische Revolution. Berichte und Deutungen deutscher Schriftsteller und Historiker. Hrsg. von Günther H. Frankfurt a.M., 1985; Die Französische Revolution in Deutschland. Zeitgenössische Texte deutscher Autoren: Augenzeugen, Pamphletisten, Publizisten, Dichter und Philosophen. Hrsg. von Eberle F. Stuttgart, 1989.

⁵³³ См. важнейшие монографические исследования: Stern A. Der Einfluss der Französischen Revolution auf das deutsche Geistesleben. Stuttgart, 1928; Saine T. Black Bread – White Bread. German Intellectuals and the French Revolution. Columbia, 1988. Краткие обзорные работы: Scheel H. Die Begegnung deutscher Aufklärer mit der Revolution. Berlin, 1973; Raapke H.-D. Die Französische Revolution und die deutschen Gebildeten. Oldenburg, 1991. Сборники статей: «Sie, und nicht Wir». Die Französische Revolution und ihre Wirkung auf Norddeutschland und das Reich. In 2 Bd. Hrsg. von Herzig A. Hamburg, 1989; Französische Revolution und deutsche Öffentlichkeit. Wandlungen in Presse und Alltagskultur am Ende des achtzehnten Jahrhunderts. Hrsg. von Böning H. München, 1992. О реакции на революцию в художественной литературе: Schreckensmythen – Hoffnungsbilder. Die Französische Revolution in der deutschen Literatur. Hrsg. von Zimmermann H. Frankfurt a.M., 1989; Sauer E. Die Französische Revolution von 1789 in zeitgenössischen deutschen Flugschriften und Dichtungen. Weimar, 1913.

программы революционных преобразований и дореволюционных реформаторских усилий немецких «просвещённых» монархов.

Но, по мере радикализации революции начиная с лета 1792 г., широкий общественный консенсус был разрушен. Полноценные военные действия между французской армией и армиями стран антиреволюционной коалиции, свержение Людовика XVI и объявление Франции республикой, наконец, установление диктатуры монтаньяров и масштабного революционного террора, лишили революцию поддержки подавляющего большинства представителей немецкой общественности. Оставаясь верным первоначально заявленным идеалам, оно отвергло возможность их революционного воплощения, убедившись на его негативном, в их представлении, опыте в преимуществе их достижения с помощью постепенных мирных изменений существующего порядка.

Часть первоначальных сторонников революции – так называемые немецкие демократы, однако, отнеслась к радикализации революции с пониманием, истолковав её в качестве перехода борьбы за общественные изменения в новую необходимую фазу⁵³⁴. Немецкие демократы приветствовали победы французской революционной армии и проведённые ею на оккупированных немецких территориях реформы. Они развернули активную деятельность по распространению своих воззрений, основывая «якобинские» клубы, выпуская большое количество политических журналов, воззваний, листовок и.п. Географическим центром деятельности движения была контролируемая Францией с осени 1792 г. Рейнская область⁵³⁵. Значительное влияние немецкие демократы имели также в южных немецких

⁵³⁴ Reinhold W. Mythenbildungen und Nationalismus. «Deutsche Jakobiner» zwischen Revolution und Reaktion 1789-1800. Bern, 1999.

⁵³⁵ Linksrheinische deutsche Jakobiner. Aufrufe, Reden, Protokolle, Briefe und Schriften. Stuttgart, 1978.

княжествах и крупных торговых городах севера Германии⁵³⁶. Крупнейшим успехом деятельности движения стало провозглашение немецкими демократами во главе с Г. Форстером (1754-1794)⁵³⁷ в Майнце «свободного» немецкого государства в марте 1793 г., прекратившего своё существование вместе с отступлением французов и занятием города войсками антиреволюционной коалиции летом того же года⁵³⁸. После этого активность немецких демократов пошла на спад, пережив новый кратковременный всплеск лишь в ходе повторного присоединения Рейнской области к Французской республике по итогам войны первой антиреволюционной коалиции в 1797-1798 гг.

Подводя итог рассмотрению влияния революционных событий во Франции на немецкие государства, следует признать значительность их воздействия на немецкую общественно-политическую жизнь, подтверждением чему, в частности, будет служить предстоящий анализ немецкой политической лирики данного периода.

§2. Дифференциация воззрений «дореволюционных» немецких авторов

Общественные преобразования, совершаемые в ходе Французской революции, носили, как казалось, оттенок практического воплощения разработанных до её начала теоретических положений философов и

⁵³⁶ Grab W. Norddeutsche Jakobiner. Demokratische Bestrebungen zur Zeit der Französischen Revolution. Frankfurt/M., 1967; Scheel H. Süddeutsche Jakobiner. Klassenkämpfe und republikanische Bestrebungen im deutschen Süden Ende des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1962.

⁵³⁷ Мошкова Ю. Я. Георг Форстер – немецкий просветитель и революционер XVIII в. М., 1961.

⁵³⁸ Mainz zwischen Rot und Schwarz. Die Mainzer Revolution in Schriften, Reden und Briefen. Berlin, 1963.

мыслителей эпохи Просвещения. Последние, таким образом, получали возможность опытным путём проверить правильность собственных воззрений. Результаты подобной проверки зачастую сильно различались и заставляли одних пересмотреть свои убеждения, а других, напротив, подкрепить их и даже радикализировать. Данные положения в полной мере относятся к рассмотренным ранее авторам немецкой политической лирики, реакция которых на революционные события стала ведущим фактором развития их политических взглядов в 1790-е г⁵³⁹.

2.1. От «братьев-франков» до «западных гуннов»: утверждение национально-консервативного направления

По утверждению известного отечественного литературоведа Б.И. Пуришева, «ни один немецкий поэт не откликнулся так бурно на события во Франции, как 65-летний Клопшток»⁵⁴⁰. Восторженная реакция писателя на известия о штурме Бастилии и последующая поддержка в своих произведениях действующего на протяжении двух лет Учредительного собрания во многом контрастируют с его последовательными и подкреплёнными теоретическими выкладками антифранцузскими взглядами в совокупности с относительным консерватизмом его политических убеждений. Это несоответствие требует своего объяснения.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что Клопшток придавал революционным событиям чрезвычайное значение. Он утверждал⁵⁴¹: «Я думал, будто величайшее событие этого века / произошло тогда, когда Геркулес Фридрих, / поверженный властителями и властительницами

⁵³⁹ Sauer E. Die Französische Revolution von 1789 in den Gedichten Klopstocks und der Göttinger // Euphorion №21. 1914. S. 551-564.

⁵⁴⁰ Пуришев Б. Клопшток // Литературная энциклопедия... С. 315.

⁵⁴¹ Klopstock F.G. Die Etats Generaux // Klopstock F.G. Oden... S. 455.

Европы, / вновь повел свои пушки в наступление! / Сейчас я так не считаю. Галлия короновала себя / гражданским венцом, которая ранее никому не принадлежала! / Он сияет ярче, <Галлия> его заслуживает!». Клопшток, негативно относящийся к своему соотечественнику Фридриху II, но при этом признававший за ним его несомненные заслуги, в «рейтинге» важнейших исторических событий эпохи отдаёт предпочтение изменениям во Франции, что само по себе весьма показательно.

Политическое понимание автором происходящих событий, несмотря на внешний радикализм, тем не менее, соответствовало его относительно консервативным политическим и национальным убеждениям.

Франция, по мнению писателя, «освободила себя» и выпустила на волю «дух свободы, узнав который народы, наконец, осмелятся посмотреть, чем они являются»⁵⁴². В данном случае категория «свободы» не трактовалась им в радикальном республиканском смысле этого слова, а означала соответствовавший политическим представлениям писателя пример совпадения интересов «народа» и его «правителя», при котором последний действует на «общее благо» первого⁵⁴³. На это указывает подчёркнутое признание положительной роли в происходящих событиях французского монарха Людовика XVI. При описании действий правителя Клопшток проводит сравнение с прусским королём Фридрихом II, не называя последнего напрямую и подвергая его этим скрытой критике. Так, французский король «никогда не болтал о Марке Аврелии, / не давал сказочных обещаний / и не блистал в свете своего ослепительного двора», а военные «трофеи, скрывающие собой пролитую кровь, не склонили его к завоеваниям»⁵⁴⁴. Вместо этого, «Людовик призвал людей из народа, чтобы они / рассказали о своих тяготах, / ... и образовали крепкий союз между ним,

⁵⁴² Ibidem.

⁵⁴³ См. подробнее об этом §5.2. I главы настоящей работы.

⁵⁴⁴ Klopstock F.G. Ludwig, der Sechzehnte // Klopstock F.G. Oden... S. 458.

отцом, и ими, детьми». Факт, что монарх сам созвал Генеральные штаты и в последующем признал их превращение в Учредительное собрание, вполне согласовывался с представлениями Клопштока об идеальном правителе.

Исходя из такого комплекса представлений складывалось положительное отношение автора к революции. При этом он не до конца понимает, почему она произошла во Франции, а не в немецких государствах: в 1790 году Клопшток пишет оду «Они, а не мы», название которой показательно противопоставлено его знаменитой оде 1766 г. «Мы и они». Писатель сокрушается по поводу того, что не немцы, «народ свободы», противостоящий предпочитающим «тиранию» романским соседям, первыми поднялись на борьбу за неё: «Ах, моё отечество, не ты было тем, кто вознёс / свободы вершину, <не ты> засияло примером <другим> народам вокруг: / Франция это была!»⁵⁴⁵.

Очевидно, что «национальные» предубеждения мешали писателю признать факт первенства главных «врагов», поэтому он пытался найти этому объяснение, которое бы примиряло факты с его «теорией»⁵⁴⁶. Он «вспоминает», что франки, основатели французской государственности, были германским племенем, а значит, вполне могли сохранить в себе «исконно немецкое» стремление к свободе, прорвавшееся сейчас наружу⁵⁴⁷. «Франки» становятся «братьями», а их имя – «благородным»⁵⁴⁸. Следуя этой логике, поддержка революционных событий во Франции становится для Клопштока естественной и встроенной в его систему мировоззренческих координат. То, что сделали «франки», он требует сделать и жителям

⁵⁴⁵ Idem. Sie, und nicht Wir // Ibid. S. 468.

⁵⁴⁶ Müller J. Revolution und Nation in Klopstocks Oden // Wirklichkeit und Klassik. Beiträge zur deutschen Literaturgeschichte von Lessing bis Heine. München, 1957. S. 63-115.

⁵⁴⁷ См. о подобных трактовках у других немецких авторов: Echternkamp J. Der Aufstieg... S. 145-146.

⁵⁴⁸ Klopstock F.G. Die Etats Generaux // Klopstock F.G. Oden... S. 455.

немецких княжеств⁵⁴⁹: «Это всё вы, наши братья, франки, а мы? / Я вопрошаю напрасно, немцы умолкли! / Что означает ваше молчанье? Долгое терпение тяжких страданий? / Или скорое преобразование?»

После начала борьбы Франции с коалицией европейских государств, возглавляемой Пруссией и монархией Габсбургов, писатель решительно выступил против их вооружённого вторжения, рассматривая ведущуюся войну как несправедливую и завоевательную. Данная поддержка не осталась незамеченной. 26 августа 1792 года Клопштоку было присвоено звание почётного гражданина Франции⁵⁵⁰.

Этот эпизод ярко показывает различия немецкой и французской традиций национального определения⁵⁵¹. Клопшток, отстаивающий исключительно культурно-исторический критерий принадлежности человека к «немецкому народу» и сам соотносящий себя с ним, с точки зрения членов французского Национального конвента является частью французской нации, поскольку разделяет провозглашаемые революцией принципы и идеалы. Поэтому он «включается» в эту нацию посредством предоставления ему всей полноты гражданских прав. В то же время, чтобы признать идеалы революции писатель делает ряд идеологических оговорок исходя из своего национального критерия и собственного видения исторического развития. В его представлении французы по определению не обладают «тираноборческими» устремления, «свободолюбие» - исключительное свойство «немецкого народа». В этом случае единственный способ принять революцию – увидеть в ней германские корни. Данные обстоятельства

⁵⁴⁹ Idem. Kennet euch selbst // Ibid. S. 460.

⁵⁵⁰ Murat J. Klopstock als französischer Bürger // Klopstock. Werk und Wirkung. Berlin, 1978. S. 173-177.

⁵⁵¹ См. подробнее об этом: Kallscheuer O., Leggewie C. Deutsche Kulturnation versus französische Staatsnation? Eine ideengeschichtliche Stichprobe // Nationales Bewußtsein... Bd. 2. S. 112-162; Brubaker R. Citizenship and nationhood in France and Germany. Cambridge, Mass., London, 1994. S. 1-84.

красноречиво демонстрируют различия двух подходов: нации как политического сообщества и как культурно-исторической общности.

Время присвоения Клопштоку звания почётного гражданина пришлось, однако, на переломный период в истории революции. События августа-сентября 1792 года привели к провозглашению во Франции республиканского строя правления, а революционная армия успешно отразила иностранное военное вторжение и перешла в наступление за пределами французской территории. Подобные изменения болезненно воспринимались Клопштоком, поскольку такая действительность всё больше противоречила его первоначальной оценке ситуации. В происходящих политических изменениях писатель приветствовал и явно преувеличивал роль Людовика XVI. Его низложение, суд над ним и последующая казнь не укладывались в устоявшиеся представления автора о характере политических изменений 1789-1791 гг. Начало Францией войны против соседних государств было расценено Клопштоком просто как завоевательный поход, ничем не отличающийся от действия объединённых войск антифранцузской коалиции⁵⁵²: «Я возрадовался, что сильный, могучий народ / никогда больше не решится снова вести захватнических войны... / Но, горе! те, кто усмирил чудовище <войны>, уничтожили этот высокий закон, развязав битву».

Стоит подчеркнуть, что писатель не сразу отказался от своего прежнего позитивного восприятия революции. По мере усиления влияния во Франции якобинцев и в особенности после прихода к власти радикальной их части – монтаньяров, Клопшток именно в них видит основных виновников попрания завоёванной до этого «свободы»⁵⁵³: «Корпорации... / ... уничтожили / свободную Францию. // Среди них одна... возвысилась, якобинский клуб!.. / Её укусы превратит свободу в пыль». В то же время он продолжает видеть во французах «франков» - германского, а значит, братского «по

⁵⁵² Klopstock F.G. Der Erobrungskrieg // Klopstock F.G. Oden... S. 488.

⁵⁵³ Idem. Die Jakobiner // Ibid. S. 475.

происхождению» народа и считает восстановление «свободы» возможным и необходимым. Однако помочь им в этом теперь должны немцы.

Впервые с начала революции в середине 1793 года Клопшток вновь в позитивном свете обращает своё внимание на «немецкий народ», который, по мнению писателя, как «народ свободы» должен помочь «братьям-франкам» восстановить её, а заодно и самому её обрести. В этой связи действия коалиционных войск приобретают в глазах автора положительное значение, ведь благодаря им Франция будет освобождена от якобинского террора, что будет способствовать восстановлению порядков раннего этапа революции. В оде «Слово немцев» Клопшток, обращаясь к «франкам», утверждает⁵⁵⁴: «Мы приходим с оружием в руках, / но ... также / с ветвью мира в деснице, / мы идём основать государство, объединившись с вами, / как когда-то вы его себе основали». Писатель просит французов, называя их «юными франками», принять немцев, «древних франков», «как друзей».

Однако такая примирительная позиция в 1794 году сменилась полным разочарованием в возможности возвращения к установлениям первого этапа революции. Всё более пробивала себе дорогу мысль о том, что ответственность за отступление от «свободы» лежит не только на узурпаторах власти, но и на французах в целом. Такое положение коррелировало с изначально присущим Клопштоку отрицательным к ним отношением, которое теперь, в представлении писателя, всё более становилось оправданным. Писатель обвиняет их в том, что они «создали себе свободу, / но обратили богиню в чудовище»⁵⁵⁵. Объясняя изменение в начале революции своей прежде негативной позиции по отношению к французам, он утверждает, что в 1789 году ему «подумалось, будто свобода, священная мать, послана преобразить тех счастливых, которых она сама

⁵⁵⁴ Idem. Das Wort der Deutschen // Ibid. S. 482, 484.

⁵⁵⁵ Ibidem.

себе выбрала»⁵⁵⁶. Однако неудача этого заставляет Клопштока задаться вопросом: «Неужели те, кого ты <свобода> освободила, не способны к преобразению?». Для писателя этот вопрос является риторическим, он больше не видит во французах германских «франков», фактически списывая поражение «свободы» на их изначальную неспособность её воспользоваться. Более того, в исторической перспективе писатель не даёт Франции второго шанса, заявляя⁵⁵⁷: «Свобода, вернувшаяся на небо, не вернётся назад, / а те, кто её опорочил, не уживутся с ней никогда!». В стихотворении «К потомкам», написанном в 1799 г. и обращённым к тем, кому предстоит жить в наступающем XIX столетии, Клопшток выражает своё презрение тем, кто не справился с обрётённой «свободой», и завещает такое к ним отношение будущим поколениям⁵⁵⁸: «Переполненные толпы высказывают вместе со мной моё отношение к вам, губители свободы! Его будут повторять сыновья <их> внуков. Не думайте, будто они предадут его забвению... Они отольют его в мраморе и граните!.. они сохраняют его в сердце!». В этой оде Клопшток фактически останавливается в одном шаге до открытого призыва к мести французам и в этом смысле его поэзия является непосредственным предшественником лирики времён Освободительной войны 1813 года⁵⁵⁹.

Таким образом, итоги революционных изменений послужили основанием для подтверждения дореволюционных воззрений Клопштока, а временный пересмотр последних послужил своего рода «прививкой» от дальнейших идеологических колебаний.

Среди рассмотренных поэтов Клопшток не был одинок в своих оценках событий 1792-1793 гг. и в целом итогов революционного брожения. Яркий пример такого рода являет Фр. Штольберг.

⁵⁵⁶ Idem. Mein Irrthum // Ibid. S. 486.

⁵⁵⁷ Idem. An La Rochefoucauld's Schatten // Ibid. S. 480.

⁵⁵⁸ Idem. Auch die Nachwelt // Ibid. S. 563.

⁵⁵⁹ Fischer D. Das Eigene und das Eigentliche... S. 157.

Штольберг, до революции совмещающий, как и все поэты «Союза роши», принятие культурно-исторических национальных представлений Клопштока с протолиберальными политическими требованиями, длительное время никак поэтически не реагировал на французские события, хотя, как известно из других свидетельств, испытывал вначале некоторую симпатию в ним. Однако в ходе радикализации революции в 1793 г. он со всей определённостью выразил свою позицию к происходящему.

На фоне успехов французской армии в занятии немецких земель левобережья Рейна поэт, расставляя все точки над *i*, в своём открытом обращении к французам провозгласил⁵⁶⁰: «Клянусь памятью матери! я этого не потерплю! / Вас, худших выродков из всех народов, / не должны звать франками! Вы – гунны с запада, / и это ещё красивого сказано, вы – орды». Подтверждая в этих строках свою национальную неприязнь к Франции, он оправдывал её указанием на совершённые ею преступления, апофеозом которых в его представлении стала казнь Людовика XVI. «О Людовик, тебя бы пощадили / даже каннибалы! Трижды Франция присягала / тебе, и трижды нарушила клятву!» - восклицает поэт⁵⁶¹.

Данная позиция автора показательно контрастирует с его дореволюционными требованиями «крови тиранам»⁵⁶². Более того, обращаясь к причинам, породившим революционные события, Штольберг фактически переходит к обвинениям в адрес людей, пропагандировавших ранее воспевавшиеся также и им ценности «свободы». В его изображении «одержимые» люди «создали» «из смеси греха и порока» «крепкий напиток и в пьяном безумии / дали выпить» его «тщеславному народу», который, в свою очередь, «уже был созревшим» для этого «проклятия» и «на глазах всей Европы» «испил» его⁵⁶³.

⁵⁶⁰ Stolberg Fr.L. Die Westhunen // Der Göttinger... Bd. 3. S. 172.

⁵⁶¹ Ibid. S. 174.

⁵⁶² См. подробнее об этом §2.3. II главы настоящей работы.

⁵⁶³ Stolberg Fr.L. Die Westhunen // Der Göttinger... Bd. 3. S. 173.

Однако основным несчастьем в глазах Штольберга являлось не «грехопадение» французов – оно, учитывая негативное отношение поэта к ним, было относительно предсказуемым. В изображении автора «ароматы» «напитка» начали «испаряться из чумного дома» и – Штольберг считает это «позором» - его «возжелал» и «немец»⁵⁶⁴. Такая позиция слабо соотносится с его собственными дореволюционными призывами к «освобождению» «отечества».

Поэт выражает надежду, что французам будет дан отпор, и наступление объединённых немецких войск весной-летом 1793 г. давало ему повод для оптимизма. «Кони уже мчат» - утверждает он и призывает «колесницу мести» направиться «обратно» во Францию⁵⁶⁵. Однако ждать этого Штольбергу пришлось достаточно долго: задуманное им «отмщение» французам со стороны немцев ему удалось наблюдать лишь спустя два десятилетия в ходе немецких Освободительных войн 1813-1814 гг. против Наполеона, во время которых автор вновь, после долгих лет философских и богословских штудий, занимавших его все 1800-е гг. после принятия католичества, обратился к поэтическому жанру и разразился примерами агрессивной националистической лирики⁵⁶⁶.

Таким образом, следует констатировать, что первоначальная поддержка революции со стороны рассмотренных выше авторов оказалась нестойкой, а радикализация событий, сопровождаемая прямыми военными столкновениями французских войск и войск немецких княжеств, вызвала национально-консервативный поворот в их воззрениях.

⁵⁶⁴ Ibidem.

⁵⁶⁵ Ibid. S. 174.

⁵⁶⁶ См. оды «Наполеон», «Граница», «Освобождённая Германия»: Der Göttinger... Bd. 3. S. 185-190. См. также об этом: Weber E. Lyrik der Befreiungskriege (1812-1815): gesellschaftspolitische Meinungs- und Willensbildung durch Literatur. Stuttgart, 1991.

2.2. Дальнейшее развитие протолиберального подхода

В отличие от Штольберга, остальные поэты круга «Союза рощи», оставшиеся творчески активными к моменту радикализации революции, продемонстрировали более соответствующую их дореволюционным убеждениям оценку происходящего.

Фосс долгое время на события во Франции поэтически никак не реагировал, хотя, по свидетельству современников, и выражал свою симпатию к ним⁵⁶⁷. Его первое стихотворение по этой тематике появилось лишь зимой 1792 г. (опубликовано в феврале 1793 г.) во время максимального на тот момент успеха продвижения французских войск в немецких землях и показательно представляло собой вольный перевод-интерпретацию «Марсельезы» (первую на территории к востоку от Рейна⁵⁶⁸), получивший название «Гимн свободе».

В ней автор подтверждает свою приверженность ценности «свободы» в её общечеловеческом и политическом измерении. «Свобода» в его представлении «пробуждает» пребывающего «в беспробудном сне, оглушённого и оцепенённого» человека, который «начинает верить в свои силы, мыслить, чувствовать» и двигаться «к добродетели»⁵⁶⁹. Главным угнетателем «свободы» представляли монархи и знать – «нелюди», «превратившие» человека «в скот» и «принуждающие» его «к безропотному

⁵⁶⁷ Grab W. Johann Heinrich Voß in der Französischen Revolution // Freiheit durch Aufklärung. Johann Heinrich Voß (1751–1826). Materialien einer Tagung der Stiftung Mecklenburg (Ratzeburg) und des Verbandes deutscher Schriftsteller (Landesbezirk Nord) in Lauenburg/Elbe. Hrsg. von Beutin W./Lüders K. Bern, 1995. S. 17-34; Langenfeld K. Reflexe der Französischen Revolution in den Gedichten von Johann Heinrich Voß // Johann Heinrich Voß. Kulturräume in Dichtung und Wirkung. Hrsg. von Rudolph A. Dettelbach, 1999. S. 113-142.

⁵⁶⁸ Grab W. Johann Heinrich Voß... S. 23.

⁵⁶⁹ Voss J.H. Hymnus der Freiheit // Voss J.H. Werke in einem Band. Berlin, 1966. S. 236.

подчинению»⁵⁷⁰. Когда-то «в опустошительных распрах древности» они «сковали народ цепями», «покорили» и «привязали его к себе», теперь, будучи «изнеженными потомками рыцарей», «закрепостивших за собой крестьян», они считаются «благородными и мудрыми» «от рождения» и «всё решают»⁵⁷¹. Однако на деле правители лишь «истязают своим тщеславным безумием» «разум и заслуги», «предаются роскоши» и «порождают долги и налоги», в дополнение к чему «рой расплодившихся придворных», «как бесполезное шмелиное отродье, отбирающее у пчёл их добычу», «растаскивает блага страны»⁵⁷².

Нарисованная выше картина фактически является кратким обзором основных положений, которых придерживается автор, сформулированных ещё в дореволюционный период его жизни и творчества. Опубликовано в период радикализации революции, оттолкнувшей большую часть немецкой общественности от её поддержки, стихотворение должно было продемонстрировать верность поэта провозглашённым ею принципам, созвучным с его собственными взглядами. На протяжении 1793-1795 гг. Фосс продолжает действовать в этом же ключе, публикуя целый ряд произведений, которыми переподтверждает и даже конкретизирует свои политико-социальные воззрения.

В программном стихотворении лета 1793 г. «Песнь немцев» Фосс выражает убеждённость в том, что «ночь духовного варварства», покрывшая «земли Германии», рассеется, и последняя приобретёт представлявшееся поэту справедливым устройство: «разум, когда-то побеждённый произволом», «потребует утверждения прав человека», «в сердце народа» «повсеместно» возникнет «чувство единения», «каждый указ» будет иметь «под собой основание и цель», «народный закон» будет «творить справедливость

⁵⁷⁰ Ibidem.

⁵⁷¹ Ibid. S. 237.

⁵⁷² Ibidem.

взвешенно и равно и для бедных, и для богатых», «лишь добродетель, не происхождение» будет «даровать достоинство», «должности и обязанности» будут «распределены по силам каждого», а «стремление к учению и выражение мнения больше не будут преследоваться»⁵⁷³. В стихотворении «Любовь к отечеству» автор утверждает, что «если любой, вне зависимости от происхождения, / может то развивать науки, то сеять хлеб», если «нет привилегий, освобождающих от обязанностей», если «заслуги, а не претензии «по праву», определяют звания», «то лучше быть бедняком», но в таком «своём отечестве», чем «пребывать в рабской роскоши», но «далеко в изгнании»⁵⁷⁴.

Представленный автором перечень характеристик оптимального на его взгляд устройства немецкого «отечества» оказывается существенно расширен в сравнении с выраженными в 1770-1780-е гг. положениями. В нём фактически присутствуют прежде не встречающиеся идеи верховенства закона, свободы слова, уточняются ранее фиксируемые идеи социального равенства как равенства перед законом и равенства возможностей.

Для Фосса представляется неприемлемой сложившаяся, по его мнению, практика препятствования самостоятельной деятельности человека на благо общества⁵⁷⁵: в изображении автора тот, «кто во весь голос не / подпевает совершаемым решениям» объявляется состоящим «в черном союзе, / иллюминатом», а если «предотвращает произвол и беззакония, / творимые гордыми свиньями / немедленно» обвиняется «в намерении убить князя и жителей». Для поэта становится актуальным мотив высвобождения человеческих сил из-под надзора внешних контролёров. Фосс восклицает⁵⁷⁶: «Дайте бедному человеку делать то, / что он хочет и может!» Автор подчёркивает, что если человек будет жить согласно «священным законам»,

⁵⁷³ Idem. *Gesang der Deutschen* // Ibid. S. 229-230.

⁵⁷⁴ Idem. *Vaterlandsliebe* // Ibid. S. 257.

⁵⁷⁵ Idem. *Die Anschwärzer* // Ibid. S. 269-270.

⁵⁷⁶ Idem. *Aufmunterung* // Ibid. S. 247.

т.е. непротиворечащим его природе, то освободившаяся от ненужных ограничений энергия будет направлена на благо общества, а не во вред ему, поскольку в своей основе «люди - не преступники»⁵⁷⁷. В этих положениях Фосса раздаются отголоски либерального позитивного взгляда на природу человека.

Изображение Фоссом принципов политического устройства общества также характеризуется сочетанием уточнения уже высказываемых идей с формулированием некоторых новых положений.

Поэт продолжает активно постулировать десакрализованное понимание природы власти монарха. Правители в его понимании «не явились с облаков, / в короне, со скипетром и мечом в руке», а «подобно народу» «были / рождены и вскормлены» на земле, они – «не подобны ангелам» и, хотя выглядят «словно божества», «не могут совершить ни одного даже малейшего чуда»⁵⁷⁸. Они «управляют империей» в качестве «защитников общего блага»: «корона, скипетр и меч» «были переданы» им «народом» «для приумножения» его «благополучия»⁵⁷⁹.

Последнюю мысль о том, что правитель является лишь исполнителем воли «народа» и находится в подчинённом к нему положении, Фосс повторяет многократно. Монархи «носят власть и силу народа, / взятую у него в долг» для того, «чтобы защищать закон и благо, / чтобы искоренять преступления, грабежи и обманы, / чтобы суд был справедливым»⁵⁸⁰. В «отечестве» они занимают «высший пост» - не более и не менее того, который, к тому же, был им «дарован» «голосом народа», поэтому они должны «отчитываться» перед ним. Равно как и «государство», «заботясь о

⁵⁷⁷ Ibidem.

⁵⁷⁸ Idem. Das Oberamt // Ibid. S. 265-266.

⁵⁷⁹ Ibidem.

⁵⁸⁰ Ibid. S. 266.

счастье свободного народа и защищая его против врагов и угнетателей», должно «давать ему отчёт»⁵⁸¹.

В стихотворении с показательным названием «Выборы короля» получает своё явное выражение ранее не фиксируемая у Фосса идея общественного договора между правителем и народом. В изображении поэта король приносит присягу («королевский пост» «обязывает» к ней) о том, что будет «верно соблюдать закон и право», «для богатых равно как и для бедных», а «крестьянин в державе» останется «хозяином своей земли, свободным и равным остальным», после чего ему, давшему «слово», «присягает» на верность «свободный» народ, «благо» которого отныне становится его «собственным» благом⁵⁸².

В неявном виде у Фосса проскальзывает и идея народного представительства. В своём «Гимне свободе» поэт призывает «властителя» «слушать знающих и добрых людей, которых народ посылает» ему «для совета»⁵⁸³, однако в дальнейшем не развивает эту мысль.

Подводя итоги рассмотрению реакция поэта на революционные события, необходимо констатировать следующее. Фосс не высказывал прямого отношения к конкретным событиям, он ограничился показательной демонстрацией и конкретизацией своих прежних воззрений, что в той ситуации показывало если не его поддержку, то, по меньшей мере, понимание революционного развития. Важно, что при этом он не давал критических комментариев на действия французов и их войск и одновременно не высказывался в «оборонительном» для немецкой стороны духе. Таким образом, национальный срез противостояния Фосс предпочёл в принципе не затрагивать. Для поэта, демонстрировавшего в дореволюционный период свой антифранцузский настрой, это означало то,

⁵⁸¹ Idem. *Gesang der Deutschen* // Ibid. S. 230.

⁵⁸² Idem. *Die Königswahl* // Ibid. S. 279.

⁵⁸³ Idem. *Hymnus der Freiheit* // Ibid. S. 238.

что политические принципы, разделявшиеся им, не стали жертвой его национальных воззрений, а в критической ситуации отчасти даже приобрели приоритет над ними.

Поэтический отклик Бюргера, так же как и в случае с Фоссом, на начальном этапе Французской революции (1789-1792) был очень сдержанным. Фактически единственное прямое свидетельство его отношения к происходящим событиям предоставляет стихотворение «Франки и французы», датированное исследователями августом 1791 г., в котором поэт воспроизводит тот же мотив, что и Клопшток, постулируя: поднявшиеся на борьбу за «свободу» во Франции «более не зовутся французами» - отныне они являются «благородными франками», «излечившимися от старых недугов»⁵⁸⁴. В полный голос поэтическая реакция Бюргера на революционные события начинает звучать лишь по ходу обострения ситуации в 1792 г.

После первоначальных поражений французской армии летом 1792 г. Бюргер пытается её устыдить, однозначно заявляя⁵⁸⁵: «Кто не может умереть за свободу, / тот кандалов достоин». Для поэта неумелые действия революционной армии предстают недостойными той высокой цели, за которую, по его мнению, она сражается. Ему «кажется постыдной» «болтовня» «французов», он требует от них доказать свою приверженность «свободе» делом⁵⁸⁶. «Не нужно говорить, что надо быть смелее, / нет, смелее действовать должны вы» - призывает поэт⁵⁸⁷.

Противостоящие французской армии коалиционные силы Бюргер считает порождением «ярости гордых угнетателей», которая «пулями из свинца и железа» «угрожает / свободе»⁵⁸⁸. Но он, по собственному

⁵⁸⁴ Bürger G.A. Franken und Franzosen // Bürger G.A. Sämtliche... S. 462.

⁵⁸⁵ Idem. Straflied beim schlechten Kriegsanfange der Gallier // Ibid. S. 388.

⁵⁸⁶ Ibidem.

⁵⁸⁷ Ibidem.

⁵⁸⁸ Idem. Der Freiheit droht mit Blei und Eisen // Ibid. S. 463.

утверждению, «с непоколебимым мужеством» продолжает «её восславлять», считая «свободу» «самым благородным достоинством» «из всех творений мудрецов»⁵⁸⁹.

Летом 1793 г. после удачного завершения коалиционной армией операции по возвращению занятого французами Майнца и ликвидации образованной в городе Майнцской республики Бюргер ещё раз подтверждает свою принципиальную позицию по поводу того, какая из противоборствующих сторон пользуется его поддержкой.

В представлении поэта своими действиями «немцы» ещё более усугубили своё «несвободное» положение. Бюргер иронически замечает, что, по-видимому, им «было недостаточно спокойно / нести» «своё рабское бремя», «в поте лица мучиться работой в поле», теперь они вдобавок ко всему решили «пролить свою кровь и отдать свои жизни»⁵⁹⁰. При этом в изображении поэта «немцы», поднявшиеся на борьбу с французской армией, оказались обманутыми относительно целей этой борьбы. Бюргер риторически вопрошает⁵⁹¹: «Ради кого, о немецкий народ, / ты облачился в доспехи? / Ради кого ты оставил / свой дом, жён и детей?» «Ради отродья князей и знати» - таким становится однозначный ответ поэта⁵⁹².

Последние в изображении Бюргера «гонят» «немцев» на войну, позиционируя её в качестве «сражения за отечество»⁵⁹³. По мнению поэта, это совершенно не соответствует действительности. «О народ, как долго ты будешь оставаться / слепым орудием в мошеннических играх? / Отечество – вы сами!» - подводит итог поэт⁵⁹⁴, тем самым ещё раз подтверждая радикальность своих политических взглядов и с горечью констатируя тот

⁵⁸⁹ Ibidem.

⁵⁹⁰ Idem. Für Wen, du gutes deutsches Volk // Ibid. S. 464.

⁵⁹¹ Ibidem.

⁵⁹² Ibidem.

⁵⁹³ Ibidem.

⁵⁹⁴ Ibidem.

факт, что подобные воззрения в своей массе оставались для «немцев» чуждыми. Бюргер также отмечает сложности в распространении данных представлений, жалуясь на усилившуюся в немецких печатных изданиях цензуру. Он утверждает⁵⁹⁵: то, «что благородный человек хочет написать, он часто написать не может, / а то, что писать предписывают и разрешают, / ни один благородный писать не захочет». Несмотря на такие преграды, поэт остаётся убеждённым в необходимости продолжать дело приближения эпохи «свободы». Тому, кто «желает себе свободы», но «злится» оттого, что «её нет под пятой деспотической власти», Бюргер даёт совет противопоставить чувству «боли» от её нехватки «упрямство» в деле её достижения⁵⁹⁶.

Оценка радикализации революции Бюргером, так же, как и в случае с Фоссом, позитивная в своей основе, была проявлена отличным от последнего способом. Поэт не стал вдаваться в подтверждение и уточнение своих теоретических политических выкладок, а обозначал свою позицию по отношению к конкретным событиям по ходу их совершения. При этом он затрагивал национальную проблематику, рассматривая которую вставал на сторону «французов», а не «немцев». В этом смысле Бюргер – единственный из всех поэтов дореволюционного времени, кто в своём идейном развитии максимально приблизился к идеологической платформе оформившегося в ходе революции течения немецких демократов⁵⁹⁷.

⁵⁹⁵ Idem. Entsagung der Politik // Ibid. S. 431.

⁵⁹⁶ Idem. Freiheit // Ibid. S. 431.

⁵⁹⁷ Grab W. Gottfried August Bürger als literarischer Wegbereiter und politische Weggefährte des deutschen Jakobinismus // Gottfried August Bürger. Beiträge der Tagung zu seinem 200. Todestag, vom 7. bis 9. Juni 1994 in Bad Segeberg. Hrsg. von Beutin W./Bütow T. Bern, 1994. S. 9-23.

§3. Формирование радикально-демократического направления в политической лирике немецких демократов

Политическая лирика немецких демократов была представлена значительным числом как анонимных поэтов, так и известных своими именами авторов⁵⁹⁸. Среди последних следует назвать Е. Шнейдера (1756-1794), Г. Зивекинга (1751-1799), Ф. А. Брёмбзена (1741-1797), Р. Сутера (1766-1827), Ф. Лене (1771-1836), Г. Шаллера (1762-1831). Все они по своему социальному происхождению принадлежали к слою «образованного бюргерства». Г. Шаллер и Ф. А. Брёмбзен были теологами, Р. Сутер – врачом, некоторые же непосредственно занимались политической деятельностью: Ф. Лене являлся членом Майнцкого якобинского клуба и принимал участие в деятельности провозглашённой в 1793 году Майнской республики, Е. Шнейдер прошёл несколько ступеней революционной «карьерной лестницы» в Страсбурге, пав жертвой якобинского террора, будучи самым при этом одним из его местных организаторов. Распределение географической принадлежности авторов подтверждает устоявшееся представление о нескольких региональных центрах активности немецких демократов: в Рейнской области (Ф. Лене, Е. Шнейдер), в южнонемецких землях (Г. Шаллер в Баварии, Р. Сутер), и в вольных городах севера Германии (Г. Зивекинг из Гамбурга, Ф. А. Брёмбзен из Любека)⁵⁹⁹.

В ходе анализа политической лирики немецких демократов представляется важным выяснить их представления о принципах идеального общественного устройства, отношение к социально-политическому устройству современных государств, оценку происходящих во Франции революционных событий, а также понимание категории «национального».

⁵⁹⁸ Stephan I. Literarischer Jakobinismus in Deutschland 1789-1806. Stuttgart, 1976. S. 170-175.

⁵⁹⁹ См. прим. 7 и 8.

3.1. Основополагающие политические принципы

«Позитивная программа» немецких демократов, характеризующая их видение наилучшего общественного устройства, содержала в себе многие принципы, сформулированные авторами круга «Союза роши» в дореволюционные годы, однако формулировала их в более отчётливом и радикальном виде.

Основополагающей категорией в политической лирике немецких демократов является категория «свободы». Её смысл, однако, выходит далеко за рамки политического значения, подтверждая тезис о том, что любая идеология в своём ядре содержит особое видение мира и человека в целом, на которое в дальнейшем «накладываются» остальные, «прикладные» функции.

«Свобода» в политической лирике немецких демократов носит, прежде всего, трансцендентный характер. Она «спустилась с небосвода / в наш мир / и своим божественным сиянием / осветила земные просторы»⁶⁰⁰, будучи, таким образом, дарована свыше Богом, который «осчастливил» ею человечество⁶⁰¹. Свобода имеет морализирующий эффект: «делает жизнь счастливой»⁶⁰², «пробуждает добрые чувства / в любом сердце»⁶⁰³ и «оздоравливает немощных духом»⁶⁰⁴. Фактически, именно свобода делает человека человеком, представая сутью «спустившейся с Олимпа» вместе с ней «человечности»⁶⁰⁵.

Данное мировоззренческое понимание категории «свобода» имеет, впрочем, вполне конкретное политическое содержание.

⁶⁰⁰ Suter R. Freiheitslied // Die Geißel. November 1798, S. 167.

⁶⁰¹ Schaller G. J. Fluch der Tyrannei // Schaller G. J. Gesänge... S. 31.

⁶⁰² Schaller G. J. Triumph der Franken // Der Patriot. Dezember 1792. S. 3.

⁶⁰³ Josephe. An mein Vaterland // Das neue graue Ungeheuer. 6. Stück. 1796. S. 51.

⁶⁰⁴ Lehne F. Waffenruf an die deutschen Bürger // Freiheitsgedichte... 1 Bd. S. 216.

⁶⁰⁵ Gülich L. A. Der Menschheit Erwachen // Der neue Mensch. 1. Bd. S. 277.

Свобода человека на практике означает факт обладания им набором прав, гарантирующих ему реализацию самого себя как личности. Эти «права, которые [человечеству] как [сообществу] свободных людей / даровала природа», неотчуждаемы, их «не отнимет [у него] своими грабительскими когтями / ни один деспотический князь, ни светский, ни духовный»⁶⁰⁶. В практической плоскости подобные декларации означают наличие у человека возможности определять устройство своей собственной и общественной жизни. В качестве способа осуществления этой возможности утверждается необходимость обязательного участия человека в выработке законов – главных регулировщиков деятельности общества. Утверждается, что законы должны «проистекать лишь / из одного единственно верного источника – природы, / а не от деспотического произвола»⁶⁰⁷. Создание законов непосредственно сообществом граждан выступает в качестве главного критерия их «естественности»⁶⁰⁸: «Мы сами, мы создаём законы, / ведь кто [ещё] лучше знает, что принесёт нам больше пользы». Только такие «естественные» законы «будут исполняться без принуждения»⁶⁰⁹.

Подчинение исключительно законам, принятым должным образом, составляет зримое осуществление человеческой свободы: «Высочайшая свобода есть... / уважение к закону»⁶¹⁰. Реализация человеческой свободы, таким образом, не имеет ничего общего со вседозволенностью. Фридрих Лене восклицает⁶¹¹: «Я свободный человек! – / лишь законов подданный; / [течению моей жизни] не мешает ни один князь, ни один княжеский прислужник». Последний пассаж показывает, что верховенство законов –

⁶⁰⁶ Anonym. National-, Sieges- und Freiheitsgesang der neugeborenen Republik der Franken // Poetische Sammlungen... S. 172.

⁶⁰⁷ Anonym. An Frankreich // Der Patriot. November, 1792, S. 1.

⁶⁰⁸ Lehne F. Lied freier Landleute // Lehne F. Versuche... S. 24.

⁶⁰⁹ Anonym. An Frankreich // Der Patriot. November, 1792, S. 1.

⁶¹⁰ Ibidem.

⁶¹¹ Lehne F. Freiheits-Lied // Sammlung verschiedener Gedichte... S. 64.

ещё и средство защиты от злоупотреблений своими прерогативами со стороны властей: когда все «подчиняются только закону», «ни один княжеский слуга не может [никого] обидеть»⁶¹². Фактически, верховенство законов делает возможным реализацию другого важного для немецких демократов принципа – «равенства» («Gleichheit»).

Равенство предстаёт в политической лирике в качестве такой же изначально присущей устройству человечества характеристики, как и свобода. Так же как и последняя, оно несёт на себе оттенок сакральности, поскольку мыслится свойством общества в его первоначальном состоянии и дарована Богом: «[Бог] заселил поля, / создал существ, подобных Ему, / велики и благородны были Его дела. / [Люди] любили друг друга, как братья, / равенство было их связующей нитью... / Золотое время, вернись / и вновь скрепи [их ею]»⁶¹³.

Последняя отсылка к «золотому времени» показывает, что на практике возможность реализации заявленных принципов (быть свободным, подчиняться выработанным сообществом законам, гарантирующим дарованные природой неотъемлемые права и обеспечивающим равенство членам человеческого сообщества) «доказывалась» немецкими демократами особым видением исторического процесса, предполагавшем наличие в прошлом «золотого века», в котором данные принципы уже были осуществлены.

«Чем был человек?» - задаётся вопросом Готфрид Шаллер и отвечает на него кратко и ёмко: «Венцом творения, [которому] было достаточно самого себя». Человеку «принадлежала земля, / которая в достатке его питала. / Она сполна дарила ему радость [бытия] / и... ничто не нарушало его спокойный мир»⁶¹⁴.

⁶¹² Lehne F. Lied freier Landleute // Lehne F. Versuche... S. 24.

⁶¹³ Anonym. Hohes Lied von der Gleichheit // Der neue Mensch. 1. Band. 24. Stück. 1796. S. 369.

⁶¹⁴ Schaller G. J. Fluch der Tyrannei // Schaller G. J. Gesänge... S. 31.

Однако такое идиллическое состояние общества вскоре претерпело кардинальные изменения, вызвавшие полный отход от соблюдения вышеизложенных принципов. Данные изменения были вызваны появлением института монархии.

На вопрос, как возникла монархия, анонимный автор постулировал, что «в начале времён первый король был / выбран народом из его числа» и должен был и впредь оставаться «лишь [его] вассалом»⁶¹⁵. Правитель и народ стали иметь по отношению друг к другу взаимные обязательства, которые в обращении от имени народа к правителю выражались следующим образом⁶¹⁶: «Наши права... / ты должен оставлять в целости, / мы же гарантируем твои права, / но если наши права будут попраны, / то ты нам больше ни на что не согласишься / и будешь смещен».

Своей трактовкой ролей правителя и народа анонимный автор не оставляет шансов представлениям о сакральном характере власти монарха, черпающем свою легитимность не в воле подвластного ему населения, а в статусе наместника и проводника воли Бога на земле. В ситуации подчинения власти правителя суверенитету народа монархия как форма правления становится чрезвычайно уязвима для критики. Ей вменяется в вину нарушение условий общественного договора: «Королевский титул / стал высшей целью сам по себе», в результате чего «возникла деспотия, / могильщик свободы», а «права народа... пали»⁶¹⁷. Наступили «темные времена», когда «деспотизм лёг тяжким грузом на всю Европу», при этом вместе с потерей «свободы», люди лишились и собственно «человечности»⁶¹⁸. «Чем стал [человек] под пятой господина? / Потеряв

⁶¹⁵ Anonym. Freie Übersetzung eines französischen Freiheitsliedes // Niedersächsischer Merkur. 2. Bändchen, 3. Stück. 1792. S. 33.

⁶¹⁶ Ibidem.

⁶¹⁷ Ibidem.

⁶¹⁸ Anonym. Freiheitslied // Lieder der Freiheit gewidmet... S. 99.

человеческий облик, он превратился в животное!»⁶¹⁹ - таково мнение Шаллера.

Равенство как принцип организации человеческих сообществ также исчезло, пав жертвой дифференциации по сословному признаку, вызванной также появлением института монархии⁶²⁰: «Князя окружили себя бездельниками / и сделали их аристократами, / а подданных – рабами».

Возникшей таким образом знати отказывалось в претензии на обладание особыми качествами, возвышающими её над остальным населением. Утверждалось, что быть «благородным» по рождению нельзя⁶²¹: «Чистым безумием является / гордый самообман, / что что-то, сделанное в прошлом предком, / может наследоваться его сыном и внуком, / будто отчий дом». Поэтому «дворянская гордость есть не более чем шутовская проделка»⁶²², а демонстрирующий её внешний антураж – «фарс / с орденами, звёздами и лентами» - лишь выдают в их владельце «заносчивого идиота»⁶²³.

Подчёркивалось, что для «благородства» нет социальных границ, эта категория не сословная, а общечеловеческая, и в её основе лежит обладание «добродетелью»: «Добродетель одна... облагораживает, / всё остальное ложь, обман и пыль»⁶²⁴, «лишь добродетельный / достоин уважения»⁶²⁵. Современная знать, в свою очередь, ею не отличается⁶²⁶: «Так было раньше и будет впредь – / при высоком дворе добродетели нет». В политической лирике немецких демократов дворянство предстаёт для населения главным

⁶¹⁹ Ibidem.

⁶²⁰ Anonym. Freie Übersetzung eines französischen Freiheitsliedes // Niedersächsischer Merkur. 2. Bändchen, 3. Stück. 1792, S. 33.

⁶²¹ Anonym. National-, Sieges- und Freiheitsgesang... // Poetische Sammlungen... S. 172.

⁶²² Anonym. Die Menschen sind nicht alle gleich... // Gedichte und Lieder... S. 63.

⁶²³ Anonym. National-, Sieges- und Freiheitsgesang... // Poetische Sammlungen... S. 172.

⁶²⁴ Ibidem.

⁶²⁵ Anonym. Die Menschen sind nicht alle gleich... // Gedichte und Lieder... S. 63.

⁶²⁶ Ibid. S. 64.

источником его невзгод⁶²⁷: «Ни мыши и ни крысы, / лишь благородные аристократы / делают ... / земли и людей бедными». Между неудовлетворительным положением низких сословий и благополучием высших проводится прямая причинно-следственная связь⁶²⁸: «Крестьянин, почему ты так беден и голоден, / так худ и убог, - / господская опера, комедия, бал, / вот кто в этом виновен». Вывод из всей этой ситуации делается достаточно простой⁶²⁹: «Если бы на земле не было дворян, / то она бы вскоре стала лучше».

Таким образом, появление института монархии и тесно связанного с ним сословного расслоения в представлении немецких демократов до неузнаваемости изменили первоначальное «естественное» состояние общества, принципы устройства которого – «свобода», «равенство», «законность» – оказались попорчены и забыты.

3.2. Трактовка революционных событий

Немецкие демократы непосредственным образом комментировали и интерпретировали происходящие во Франции революционные события исходя из своих воззрений.

Они рассматривались ими в качестве начала «возвращения» общества к своим «первоначальным» устоям. Евлогий Шнейдер писал, что вместе с падением Бастилии 14 июля 1789 года «пали [и] цепи деспотизма»⁶³⁰, причём это «освобождение» произошло «не росчерком пера», а «от руки народа»⁶³¹, т.е. не благодаря французской монархии в лице Людовика XVI, (что, в

⁶²⁷ Ibid. S. 65.

⁶²⁸ Ibidem.

⁶²⁹ Ibidem.

⁶³⁰ Schneider E. Auf die Zerstörung der Bastille // Schneider E. Gedichte... S. 245.

⁶³¹ Sieveking G. H. Freie Deutsche, singt die Stunde... // Gedichte und Lieder... S. 8.

частности, подчёркивали такие умеренные сторонники французской революции, как Ф.Г. Клопшток), а исключительно вопреки ей. С революцией во Францию – туда, «где под ненавистным гнётом / тиранов, никогда не являвшихся / по-настоящему людьми, невинные люди / напрасно [много лет] взывали к справедливости» – вернулась «свобода», а вместе с ней, «подобно / урагану, взбушевавшему ровную морскую гладь, / подняла свой голос умолкнувшая человечность / и положила предел произволу»⁶³².

В этой связи становится необходимым выяснить, каким образом в политической лирике немецких демократов интерпретировалось возвращение «свободы» во Франции в практическом – политическом и социальном – плане.

В отношении института монархии в части стихотворений ещё присутствует представление о возможности исполнения правителем своей части общественного договора и реализации населением своих «прав» в условиях монархического устройства государства⁶³³: «Если князь делает свою страну счастливой, / если не терпит толпы льстецов, / которые окружают трон, / если смотрит на заслуги, / когда говорит от имени отечества, / да здравствует он!». В обратном же случае у народа есть все права «отозвать» «плохого» монарха⁶³⁴: «Князь, не щадящий / кровь бюргера / и похищающий его добро, – / вон, он не достоин трона, / нужно забрать у него корону / и растоптать в прах».

Однако господствующей позицией в данном вопросе стало радикальное представление о принципиальном отсутствии в монархии пользы, поскольку никакой общественный договор не способен гарантировать со стороны монархической власти права и свободы противоположной стороны договора – населения. Утверждается, что

⁶³² Anonym. Bei Frankreichs Feier den 14. Juli 1790 // Gedichte und Lieder... S. 11.

⁶³³ Anonym. Deutsches Freiheitslied // Neuer Niedersächsischer Merkur. 1. Heft. Altona, 1797. S. 122.

⁶³⁴ Ibidem.

правитель всегда «ненасытен»⁶³⁵: «Когда уже миллионы людей находятся у него под гнётом, / ему ещё нужен миллион». Существование династического принципа ещё более усугубляет ситуацию, поскольку из-за него на трон «приходят правители / без разума, мудрости и таланта»⁶³⁶. Страна, таким образом, считается теперь «свободной» исключительно в случае, когда «в ней нет ни князей, ни графов, ни баронов»⁶³⁷, т.е. не является монархией, а общественный договор рассматривается как заведомо невыполнимый: в своё время монархов «короновали по невежеству»⁶³⁸, т.е. ошибочно.

Принимая во внимание данные положения, неудивительно, что немецкие демократы нашли для себя аргументы в пользу казни французского короля Людовика XVI 21 января 1793 года, вопреки осуждающей реакции большинства прежних немецких сторонников революции. Более того, именно положительное отношение к этому событию сыграло формообразующую роль в идейном становлении самих немецких демократов как особой части немецкого политического спектра и в восприятии их таковыми со стороны остальной немецкой общественности.

На страницах радикальных политических журналов король назывался не иначе как «предателем народа»⁶³⁹, который «покаялся [ему] на верность, / [но] сразу же [эту клятву] нарушил»⁶⁴⁰. Согласно данной точке зрения произошедшее являлось не убийством, а решением «высокого Совета нации»⁶⁴¹ о виновности монарха, в том числе в преступлениях, приведших к

⁶³⁵ Anonym. Die Menschen sind nicht alle gleich... // Gedichte und Lieder... S. 64.

⁶³⁶ Ibidem.

⁶³⁷ Ibidem.

⁶³⁸ Anonym. Hohes Lied von der Gleichheit // Der neue Mensch. 1. Band. 24. Stück. 1796. S. 369.

⁶³⁹ Schneider E. Es sterbe der Tyrann... // Argos. 29. Januar 1793. S. 8.

⁶⁴⁰ Streitenfeld F. H. Eipeldauerlied // Gedichte und Lieder... S. 127.

⁶⁴¹ Schneider E. Es sterbe der Tyrann... // Argos. 29. Januar 1793. S. 64.

смерти его собственных подданных, «а за кровь должна пролиться кровь»⁶⁴². К этому добавлялся также аргумент от противного: казнь короля не была необычным происшествием в принципе, поскольку таких прецедентов в истории имелось уже достаточно, они совершались самими правителями по отношению друг к другу и не из благородных интересов народа, как в случае с Людовиком XVI, а из собственных корыстных побуждений. Интересно, что в качестве подобного случая один из лидеров венских демократов Франц фон Штрейтенфельд приводит пример из русской истории – приход к власти Екатерины II⁶⁴³: «Только посмотрите на русскую Екатерину, / которая сейчас изображает себя святой, / разве она не свергла и / зверски не убила своего мужа, императора?»

Казнь монарха, таким образом, являлась полностью оправданной: вместе с ней было символически покончено с монархической властью в целом, что означало, в свою очередь, долгожданное возвращение «свободы». Наряду с этим, революция должна была также ликвидировать и несправедливое сословное разделение, тем самым восстановив другой основополагающий для немецких демократов принцип «равенства».

Если до произошедших событий во Франции «знать и духовенство ... терзали / спины горожан и крестьян», то после них этого «больше нет»⁶⁴⁴. Провозглашалось, что отныне критерием определения «лучших» людей является наличие у человека действительных достижений перед остальными⁶⁴⁵: «Только тот благороден, / кто, неважно, в пурпуре ли или в крестьянской накидке, / имеет за собой заслуги». Аристократы по рождению должны были быть заменены «аристократами духа», которые бы «гармонично объединяли в себе / разум, вкус и глубокие знания, / а в счастье

⁶⁴² Streitenfeld F. H. Eipeldauerlied // Gedichte und Lieder... S. 127.

⁶⁴³ Ibidem.

⁶⁴⁴ Anonym. Trinklied für Bruder der Franken // Lieder der Freiheit gewidmet... S. 78.

⁶⁴⁵ Josephe. An mein Vaterland // Das neue graue Ungeheuer. 6. Stück. 1796. S. 51.

государства видели своё собственное»⁶⁴⁶. В то же время подчёркивалось, что даже в такой системе «справедливого распределения» социальных статусов «положение ... не должно / защищать виновного от наказания»⁶⁴⁷, т.е. утверждалось восстановление принципа равенства всех перед законом. В случае если кто-либо «проявит заслуги на благо народа, / его с благодарностью увенчают дубовым венком», но если он же совершит преступление, то «государство безжалостно его покарает, будь он даже его министром»⁶⁴⁸.

Таким образом, по мнению немецких демократов, во Франции вследствие революции произошла смена политического и социального устройства. Страна обрела новое состояние, основывающееся на воплощённых в жизнь «восстановленных» принципах «свободы» и «равенства».

3.3. Специфика национальных воззрений

В одном из анонимных стихотворений состояние, которое обрели французы в ходе революции, описывается так⁶⁴⁹: «Не склоняйся, о Франция, как прежде, / ни перед одним всевластным правителем. / Слишком долго, как учит история, / монархия разоряла государство! / Попробуй быть теперь одной, без королей, / лишь в самой себе великой нацией!»

«Нация» – именно так в лирике немецких демократов обозначалась «новая» Франция. Связка – «быть нацией» значит быть «без королей» – означала невозможность человеческого сообщества реализовать себя как «нацию», находясь под «внешним», с точки зрения немецких демократов,

⁶⁴⁶ Schaller G. J. Triumph der Franken // Der Patriot. Dezember 1792. S. 3.

⁶⁴⁷ Ibidem.

⁶⁴⁸ Ibidem.

⁶⁴⁹ Anonym. An Frankreich // Der Patriot. November, 1792, S. 1.

управлением со стороны монархической власти⁶⁵⁰. Становление «народа» в качестве «нации» понималось как воплощение в жизнь вышеупомянутых абстрактных принципов общества «первых времен», до появления власти правителя и социального расслоения⁶⁵¹: «Великие нации присягают / свободе, равенству и человеческим правам, / чтобы услышали все в мире – / никогда больше не бывать никому ни господином, ни рабом». Именно «присяга нации ради её счастья», «законам, созданным самими людьми»⁶⁵², служит символической скрепой для людей, для которых ранее подобным объединяющим элементом была клятва верности фигуре монарха в качестве его подданных.

Франция, исходя из данных представлений, благодаря революции стала «нацией» и вступила в новый этап своего развития. Однако произошедшие в ней перемены, по мысли немецких демократов, имели значение для всего человечества в силу универсального характера «возрождённых» в стране принципов. Утверждалось, что несмотря на то что пока «в Риме, Лондоне, Берлине, / в Вене, Мадриде и Турине / [ещё] сидят упрямые деспоты», вскоре «от Парижа до японских берегов, / от кафров до лапландцев, / победит свобода»⁶⁵³. Представленные в приведённом списке центры «мирового деспотизма», в том числе столицы крупнейших германских государств Пруссии и монархии Габсбургов, должны были «пасть» перед ценностями и нормами общественного устройства, порождёнными революцией, причём не только в силу происходящих в этих странах внутренних процессов развития и «универсальности» самих ценностей, но и при содействии со стороны «нации», уже ими овладевшей. Учитывая уже существовавшую к тому

⁶⁵⁰ См. о подобных идеях у видного немецкого публициста-демократа К. Кноблауха (1756-1794): Гулыга А.В. Немецкое якобинство... С. 135.

⁶⁵¹ Melsheimer L. F. Gesang für das Fest des 1. Vendemiaire 7 // Gedichte und Lieder... S. 147-148.

⁶⁵² Anonym. Schwur der Vereinigten // Liederlese für Republikaner... S. 26.

⁶⁵³ Lehne F. Die Reisen der roten Kappe // Lehne F. Versuche... S. 40.

времени в немецкой национальной идее антифранцузскую направленность, обращает на себя внимание тот факт, что подобные панегирические оценки в адрес Франции раздавались из уст *немецких* авторов.

Это обстоятельство требует подробнее рассмотреть с «национальных» позиций восприятие в политической лирике немецких демократов как французов, начавших свой путь к «свободе», так и немцев, так или иначе на данное движение среагировавших.

Первым событием, предоставляющим материал для соответствовавшего анализа, явилась кампания 1792 года войны первой антифранцузской коалиции. В политической лирике немецких демократов этого периода бросается в глаза их своеобразная оценка места и роли немцев и французов в этой борьбе. Немцы, составляющие костяк армии коалиции в силу основной роли в ней ведущих немецких государств – монархии Габсбургов и Пруссии, описываются в одновременно снисходительной и критической манере. Так, они предстают «смелыми людьми, / которые могут победить героев Франции, / что [уже] не раз доказывали», и «ради счастья отечества [даже] / погибнуть в сражении»⁶⁵⁴. Но в то же время у немца, «когда он сражается как раб, / [когда] свобода встречается с ним лицом к лицу», «пропадает мужество»⁶⁵⁵. У него нет возможности победить в этой войне потому, что его противники в ней – не «старые французы, / как во времена Росбаха»⁶⁵⁶, а «совершенно другие воины»⁶⁵⁷. В такой ситуации немца «ничто не спасёт от разгрома», поэтому ему «остаётся лишь бежать или умереть»⁶⁵⁸.

⁶⁵⁴ Brömsen F. A. Volkslied // Niedersächsischer Merkur. 3. Bändchen. 7. Stück. 1792. S. 97.

⁶⁵⁵ Ibidem.

⁶⁵⁶ Сражение при Росбахе – сражение Семилетней войны (5 ноября 1757 года), в ходе которого прусские войска под командованием Фридриха Великого полностью разгромили двукратно превышающую их силы объединённую франко-имперскую армию.

⁶⁵⁷ Brömsen F. A. Volkslied... // Niedersächsischer Merkur. 3. Bändchen. 7. Stück. 1792. S. 97.

⁶⁵⁸ Ibidem.

Причина этого в том кардинальном различии, которое образовалось между французами и немцами с начала революции. Французы, бывшие «в правление Помпадур» «рабами» и управлявшиеся «тиранами», «освободили» себя от них и стали «свободной нацией»⁶⁵⁹. Для немцев же «свобода [до сих пор] нова»⁶⁶⁰. В стихотворениях настойчиво проводится мысль о том, что ведущаяся со стороны германских государств война несправедлива и чужда интересам немцев, сражающихся «исключительно ради тщеславной злобы [своих] князей»⁶⁶¹.

В программном стихотворении «Слепые люди» воюющие с немецкой стороны простые солдаты обвинялись в том, что они «приносят себя в жертву тиранам» и «добровольно загоняют себя и свой героический нрав под пяту рабства». Им «всем заморочили голову» / и ни один из них не свободен»⁶⁶².

В такой ситуации единственным положительным итогом этой военной кампании для немцев могло стать их более близкое знакомство с французами как таковыми, в результате которого они бы осознали, каковы истинные цели войны и кто же является их подлинным врагом⁶⁶³: «Франк предоставит ему правду, / которую он воспримет быстрее всех в мире». В то время как многие представители немецкой общественности увидели в оккупации французскими войсками левого берега Рейна в 1792-1793 гг. прямое подтверждение представлениям об исконной «национальной» несовместимости двух народов, приводящей к борьбе между ними, немецкие демократы посчитали французское наступление счастливым шансом для немцев изменить существующие в германских государствах порядки. Фридрих Лене призывал жителей левобережья Рейна «разделить вместе с

⁶⁵⁹ Anonym. Freiheitslied // Lieder der Freiheit gewidmet... S. 99.

⁶⁶⁰ Brömbesen F. A. Volkslied... // Niedersächsischer Merkur. 3. Bändchen. 7. Stück. 1792. S. 97.

⁶⁶¹ Ibidem.

⁶⁶² Anonym. Die blinden Menschen // Die Geißel. 1. Heft. 1797. S. 90.

⁶⁶³ Brömbesen F. A. Volkslied... // Niedersächsischer Merkur. 3. Bändchen. 7. Stück. 1792. S. 97.

франками / ими созданное благо»⁶⁶⁴ и начать сражаться вместе с ними против собственных правителей. Поэт пытается пристыдить немцев за пассивность в этом деле и, обращаясь к ним, восклицает⁶⁶⁵: «За вас сражается рука франка, / а вы сами чураетесь меча? / Неужели ваша благословенная страна не стоит спасения от ваших рук?»

Провозглашение в марте 1793 года Майнцской республики вызвало у немецких демократов из всех германских регионов бурю ликования, нашедшую своё выражение в создании огромного количества воспевающих её стихотворений. Вместе с этим событием «Кюстин⁶⁶⁶ / научил всех [немцев], свободных и равных, / как сметать тиранов»⁶⁶⁷. Майнц – «первый свободный город Германии» – мыслился им как предвестник скорого «освобождения» и остальных немецких земель. Несмотря на то что на немцах «ещё звенят оковы / гнёта и тирании / и мало кто в немецком отечестве / свободен от заблуждений и кабалы», выражалось убеждение, что они и дальше пойдут, «опьянённые божественным напитком [свободы], / по пути франков» подобно тому как «малая искра разгорается до [размеров] солнца»⁶⁶⁸.

Между уже ставшими «нацией» французами и немцами, которым, в случае успеха их борьбы за «свободу» также предстоит стать «нацией», не может быть противоречий, поскольку между «нациями» они не возможны в принципе, их общий враг – монархизм. «Свободный франк», как утверждается в одном анонимном стихотворении, «не воюет против сынов

⁶⁶⁴ Lehne F. Waffnenruf an die deutschen Bürger // *Freiheitsgedichte...* 1 Bd. S. 216.

⁶⁶⁵ Ibidem.

⁶⁶⁶ Кюстин, Адам Филипп (1740-1793) – французский генерал, в 1792-1793 гг. руководивший наступлением французской революционной армии в немецкие земли.

⁶⁶⁷ Schneider E. *Freiheitslied für die lieben Mainzer* // *Gedichte und Lieder...* S. 52.

⁶⁶⁸ Anonym. *Lied für Geweihte. Verfasst als die koalisierte Heere aus der Champagne flohen* // *Die Schildwache*. 2. Stück. 1796. S. 19.

Туискона»⁶⁶⁹. Чем дальше «свобода» будет продолжать своё победоносное шествие и чем больше стран и народов будут становиться «нациями», тем быстрее человечество будет приближаться к состоянию «вечного мира». Потенциал конфликтов будет уменьшаться, поскольку «по мере завоевания новых земель, / свобода распространяет дух любви, / ведь, где бы ни жили свободные люди, / они любят всех свободных людей других наций»⁶⁷⁰. В итоге это приведёт к тому, что «все нации / в странах близких и далёких / станут одной братской нацией»⁶⁷¹.

Таким образом, особое понимание «нации» как человеческого сообщества, в основу устройства которого заложены особым образом понимаемые принципы «свободы» и «равенства», приводило к признанию несущественности различий между отдельными народами в силу культурно-исторических особенностей каждого из них. Немцы в такой ситуации не рассматривались превосходящими и противостоящими французам, что было одним из наиболее характерных элементов немецкой национальной идеи, но должны были благодаря им стать «нацией». «Мир свободным нациям! / Война скипетрам и коронам!»⁶⁷² - таково было сконцентрированное до лозунга выражение сути вышеизложенных представлений.

Подводя итог анализу немецкой политической лирики 1790-х гг., следует выделить два периода в её развитии, ключевым моментом для разграничения которых служит процесс радикализации Французской революции в 1792-1793 гг.

⁶⁶⁹ Anonym. Täglicher Gesang der Franken // Freiheitsgedichte. 1. Band. S. 214.

⁶⁷⁰ Schaller G. J. Triumph der Franken // Der Patriot. Dezember 1792. S. 3.

⁶⁷¹ Ibidem.

⁶⁷² Anonym. Republikanischer Bruderkuss im ersten Jahre der deutschen Freiheit // Gedichte und Lieder... S. 136.

На своём первом этапе Французская революция была воспринята немецкими авторами в качестве практического воплощения сформулированных ими в дореволюционные годы политических принципов: Клопшток приветствовал революцию исходя из собственных идеализированных представлений о достижении во Франции состояния взаимопонимания «правителя» и «народа», поэты круга «Союза рощи» увидели в ней реализацию своих свободолобивых политических ожиданий. При этом показательным является тот факт, что антифранцузские предубеждения, заложенные в разделяемую всеми ими национальную культурно-историческую матрицу, не оказались для них непреодолимыми и были, с целью сохранения «немецкого» лица, соответствующим образом перетрактованы.

Однако радикализация революции 1792-1793 гг. для рассмотренных авторов явилась сильнейшим идеологическим ударом, ставшим своеобразной проверкой на прочность, с одной стороны, верности их толкований первоначального этапа революции, а с другой, правильности их политических убеждений в принципе.

В случае с Клопштоком прежняя позитивная оценка революционных событий сменилась публичными раскаяниями в собственных заблуждениях. Фр. Штольберг, до революции призывавший ниспровергать «тиранов» ради «свободы» «отечества», ужаснулся осуществлению этого сценария в его французском варианте. Для обоих авторов окончательным моментом истины в выработке своего отношения к происходящим событиям стало начало военного противостояния между французской армией и коалиционными войсками немецких государств: с тех пор первостепенную роль для поэтов стал играть национальный фактор.

Напротив, такие бывшие единомышленники Штольберга, как Фосс и Бюргер, выдержали испытание 1792-1793 гг. и остались верны своим дореволюционным протолиберальным убеждениям, приверженность которым оказалась достаточно сильной, чтобы не поддаться национальному

чувству. Избранной Фоссом стратегией поэтической реакции на происходящие события стали подтверждение и конкретизация прежде выработанной политической позиции. Реакция Бюргера была радикальней и заключалась в открытом признании неправоты «немцев» в войне с французами. В этом смысле он наиболее близко подошёл по своим идейным позициям к немецким демократам – идейно-политическому движению, порождённому самим процессом радикализации революции.

Следуя многим принципам, сформулированным авторами круга «Союза роши» в дореволюционные годы, немецкие демократы формулировали их в более отчётливом виде и дополняли их на порядок более смелыми положениями. Точкой отсчёта для них так же, как и для их идейных предшественников, служила ценность «свободы», однако они ставили вопрос о тесной её связи с понятиями «прав человека» и «законности», на качественно новом уровне наполняя категорию конкретным политико-прикладным значением. Немецкие демократы в нормативном порядке оперировали категорией «равенство», фактически приравнивая её по своей важности к ценности «свобода»: в текстах авторов «Союза роши» представления о социальном равенстве, естественно, присутствовали и обладали значительной смысловой нагрузкой, однако не были выражены в столь явном виде, о чём, помимо прочего, свидетельствует тот факт, что сам термин «равенство» ни в их дореволюционной поэзии, ни в лирике революционного периода не присутствует.

Немецкие демократы были единственными, кто открыто провозглашал своё понимание революционных событий во Франции в качестве окончания долгого исторического этапа монархического господства, несправедливого социального расслоения и попрания человеческих прав и свобод и начала нового «золотого века», повторяющего в своих основных характеристиках «идеальное» состояние начала времён с торжеством идеалов «свободы», «равенства» и воплощением самой «человечности».

Интерпретация немецкими демократами Французской революции как процесса становления «нации» на фоне воззрений остальных авторов представляется уникальной. Само широкое использование данного термина в немецкой политической лирике являлось новшеством: ни Клопшток, ни «гёттингенцы» его не использовали. Этот факт отражает специфику понимания немецкими демократами «нации» как гражданского объединения, воплощающего в жизнь вышеупомянутые универсальные принципы общественного устройства. Если у Клопштока культурно-исторический компонент категории «национального» был доминирующим, поэтам круга «Союза рощи» представлялся необходимым, но недостаточным и дополнялся компонентом политическим, то у немецких демократов он оказывался основополагающим, что ярко доказала их открытая поддержка действий французской армии против объединённых немецких войск в ходе революционных войн.

Таким образом, анализ немецкой политической лирики 1790-х гг. показывает поляризацию общественного дискурса того времени по рассмотренным выше национально-политическим идейным линиям.

Заключение

В заключение необходимо, прежде всего, констатировать подтверждённую выполненным в работе анализом высокую степень информативности материала немецкой политической лирики последней трети XVIII века для исследования немецкой общественно-политической мысли и его принципиальную значимость для её изучения в соответствующий период времени.

Многообразие рассматриваемых в ней общественно значимых проблем и подходов к их решению тематически сводится в два магистральных тесно связанных друг с другом идейных комплекса. С одной стороны, это попытки осмысления происходящих в германских государствах и вокруг них событий в рамках национальной перспективы. С другой, это изучение и оценка политического и социального устройства немецкого общества с указанием возможностей для их улучшения. Эти два круга вопросов на уровне категорий можно обозначить с помощью наиболее обобщающих из них понятий «отечества» и «свободы», вокруг рассмотрения которых в широком смысле концентрировался весь комплекс национальных и политических размышлений проанализированных авторов. Осознание категорий «отечества» и «свободы» и их соотношение друг с другом являлись классическими проблемами немецкой общественной мысли, во всей своей полноте раскрывшимися в ходе её развития в XIX в., но, как показывают результаты настоящей работы, структурно и сюжетно полноправно присутствовавшими уже в общественном дискурсе XVIII в. Изученный материал показывает наличие различных вариантов решения данных вопросов.

Хронологически первый из них на рубеже 1760-1770-х гг. предложил Ф.Г. Клопшток. Его усилиями в немецкой поэзии была актуализирована национальная тематика. В обращении к ней автор активно использовал уже выработанные к тому времени представления о «немцах» как целостном

«народе», их особом характере и разнообразных добродетелях, немецком языке как главном средстве выражения «немецкой» идентичности и сохранения их единства. Данные культурно-исторические положения были систематизированы Клопштоком, представлены в логически непротиворечивом виде и переосмыслены на новом уровне восприятия, в своих основных параметрах соответствующим выдвигаемым в современных исследованиях критериям феномена «современного национализма». Позиционируя «немецкий народ» в качестве коллективного субъекта исторического развития, Клопшток выдвигал в качестве объекта его действий общее «отечество», преподносящееся высшей ценностью для каждого из входящих в него членов. Это позволило автору обозначить необходимость политического объединения немецких княжеств, выдвижение идеи которого представлялось смелым для своего времени шагом.

На фоне подобных «прогрессивных» национальных убеждений, политические представления Клопштока оставались относительно традиционными. Несмотря на прямую критику немецких князей, в том числе в отношении Фридриха II и Иосифа II, и обвинения в том, что именно их «ненемецкие» действия являются главным препятствием на пути немецкого национального возрождения, он продолжал быть преданным идее монархического устройства государства. Автор полагал принципиально возможным и необходимым появление немецкого правителя, который осознает подлинные интересы «немецкого народа» и воплотит их в жизнь.

Клопшток не вкладывал в категорию «свободы» серьёзного внутривполитического смысла. Понятие «свободы» для автора было тождественно понятию «независимости» как необходимого условия существования и развития «немецкого отечества». В этом отношении главной угрозой становились внешние вызовы, среди которых Клопшток, опираясь при этом на уже сложившуюся традицию подобных представлений, особо выделял негативное французское влияние в германских государствах. Именно из Франции как государства и французов как народа поэт

выстраивал образ естественных антагонистов Германии и немцев, без достижения условной «победы» над которыми – политической, культурной и духовной – немецкое возрождение оказывалось невозможным.

Таким образом, традиционность политических взглядов сочеталась у Клопштока с выраженным культурно-историческим подходом к рассмотрению национальных вопросов. Данная позиция, которую можно условно охарактеризовать как национально-консервативную, подтвердилась и усилилась в ходе революционных войн 1790-х гг., когда образцы политической лирики автора и примкнувших к нему последователей продемонстрировали первостепенность национального фактора в выработке их отношения к конкретным происходящим событиям и выявили содержательное сходство с политической лирикой последующего времени периода Освободительных войн 1813-1814 гг. против французского господства над немецкими княжествами. Ценность «немецкого отечества» оказывалась для авторов данного круга много выше ценности «свободы» во внутриполитическом варианте её понимания.

Относительную равноценность данных категорий проявила группа идейных наследников Клопштока 1770-1780-е гг. – поэтов литературного объединения «Союз рощи» и близких к нему авторов. Принимая национальные представления своего предшественника, они дополнили их на порядок более решительными политическими воззрениями.

Немецкие князья подавались авторами в качестве узурпаторов власти – «тиранов», злоупотреблявших ею в ущерб блага «народа». Это дало поэтам возможность произвести десакрализацию фигуры монарха, подняв, тем самым, вопрос об основаниях легитимности его власти. Ответом служило фактическое провозглашение принципа народного суверенитета: воля «немцев» представала в виде единственного истинного источника власти и поэтому должна была иметь возможность своей «свободной» реализации. Констатируя, что сложившиеся в немецких княжествах политические устройства этой возможности не предоставляли, авторы провозглашали

признание за «народом» права на восстание против собственного правителя ради «освобождения» «немецкого отечества», которое в их изображении только будучи «свободным» является истинным.

Обращаясь к анализу структуры немецкого общества на предмет поиска социальных групп, способных к осуществлению данных преобразований, поэты выделяли так называемых «патриотов», за которыми в значительной мере угадывались представители бюргерских кругов. При этом авторы подвергали критике современную им немецкую знать, составлявшую в их представлении социальную опору власти князей, и немецкое крестьянство, остававшееся пассивным и чуждым разделяемым авторами политическим принципам.

Учитывая сопряжённость описанного выше идейного спектра протолиберальной направленности с унаследованными от Клопштока национальными максимами, политические представления рассматриваемых авторов 1770-1780-х гг. можно определить как прообраз будущей национал-либеральной позиции. Распространённое среди них лозунг-требование «свободы и отечества» структурно, а в широком смысле и содержательно схоже с призывами немецкого либерального общественного движения эпохи Предмарта и германской революции 1848-1849 гг. «свободы и единства».

Третий вариант понимания и соотношения категорий «свободы» и «отечества» был продемонстрирован авторами 1790-х гг. Описанный выше консенсус авторов 1770-1780-х гг. под влиянием событий Французской революции был разрушен, главным результатом чего стало формирование радикально-демократического течения, на новом уровне развивавшего политические взгляды своих предшественников.

Немецкие демократы революционного времени провозглашали ценности политической «свободы», социального «равенства» и торжества «закона» в качестве абсолютных принципов, на основании которых должно строиться каждое общество, стремящееся быть справедливым. Происходящие во Франции события они понимали в качестве процесса

создания такого общества, восторженно приняв утвердившийся в стране республиканский строй и полностью поддержав казнь бывшего монарха Людовика XVI. Ещё более важным, однако, явилось то, что подобная политическая позиция непосредственным образом оказала влияние на их национальные представления. Реализация принципов «свободы» оказывалась для них важнее защиты «немецкого отечества» от внешней угрозы: в сложившемся военно-политическом противостоянии Франции и немецких государств антифранцузской коалиции немецкие демократы открыто выступили в поддержку первой и против действий последних. В этом смысле их позиция оказывалась полностью противоположной национально-консервативной позиции Клопштока и его единомышленников, противореча самой сути национального подхода последних. Опираясь ранее практически не употреблявшимся термином «нации», немецкие демократы определяли её в качестве гражданского сообщества, реализовавшего упомянутые выше политические принципы, что представляло собой серьёзное отклонение от заданной и в целом не подвергавшейся сомнению культурно-исторической национальной парадигмы.

Таким образом, немецкая политическая лирика последней трети XVIII в. демонстрировала разнообразие подходов к пониманию категории «национального» и фиксируемую взаимозависимость этих вариантов от характера социально-политических воззрений. Первоначально заложенная национальная культурно-историческая матрица явила свою наибольшую идейную устойчивость среди авторов, отличавших более умеренными социально-политическими взглядами. Выразив способность благополучно сосуществовать в единой связке с политическими представлениями протолиберальной направленности, она начинала подвергаться серьёзному давлению в случае повышения степени радикальности убеждений её носителя. Итоговые соотношения и характер национальных и социально-политических воззрений для каждого автора, в конечном счёте, определялись его реакцией на конкретные значимые внешние события.

Немецкая политическая лирика последней трети XVIII в. предлагала различные варианты ответов на вопросы, что есть «немецкое отечество» и что важнее, оно или «свобода», не обозначив какого-либо одного магистрального направления-«победителя» в этой дискуссии, оставив это дело эпохе Освободительных войн и Предмарта. Однако она в значительной мере подготовила идейную почву для последующей полемики, а предъявляемые ей политические положения и подходы сохраняли свою актуальность в расширенном, конкретизированном и изменённом виде в долгосрочной перспективе развития немецкой общественно-политической мысли.

Библиографический список использованной литературы

Источники:

Публикации произведений отдельных авторов:

1. Немецкие демократы XVIII века. Шубарт, Форстер, Зейме. М., 1956.
2. Bürger G.A. Sämtliche Werke. Hrsg. von G. und H. Häntzschel. München, 1987.
3. Conz K.P. Gedichte. 2 Bde. Zürich, 1806.
4. C.F.D. Schubart's des Patrioten gesammelte Schriften und Schicksale in 8 Bd. Stuttgart, 1839-1840.
5. Denis M. Die Gedichte Ossians, eines alten celtischen Dichters, aus dem Englischen übersetzt. Wien, 1768–69.
6. Denis M. Poetische Bilder der meisten kriegerischen Vorgänge in Europa seit dem Jahr 1756. Wien, 1760.
7. Gerstenberg H.W. Gedichte eines Skalden. 1766.
8. Gerstenberg H.W. Kriegslieder eines dänischen Grenadiers. Altona, 1762.
9. Gleim J.W.L. Ausgewählte Werke. Leipzig, 1885.
10. Hölty L. Gesammelte Werke und Briefe. Hrsg. von Hettche W. Göttingen, 1998.
11. Klopstock F.G. Werke und Briefe. Historisch-kritische Ausgabe. Berlin/NY, 1974-___
12. Klopstock F.G. Werke und Briefe. Historisch-kritische Ausgabe. Abteilung Werke I. Oden. Band 1 Text. Hamburg, 2011.
13. Klopstock F.G. Werke und Briefe. Historisch-kritische Ausgabe. Abteilung Werke II. Epigramme. Hamburg, 2013.
14. Klopstock F.G. Werke und Briefe. Historisch-kritische Ausgabe. Abteilung Werke VI. Hermann-Dramen. Band 1 Text. Hamburg, 2009.

15. Kretschmann K.F. Der Gesang Rhingulphs des Barden. Leipzig, 1768.
16. Lehne F. Versuche republikanischer Gedichte. Straßburg, 1795.
17. Schaller G.J. Gesänge auf alle Dekaden- und Volksfeste der Franken. Straßburg, 1798.
18. Schneider E. Gedichte. Frankfurt/M., 1790.
19. Schubart C.F.D. Werke in einem Band. Berlin-Weimar, 1988.
20. Schubart C.F.D. Gedichte. Historisch-kritische Ausgabe hrsg. von Hauff G. Leipzig, 1894.
21. Stolberg Ch., Stolberg F.L. Gesammelte Werke. In 10 Bd. Hamburg, 1820-1825.
22. Voß J.H. Sämtliche poetische Werke. Leipzig, 1835.
23. Voß J.H. Werke. In einem Band hrsg. von Voegt H. Berlin, 1972.
24. Voß J.H. Ausgewählte Werke. Hrsg. von Hummel A. Göttingen, 1996.
25. Voß J.H. Gedichte. Auswahl und einführende Texte von Langenfeld K. Husum, 2001.
26. Uz J. P. Sämtliche poetische Werke. Hrsg. von August Sauer. Stuttgart, 1890.

Публикации отдельных сборников политической лирики:

27. Allgemeines Liederbuch des deutschen Nationalgesanges. Altona, 1798.
28. Dekadische Lieder für die Rheinländer. Frankenthal o. J.
29. Der Göttinger Dichterbund. In 3 Bd. hrsg. von Sauer A. Stuttgart, 1887.
30. Deutsche Chronik. Eine Auswahl aus den Jahren 1774-1777, 1787-1791. Leipzig, 1988.
31. Deutsche Literatur in Entwicklungsreihen. Reihe Politische Dichtung. Bd. 1: Vor dem Untergang des alten Reiches (1756-1795). Bearb. von Emil Horner. Leipzig, 1930.

32. Deutsche Literatur in Entwicklungsreihen. Reihe Politische Dichtung. Bd. 2: Fremdherrschaft und Befreiung (1795-1815). Bearb. von Robert I Arnold. Leipzig, 1932.
33. Gedichte und Lieder deutscher Jakobiner. Stuttgart, 1971.
34. Freiheitsgedichte. In 2 Bde. Paris, 1797.
35. Liederlese für Republikaner zur Feier der Dekaden und republikanischen Festtage. Koblenz, 1799.
36. Lieder der Freiheit gewidmet. Beitrag zur Unterhaltung für gebildete Stände. Altona, 1795.
37. Noch ist Deutschland nicht verloren. Eine historisch-politische Analyse unterdrückter Lyrik von der Französischen Revolution bis zur Reichsgründung. Hrsg. von Grab W./Friesel U. München, 1970.
38. Poetische Sammlungen zur Erweckung des Gefühls für Menschenwürde. 1795.
39. Sammlung verschiedener Gedichte und Freiheitslieder gesammelt von einem Freund der Freiheit. Landau, 1797.
40. Taschenbuch der Ueber auf 1800. Deutz, jenseits Köln, 1800.
41. Taschenbuch für Freunde des Gesanges. Stuttgart, 1796.
42. Zuchtspiegel für Fürsten und Hofleute. Paris, 1799.
43. Zuchtspiegel für Adliche. Zuchtspiegel für Theologen und Kirchenlehrer. Zuchtspiegel für Eroberungskrieger, Advokaten und Ärzte. Hrsg. von Laukhard F.C. Paris. 1799.

Материалы периодической печати:

44. Argos, oder der Mann mit hundert Augen. Hrsg. von Schneider E. Straßburg, 1792-1793.
45. Das neue graue Ungeheuer. Hrsg. von einem Freunde der Menschheit. (Herausgegeben von Andreas Georg Friedrich Rebmann.) Upsala-Altona, 1795-1798.

46. Der neue Mensch. Hrsg. von Meyer G. C. Flensburg, 1796-1797.
47. Der Patriot. Hrsg. von Wedekind G. Mainz, 1792-1793.
48. Die Geißel. Herausgegeben von Freunden der Menschheit. (Herausgegeben von Andreas Georg Friedrich Rebmann.) Upsala-Altona, 1797-1799.
49. Die Schildwache. Hrsg. von Rebmann G. F. Paris-Altona, 1796-1797.
50. Neuer Niedersächsischer Merkur, als Beilage zum Neuen Grauen Ungeheuer. Upsala-Altona, 1797.
51. Niedersächsischer Merkur, sehr vermischten Inhaltes. (Herausgegeben von Friedrich Wilhelm von Schütz.) Altona-Hamburg, 1792.

Научная литература:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
2. Гейман Б.Я. Клопшток // История немецкой литературы. Т. 2. М., 1963. С. 160-178.
3. Гейман Б.Я. Поэзия 40-60-х гг. // История немецкой литературы. Т. 2. М., 1963. С. 100-105.
4. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
5. Гулыга А.В. Немецкое якобинство // Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. М., 2001. С. 129-135.
6. Герье В.И. Идея народовластия и Французская революция 1789 года. М., 2011.
7. Данн О. Нации и национализм в Германии, 1770-1990. СПб., 2003.
8. Длугач Т.Б. Три портрета эпохи Просвещения. Монтескье. Вольтер. Руссо (от концепции просвещенного абсолютизма к теориям гражданского общества). М., 2006. С. 198-209.
9. Доронин А.В. Миф и национальная история в культуре Возрождения в Германии // Миф в культуре Возрождения. М., 2003. С. 200-209.

10. Доронин А.В. Миф нации: приглашение к дискуссии // Вестник Удмуртского университета. Вып. 3. Ижевск, 2011. С. 146-152.
11. Жирмунский В.М. Шубарт // Немецкие демократы XVIII века. Шубарт, Форстер, Зейме. М., 1956. С. 19-29.
12. Занин С.В. Общественный идеал Жан-Жака Руссо и французское Просвещение XVIII века. СПб., 2007.
13. Лазарева А.В. Образ врага и становление немецкой национальной идеи в годы Тридцатилетней войны // Вопросы истории. 2013. № 1. С. 110–121.
14. Лазарева А.В. Представления о патриотизме в Германии в годы Тридцатилетней войны (1618-1648 гг) // Термины, понятия, категории в литературных текстах и документах. М, 2012. С. 101–115.
15. Лазарева А. Чистый язык – сильная нация. Плодоносящее общество (1617-1680) в борьбе за немецкую национальную самобытность // Вестник МГУ. Серия 8. 2005. № 3. С. 36-56.
16. Левин Д.Ю. Поэмы Оссиана Джеймса Макферсона // Макферсон Дж. Поэмы Оссиана. Л., 1983. С. 465-506.
17. Лозинская Л.Я. Бюргер. Шубарт // История немецкой литературы. Т.2. М., 1963. С. 280-291.
18. Лозинская Л.Я. Гёттингенский союз поэтов // История немецкой литературы. Т. 2. М., 1963. С. 272-279.
19. Медяков А.С. Национальная идея и национальное сознание немцев // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. М., 2005. С. 394-458.
20. Мошковская Ю. Я. Георг Форстер – немецкий просветитель и революционер XVIII в. М., 1961.
21. Патрушев А.И. Пути и драмы немецкого либерализма // Либерализм Запада XVII-XX вв. М., 1995. С. 74-90.

22. Патрушев А.И. Социально-политические идеи Немецкого Просвещения // Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. Под редакцией Н.М. Мещеряковой. М., 2002. С. 291-324.
23. Попова О. А. Диалог «Арминий» Ульриха фон Гуттена // Вестник Тюменского гос. ун-та. Тюмень, 2003. Вып. 3. С. 164-169.
24. Пуришев Б. Клопшток // Литературная энциклопедия. Т.5. М., 1931. С. 312-318.
25. Пуришев Б. Бюргер // Литературная энциклопедия. Т.2. М., 1929. С. 49-50.
26. Ростиславлева Н.В. Германские либералы первой половины XIX века. М., 2010.
27. Ростиславлева Н.В. Зарождение либерализма в Германии. Карл фон Роттек. М., 1999.
28. Тураев С.В. Клопшток // История всемирной литературы: В 8 томах // АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983-1994. Т. 5. 1988. С. 210-213.
29. Тураев С.В. Гердер и движение «Бури и натиска» // История всемирной литературы: В 8 томах // АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983-1994. Т. 5. 1988. С. 213-222.
30. Фидарова Ф.К. "Немецкий язык" в немецкой поэзии и его патриотическая роль в культурном пространстве Германии // Вестник МГУ. Серия 19. 2009. № 1. С. 124-134.
31. Хеншелл Н. Миф абсолютизма. СПб, 2003.
32. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.
33. Элиас Н. Придворное общество. М., 2002.
34. Absolutismus, ein unersetzliches Forschungskonzept? Eine deutsch-französische Bilanz. Hrsg. von Schilling L. München, 2008.
35. Aretin K.O.F. Das Alte Reich 1648–1806. 3 Bde. Stuttgart, 1993–1997.
36. Aufklärung, Absolutismus und Bürgertum in Deutschland. Hrsg. von Kopitzsch F. München, 1976.

37. Aufklärungsgesellschaften. Hrsg. von Reinhardt H. Frankfurt/Main, 1993.
38. Bäsken R. Die Dichter des Göttinger Hains und die Bürgerlichkeit. Eine literarsoziologische Studie. Königsberg, Berlin, 1937.
39. Batscha Z. Studien zur politischen Theorie des deutschen Frühliberalismus. Frankfurt/M., 1981.
40. Bauer J. Student und Nation im Spiegel des «Landesvater»-Liedes // Föderative Nation. Deutschlandskonzepte von der Reformation bis zum Ersten Weltkrieg. Hrsg. von Langewiesche D., Schmidt G. München, 2000. S. 135-156.
41. Benario H.W. Arminius into Hermann: History into Legend // Greece & Rome. Second Series. Vol. 51. 2004, № 1. P. 83-94.
42. Bemann K. Arminius und die Deutschen. Essen, 2002.
43. Betteridge H. Klopstocks Wendung zum Patriotismus // Klopstock. Werk und Wirkung. Berlin, 1978. S. 179-184.
44. Beyme K. Geschichte der politischen Theorien in Deutschland 1300-2000. Wiesbaden, 2009.
45. Beyme K. Liberalismus. Theorien des Liberalismus und Radikalismus im Zeitalter der Ideologien 1789-1945. Wiesbaden, 2013.
46. Blanning T.C.W. The French Revolution in Germany: occupation and resistance in the Rhineland 1792-1802. Oxford, 1986.
47. Blitz H.-M. Aus Liebe zum Vaterland: Die deutsche Nation im 18. Jahrhundert. Hamburg, 2000.
48. Blitz H.-M. «Gieb, Vater, mir ein Schwert!» Identitätskonzepte und Feindbilder in der «patriotischen» Lyrik Klopstocks und des Göttinger «Hain» // Blitz H.-M., Hermann H.P., Moßmann S. Machtphantasie... S. 80-122.
49. Blitz H.-M., Hermann H.P., Moßmann S. Machtphantasie Deutschland. Nationalismus, Männlichkeit und Fremdenhaß im Vaterlandsdiskurs deutscher Schriftsteller des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1996.

50. Bohnen K. Von den Anfängen des «Nationalsinns». Zur literarischen Patriotismus-Debatte im Umfeld des Siebenjährigen Kriegs // Dichter und ihre Nation. Hrsg. von Scheuer H. Frankfurt a.M., 1993. S. 121-137.
51. Brubaker R. Citizenship and nationhood in France and Germany. Cambridge, Mass., London, 1994. S. 1-84.
52. Burgdorf W. Nationales Erwachen der Deutschen nach 1756. Reichisches gegen territoriales Nationalbewußtsein. Imitation eines Schweizer Vorbildes oder Inszenierung des kaiserlichen Hofes? // Territoriale Identität und politische Kultur in der Frühen Neuzeit. Hrsg. von Bellabarba M./Stauber R. Berlin, 1998. S. 109-132.
53. Burgdorf W. «Reichnationalismus» gegen «Territorialnationalismus»: Phasen der Intensivierung des nationalen Bewusstseins in Deutschland seit dem Siebenjährigen Krieg // Föderative Nation. Deutschlandkonzepte von der Reformation bis zum Ersten Weltkrieg. München, 2000. S. 157-190.
54. Bürger und Bürgerlichkeit im Zeitalter der Aufklärung. Hrsg. von Vierhaus R. Heidelberg, 1981.
55. Bürgerliche Berufe. Hrsg. von Siegrist H. Göttingen, 1988. S. 18-27.
56. Cäcilia F. Johann Wilhelm Ludwig Gleim: «Preußische Kriegslieder in den Feldzügen 1757 und 1758 von einem Grenadier» // Der Aufklärer Gleim heute. Hrsg. von Riedel W. Stendal, 1987. S. 20-26.
57. Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland 1770-1990. München, 1993. Wehler H.-U. Nationalismus und Nation in der deutschen Geschichte // Nationales Bewußtsein und kollektive Identität. Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewußtseins in der Neuzeit. Bd. 2. Hrsg. von Berding H. Frankfurt a.M., 1994. S. 163-175.
58. Demokratisch-revolutionäre Literatur in Deutschland: Jakobinismus. Hrsg. von Mattenklott G./Scherpe K. Kronberg, 1975.
59. Der Absolutismus – ein Mythos? Strukturwandel monarchischer Herrschaft in West- und Mitteleuropa (ca. 1550–1700). Hrsg. von Duchhardt H./Asch R.G. Böhlau, 1996.

60. Deutsch K.W. Nationalism and Social Communication. N.Y., 1953.
61. Deutschland und die Französische Revolution. Hrsg. von Voss J. München, 1983.
62. «Die Bildung des Bürgers». Die Formierung der bürgerlichen Gesellschaft und die Gebildeten im 18.Jahrhunden. Weinheim, 1982.
63. Die deutsche Nation im frühneuzeitlichen Europa. Politische Ordnungen und kulturelle Identität? München, 2010.
64. Die Französische Revolution. Berichte und Deutungen deutscher Schriftsteller und Historiker. Hrsg. von Günther H. Frankfurt a.M., 1985.
65. Die Französische Revolution im Spiegel der deutschen Literatur. Hrsg. von Träger C. Leipzig, 1979.
66. Die Französische Revolution in Deutschland. Zeitgenössische Texte deutscher Autoren: Augenzeugen, Pamphletisten, Publizisten, Dichter und Philosophen. Hrsg. von Eberle F. Stuttgart, 1989.
67. Die Wiener Jakobiner: Schriften und Dokumente. Stuttgart, 1972.
68. Duchhardt H. Barock und Aufklärung. München, 2007.
69. Dürrson W. Christian Friedrich Daniel Schubart. Frankfurt am Main, 1980.
70. Düwel K., Zimmerman H. Germanenbild und Patriotismus in der deutschen Literatur des 18. Jahrhunderts / Germanenprobleme in heutiger Sicht. Hrsg. von H.Beck. Berlin, 1999. S. 358-395.
71. Echternkamp J. Der Aufstieg des deutschen Nationalismus 1770-1840. Fr./M.-NY, 1998.
72. Ecker H.P. Idyllik der Emanzipation und sanfte Katharsis. Zum Zusammenspiel von Genrekodes und sozialgeschichtlichen Rahmenbedingungen in den Idyllen des Johann Heinrich Voß // Johann Heinrich Voß. Kulturräume in Dichtung und Wirkung. Hrsg. von Rudolph A. Dettelbach, 1999. S. 193-214.
73. Eckhart H. Die «Wiedergeburt» Friedrich des Großen und der «Tod fürs Vaterland». Zum patriotischen Selbstverständnis in Preußen in der zweiten

- Hälfte des 18. Jahrhunderts // Nationalismus vor dem Nationalismus? Hrsg. von Hellmuth E./Stauber R. Hamburg, 1998. S. 23-54.
74. Ehrmann E. Die bardische Lyrik im achtzehnten Jahrhundert. Halle, 1892.
75. Engelhardt U. «Bildungsbürgertum». Begriffs- und Dogmengeschichte eines Etiketts. Stuttgart, 1986. S. 30-97.
76. Enzensberger H.M. Poesie und Politik // Enzensberger H.M. Einzelheiten II. Poesie und Politik. Frankfurt a.M., 1970. S. 113-137.
77. Fischer D. Das Eigene und das Eigentliche: Klopstock, Herder, Fichte. Episoden aus der Konstruktionsgeschichte nationaler Intentionalitäten. Berlin, 1995.
78. Föderative Nation. Deutschlandskonzepte von der Reformation bis zum Ersten Weltkrieg. Hrsg. von Langewiesche D., Schmidt G. München, 2000.
79. Französische Revolution und deutsche Öffentlichkeit. Wandlungen in Presse und Alltagskultur am Ende des achtzehnten Jahrhunderts. Hrsg. von Böning H. München, 1992.
80. Friedrich C. Klopstocks Bardiet «Hermanns Schlacht» und seine Nachgeschichte // Klopstock. Werk und Wirkung. Berlin, 1978. S. 237-246.;
81. Friedrich Leopold Graf zu Stolberg (1750-1819). Beiträge zum Eutiner Symposium im September 1997. Hrsg. von Baudach F. Eutin, 2003.
82. Friedeburg R. Widerstandsrecht im Europa der Neuzeit. Forschungsgegenstand und Forschungsperspektiven // Widerstandsrecht in der frühen Neuzeit. Berlin, 2001. S. 11-60.
83. Fulda D. De ‚la littérature allemande‘. Friedrich II. von Preußen, das deutsche Publikum und die Herausbildung des modernen Literaturbegriffs // Germanisch-Romanische Monatsschrift. Band 63. Heft 2. 2013. S. 225-243.
84. Gagliardo J.G. From Pariah to Patriot. The Changing Image of the German Peasant 1770-1840. Lexington, 1969.
85. Gall L. Von der ständischen zur bürgerlichen Gesellschaft. Oldenbourg, 1993.

86. Garber J. Vom universalen zum endogenen Nationalismus. Die Idee der Nation im deutschen Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit // Dichter und ihre Nation. Hrsg. von Scheuer H. Frankfurt a.M., 1993. S. 16-37.
87. Gerhards J. Öffentlichkeit // Politische Kommunikation in der demokratischen Gesellschaft. Hrsg. von Jarren O./ Sarcinelli S. Wiesbaden, S. 268-274.
88. Geschichte des deutschen Liberalismus. Hrsg. von Luchtenberg P., Erbe W. Köln, 1966.
89. Geschichte der politischen Lyrik in Deutschland. Hrsg. von Hinderer W. Würzburg, 2007.
90. Gooch G.P. Germany and the French revolution. London, 1920.
91. Grab W. Gottfried August Bürger als literarischer Wegbereiter und politische Weggefährte des deutschen Jakobinismus // Gottfried August Bürger. Beiträge der Tagung zu seinem 200. Todestag, vom 7. bis 9. Juni 1994 in Bad Segeberg. Hrsg. von Beutin W./Bütow T. Bern, 1994. S. 9-23.
92. Grab W. Johann Heinrich Voß in der Französischen Revolution // Freiheit durch Aufklärung. Johann Heinrich Voß (1751–1826). Materialien einer Tagung der Stiftung Mecklenburg (Ratzeburg) und des Verbandes deutscher Schriftsteller (Landesbezirk Nord) in Lauenburg/Elbe. Hrsg. von Beutin W./Lüders K. Bern, 1995. S. 17-34.
93. Grab W. Norddeutsche Jakobiner. Demokratische Bestrebungen zur Zeit der Französischen Revolution. Frankfurt/M., 1967.
94. Grünberger H., Münkler H. Nationale Identität im Diskurs der Deutschen Humanisten // Nationales Bewußtsein... Bd. 2. S. 211–248.
95. Günther J.K. Zwischen verlorenem Paradies und Utopie. Politische Dichtung in Deutschland // Günther J.K. Übergänge. Probleme und Gestalten der Literatur. Bern/ München, 1966.
96. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Berlin, 1971.
97. Häntzschel G. Gottfried August Bürger. München, 1988.

98. Hardtwig W. Genossenschaft, Sekte, Verein in Deutschland. Vom Spätmittelalter bis zur Französischen Revolution. München, 1997.
99. Hardtwig W. Vom Elitebewußtsein zur Massenbewegung. Frühformen des Nationalismus in Deutschland 1500-1840 // Hardtwig W. Nationalismus und Bürgerkultur in Deutschland 1500-1914. Göttingen, 1994.
100. Härtling P. Der zornige Schubart // Schubart Ch.F.D. Strophen für die Freiheit. Stuttgart, 1976. S. 7-18.
101. Hauff G. Christian Friedrich Daniel Schubart in seinem Leben und seinen Werken. Stuttgart, 1885.
102. Hempel D. Friedrich Leopold Graf zu Stolberg (1750-1819). Staatsmann und politischer Schriftsteller. Weimar, 1997.
103. Henning F. Frühgeschichte des deutschen Liberalismus: Geschichtliche Ursprünge und Anfänge // Geschichte des deutschen Liberalismus. Hrsg. von Luchtenberg P., Erbe W. Köln, 1966. S. 27-35.
104. Herbst W. Johann Heinrich Voß. In 3 Bd. Leipzig, 1872-1876.
105. Hermand J. In Tyrannos. Über den politischen Radikalismus der sogenannten «Spätaufklärung» // Von Mainz nach Weimar (1793-1919). Studien zur deutschen Literatur. Stuttgart, 1969. S. 9-52.
106. Hermann H.-P. Individuum und Staatsmacht. Preussisch-deutscher Nationalismus in Texten zum Siebenjährigen Krieg // Blitz H.-M., Hermann H.P., Moßmann S. Machtphantasie Deutschland. Nationalismus, Männlichkeit und Fremdenhaß im Vaterlandsdiskurs deutscher Schriftsteller des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1996. S. 69-70.
107. Hermann H.-P. «Mein Arm wird stark und groß mein Muth [...]». Wandlungen des deutschen Nationalismus im 18. Jahrhundert // Die Ordnung der Kulturen. Zur Konstruktion ethnischer, nationaler und zivilisatorischen Differenzen 1750-1850. Würzburg, 2006. S.53-78.
108. Hermann H.P. Nationalismus im 18. Jahrhundert? Historische und aktuelle Aspekte einer These // Nationale Identität aus germanischer Perspektive. Hrsg. von Lasatowicz M.K./Joachimsthaler J. Opole, 1998. S. 163-177.

109. Hirschi C. Wettkampf der Nationen. Konstruktionen einer deutschen Ehrgemeinschaft an der Wende vom Mittelalter zur Neuzeit. Göttingen, 2005.
110. Honolka K. Schubart: Dichter und Musiker, Journalist und Rebell. Stuttgart, 1985.
111. Hroch M. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Prag, 1968.
112. Hurlebusch K. Friedrich Gottlieb Klopstock. Hamburg, 2003.
113. In search of a liberal Germany. Studies in the history of German liberalism from 1789 to the present. Ed. by Konrad H. Jarausch and Larry Eugene Jones. N.Y., 1990.
114. Jäger H.W. Politische Kategorien in Poetik und Rhetorik der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Stuttgart, 1970.
115. Jäger H.W. Politische Metaphorik im Jakobinismus und im Vormärz. Stuttgart, 1971.
116. Janssen J. Friedrich Leopold Graf zu Stolberg. Größtenteils aus der bisher noch ungedruckten Familiennachlass. In 2 Bd. Freiburg im Breisgau, 1877.
117. Johann Heinrich Voß (1751–1826). Idylle, Polemik und Wohllaut. Hrsg. von Tappenbeck I. Hannover, 2001.
118. Kaiser G. Klopstock als Patriot // Nationalismus in Germanistik und Dichtung. Berlin, 1967.
119. Kaiser G. Klopstock. Religion und Dichtung. Kronberg am Taunus, 1975.
120. Kaiser G. Pietismus und Patriotismus im literarischen Deutschland. Ein Beitrag zum Problem der Säkularisation. Wiesbaden, 1961.
121. Kaiser G. Über den Umgang mit Republikanern, Jakobinern und Zitaten // Deutsche Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. Band 49. 1975. S. 226-242.
122. Kaim-Kloock L. Gottfried August Bürger. Zum Problem der Volkstümlichkeit in der Lyrik. Berlin, 1963.

123. Kallscheuer O., Leggewie C. Deutsche Kulturnation versus französische Staatsnation? Eine ideengeschichtliche Stichprobe // Nationales Bewußtsein... Bd. 2. S. 112-162.
124. Kelletat A. «Der Bund ist ewig». Gedanken zur poetischen Topographie des Göttinger Hains // Der Göttinger Hain. Hrsg. von Kelletat A. Stuttgart, 1967. S. 401-446.
125. Keppler U. Ein genialer Rebell: Christian Friedrich Daniel Schubart, 1730-1791. Mühlacker, 1982.
126. Kindt K. Klopstock. Berlin-Spandau, 1941.
127. Kischka K.H. Typologie der politischen Lyrik des Vormärz. Mainz, 1964.
128. Klein-Hattingen O. Geschichte des deutschen Liberalismus. In 2 Bände. Berlin, 1911.
129. Kohl K. Friedrich Gottlieb Klopstock. Stuttgart, 2000.
130. Kohlschmidt W. Göttinger Hain // Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte. Bd. 1. Berlin, 1958.
131. Kohn H. The Idea of Nationalism. A Study in Its Origins and Background. N.Y., 1944.
132. Kommerel M. Der Dichter als Führer in der deutschen Klassik. Berlin, 1928.
133. Kösters K. Mythos Arminius. Die Varusschlacht und ihre Folgen. Münster, 2009.
134. Krahe P. Klopstocks Beziehung zu politischen Leitbildern: zu den Oden «Freude und Leid» und «Die Unschuldigen» // Deutsche Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. №59. 1985. S. 253-264.
135. Kräger H. Johann Martin Miller. Ein Beitrag zur Geschichte der Empfindsamkeit. Bremen, 1893.
136. «Krieg ist mein Lied»: der Siebenjährige Krieg in den zeitgenössischen Medien. Hrsg. von W.Adam, H.Dainat. Göttingen, 2007.
137. Krieger L. The German idea of freedom. History of a political tradition. Boston, 1957. P. 1-80.

138. Kronenberg V. Patriotismus in Deutschland. Perspektiven für eine weltoffene Nation. Wiesbaden, 2005.
139. Langenfeld K. Johann Heinrich Voß. Mensch, Dichter, Übersetzer. Eutin, 1990.
140. Langenfeld K. Reflexe der Französischen Revolution in den Gedichten von Johann Heinrich Voß // Johann Heinrich Voß. Kulturräume in Dichtung und Wirkung. Hrsg. von Rudolph A. Dettelbach, 1999. S. 113-142.
141. Langewiesche D. Liberalismus in Deutschland. Frankfurt a.M., 1988.
142. Langewiesche D. «Nation», «Nationalismus», «Nationalstaat» in der europäischen Geschichte seit dem Mittelalter – Versuch einer Bilanz // Föderative Nation. Deutschlandkonzepte von der Reformation bis zum Ersten Weltkrieg. München, 2000.S.9-32.
143. Langewiesche D. Nation, Nationalismus, Nationalstaat in Deutschland und Europa. München, 2000.
144. Leben und Werke norddeutscher Jakobiner. Stuttgart, 1973.
145. Leschnitzer F. G. A. Bürger – ein plebejischer Dichter // Neue deutsche Literatur. №5. 1954. S. 109-26.
146. Linksrheinische deutsche Jakobiner: Aufrufe, Reden, Protokolle, Briefe und Schriften. Stuttgart, 1978.
147. Lubinski A. Johann Heinrich Voß und „Die Leibeigenen“ – Perspektiven auf die ländliche Gesellschaft Mecklenburgs in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts // Johann Heinrich Voß. Kulturräume in Dichtung und Wirkung. Hrsg. von Rudolph A. Dettelbach, 1999. S. 161-192.
148. Lüchow A. Die heilige Cohorte. Klopstock und der Göttinger Hainbund // Klopstock an der Grenze der Epochen. Berlin, 1995. S. 152-220.
149. Madl A. Politische Dichtung in Österreich (1830-1848). Budapest, 1969.
150. Mainz zwischen Rot und Schwarz: Die Mainzer Revolution in Schriften, Reden und Briefen. Berlin, 1963.
151. Mandt H. Tyrannislehre und Widerstandsrecht. Darmstadt, 1974.

152. Marquardt M. Johann Heinrich Voß – ein Bürger ohne Republik // Johann Heinrich Voß. Kulturräume in Dichtung und Wirkung. Hrsg. von Rudolph A. Dettelbach, 1999. S. 1-18.
153. Metelmann E. Zur Geschichte des Göttinger Dichterbundes 1772-1774. Stuttgart, 1965.
154. Metz F. Klopstock der Erwecker. Hamburg, 1903.
155. Molzan A. Klopstocks Revolutionsoden // Klopstock. Werk und Wirkung. Berlin, 1978. S. 153-172.
156. Mommsen H. Nation und Nationalismus in sozialgeschichtlicher Perspektive // Sozialgeschichte in Deutschland. Hrsg. von Schieder W./Sellin V. Bd. II. Göttingen, 1986. S. 162-185.
157. Morgenstern C. Klopstock als vaterländischer Dichter. Dorpat-Leipzig, 1814.
158. Mosse G.L. The Nationalization of the Masses. Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich. N.Y., 1975.
159. Müller E. Ludwig Christoph Heinrich Hölty. Leben und Werk. Egelsbach, 2001.
160. Müller J. Revolution und Nation in Klopstocks Oden // Wirklichkeit und Klassik. Beiträge zur deutschen Literaturgeschichte von Lessing bis Heine. München, 1957. S. 63-115.
161. Munker Fr. Klopstock. Die Geschichte seines Lebens und seiner Schriften. Berlin, 1888.
162. Münkler H. Im Namen des Staates. Die Begründung der Staatsräson in der Frühen Neuzeit. Frankfurt am Main, 1987. S. 165-209.
163. Münkler H. Nation als politische Idee im frühneuzeitlichen Europa // Nation und Literatur im Europa der Frühen Neuzeit. Akten des I. Internationalen Osnabrücker Kongresses zur Kulturgeschichte der Frühen Neuzeit. Hrsg. von Garber K. Tübingen, 1989. S. 56-86.

164. Münkler H., Grünberger H., Mayer K. Nationenbildung: Die Nationalisierung Europas im Diskurs humanistischer Intellektueller: Italien und Deutschland. Berlin, 1998.
165. Murat J. Klopstock als französischer Bürger // Klopstock. Werk und Wirkung. Berlin, 1978. S. 173-177.
166. Nationales Bewußtsein und kollektive Identität. Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewußtseins in der Neuzeit. Bd. 1. Hrsg. von Giesen B. Frankfurt a.M., 1991
167. Nationales Bewußtsein und kollektive Identität. Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewußtseins in der Neuzeit. Bd. 2. Hrsg. von Berding H. Frankfurt a.M., 1994.
168. Nationalismus in Germanistik und Dichtung. Dokumentation des Germanistentages in München vom 17.-22. Oktober 1966. Hrsg. von Benno von Wiese / Rudolf Henß. Berlin, 1967.
169. Nationalismus vor dem Nationalismus? Hrsg. von Hellmuth E./Stauber R. Hamburg, 1998.
170. Neidhardt F. Öffentlichkeit, Öffentliche Meinung, Soziale Bewegung // Öffentlichkeit, Öffentliche Meinung, Soziale Bewegung. Hrsg. von Neidhardt F. Konstanz, 1997. S.7-41.
171. Niemeyer E. Klopstocks Revolutionsoden // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. №22. 1857. S. 1-44.
172. Pape H. Der halbierte Dichter? «Hohe Poesie» und profane Welt. Wandlungen einer literarischen Konzeption bei Friedrich Gottlieb Klopstock. Frankfurt am Main, 2010.
173. Peter E. Die politische Lyrik in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts: ein Überblick // Praesent 2006. S. 25-34.
174. Petzet Ch. Die Blütezeit der Deutschen politischen Lyrik von 1840 bis 1850. München, 1903.

175. Planert U. Wann beginnt der «moderne» deutsche Nationalismus? Plädoyer für eine nationale Sattelzeit // Die Politik der Nation: Deutscher Nationalismus in Krieg und Krisen 1760-1960. München, 2002. S. 25-60.
176. Poetisierung – Politisierung. Deutschlandbilder in der Literatur bis 1848. Hrsg. von Gössman W. und Roth K.-H. Paderborn, 1994.
177. Politische Dichtung // Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft. Hrsg. von Müller J.D. Band III. Berlin, 2003. S. 120.
178. Pott H.-J. Harfe und Hain. Die deutsche Bardendichtung des 18. Jahrhunderts. Bonn, 1976.
179. Prignitz C. Vaterlandsliebe und Freiheit. Deutscher Patriotismus 1750-1850. Wiesbaden, 1981.
180. Prutz R.E. Der Göttinger Dichterbund. Zur Geschichte der deutschen Literatur. Leipzig, 1841.
181. Prutz R.E. Die politische Poesie der Deutschen. Leipzig, 1845.
182. Pütz P. Aufklärung // Geschichte der politischen Lyrik in Deutschland. Hrsg. von W.Hinderer. Würzburg, 2007. S. 123-150.
183. Raapke H.-D. Die Französische Revolution und die deutschen Gebildeten. Oldenburg, 1991.
184. Raico R. Die Partei der Freiheit. Studien zur Geschichte des deutschen Liberalismus. Stuttgart, 1999.
185. Reinbold W. Mythenbildungen und Nationalismus: "deutsche Jakobiner" zwischen Revolution und Reaktion 1789-1800. Bern, 1999.
186. Richter E. Klopstock als vaterländischer Dichter. Eisleben, 1872.
187. Ride J. Arminius in der Sicht der deutschen Reformatoren // Arminius und die Varusschlacht. Geschichte, Mythos, Literatur. Schöningh, 2003. S. 239-249.
188. Roloff H.-G. Der Arminius des Ulrich von Hütten // Arminius und die Varusschlacht. Geschichte, Mythos, Literatur. Schöningh, 2003. S. 239-249.

189. Rühmkorf P. Friedrich Gottlieb Klopstock. Ein empfindsamer Revolutionär // Rühmkorf P. Walther, Klopstock und ich. Reinbek bei Hamburg, 1975. S. 79-118.
190. Rüte H. Ludw. Heinr. Christoph Hölty. Sein Leben und Dichten. o. O. 1883.
191. Saage R. Absolutismus und Aufklärung in Deutschland // Pipers Handbuch der politischen Ideen. Band 3, Neuzeit. München, 1985. S. 529-560.
192. Saine T. Black Bread – White Bread. German Intellectuals and the French Revolution. Columbia, 1988.
193. Sass W. Klopstocks vaterländische Oden. Hamburg, 1939.
194. Sauer A. Die Dichtungen des Göttinger Hainbunds. 1887.
195. Sauer E. Die Französische Revolution von 1789 in den Gedichten Klopstocks und der Göttinger // Euphorion №21. 1914. S. 551-564.
196. Sauer E. Die Französische Revolution von 1789 in zeitgenössischen deutschen Flugschriften und Dichtungen. Weimar, 1913.
197. Schäfer M. Geschichte des Bürgertums. Köln, Weimar, Wien. 2009.
198. Schairer E., Chr. Fr. D. Schubart als politischer Journalist, Tübingen, 1914.
199. Scheel H. Deutsche Jakobiner und die deutsche Nation. Berlin, 1966.
200. Scheel H. Die Begegnung deutscher Aufklärer mit der Revolution. Berlin, 1973.
201. Scheel H. Jakobinische Flugschriften aus dem deutschen Süden Ende des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1965.
202. Scheel H. Süddeutsche Jakobiner. Klassenkämpfe und republikanische Bestrebungen im deutschen Süden Ende des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1962.
203. Scherer H. Gottfried August Bürger. Berlin, 1995.
204. Schieder T. Nationalismus und Nationalistaat. Göttingen, 1991.
205. Schilling H. Höfe und Allianzen. Deutschland 1648–1763. Berlin, 1989.
206. Schmid P. Deutsches Bildungsbürgertum: bürgerliche Bildung zwischen 1750 und 1830. 1985.
207. Schmid P. Zeit des Lesens, Zeit des Fühlens: Anfänge des deutschen Bildungsbürgertums. Severin, 1985.

208. Schmidt D. Klopstock, der Vater der Vaterlandsdichtung / Preußische Jahrbücher, 97. Bd., 1899.
209. Schmidt G. Die frühneuzeitliche Idee "deutsche Nation". Mehrkonfessionalität und säkulare Werte // Nation und Religion in der deutschen Geschichte. Hrsg. von Langewiesche D./Haupt H.-G. Frankfurt a.M., 2001, S. 33-67.
210. Schmidt G. Geschichte des Alten Reiches. Staat und Nation in der Frühen Neuzeit. 1495-1806. München, 1999.
211. Schmidt G. Teutsche Kriege. Nationale Deutungsmuster und integrative Wertvorstellungen im frühneuzeitlichen Reich // Föderative Nation. Deutschlandskonzepte von der Reformation bis zum Ersten Weltkrieg. Hrsg. von Langewiesche D., Schmidt G. München, 2000. S. 33-61.
212. Schmidt G. Wandel durch Vernunft. Deutsche Geschichte im 18. Jahrhundert. München, 2009.
213. Schmidt H.J. Die deutsche Freiheit. Geschichte eines kollektiven semantischen Sonderbewusstseins. Frankfurt a.M., 2010.
214. Schmidt W.G. „Homer des Nordens“ und „Mutter der Romantik“. James Macphersons Ossian und seine Rezeption in der deutschsprachigen Literatur. Bd. 1. Berlin, 2003.
215. Schneider K.-L. Klopstock und die Erneuerung der deutschen Dichtersprache im 18. Jahrhundert. Heidelberg, 1960.
216. Schneider P. Politische Dichtung. Ihre Grenzen und Möglichkeiten // Der Monat. № 17. 1965. S. 68-77.
217. Schönemann B. Staatsräson im Alten Reich der Frühen Neuzeit und im Deutschen Bund (1517-1866) // Staatsräson in Deutschland. Berlin, 2003. S. 23-44.
218. Schrader H.-J. Mit Feuer, Schwert und schlechtem Wissen. Zum Kreuzzug der Hainbündler gegen Wieland // Euphorion. №78. 1984. S. 325-367.
219. Schreckensmythen – Hoffnungsbilder. Die Französische Revolution in der deutschen Literatur. Hrsg. von Zimmermann H. Frankfurt a.M., 1989.

220. Schübler W. Gottfried August Bürger. Eine Biografie. Nordhausen, 2008.
221. Schultz H. Mythos und Aufklärung. Frühformen des Nationalismus in Deutschland // Historische Zeitschrift. Bd. 263. 1996, H. 1. S. 31-67.
222. Schulze H. Der Weg zum Nationalstaat. Die deutsche Nationalbewegung vom 18. Jahrhundert bis zur Reichsgründung. München, 1985.
223. Schumann M. Arminius redivivus: Zur literarischen Aneignung des Hermannsstoffs im 18. Jahrhundert // Monatshefte. Vol. 89. 1997, № 2. S. 130-147.
224. Sell F. Die Tragödie des deutschen Liberalismus. Stuttgart, 1953.
225. Sheehan J.J. German liberalism in the nineteenth century. Chicago, 1978.
226. «Sie, und nicht Wir». Die Französische Revolution und ihre Wirkung auf Norddeutschland und das Reich. In 2 Bd. Hrsg. von Herzig A. Hamburg, 1989.
227. Soziale Unruhen in Deutschland während der Französischen Revolution. Hrsg. von Berding H. Göttingen, 1988.
228. Staatsräson. Studien zur Geschichte eines politischen Begriffs. Berlin, 1975. S. 339-480.
229. Stammen Th. Deutschland und die Französische Revolution 1789-1806. Darmstadt, 1988.
230. Stammler W. Politische Schlagwörter in der Zeit der Aufklärung // Stammler W. Kleine Schriften zur Sprachgeschichte. Berlin, 1954. S. 48-100.
231. Stein P. Politisches Bewusstsein und künstlerischer Gestaltungswille in der politischen Lyrik 1780-1848. Hamburg, 1971.
232. Stein P. Theorie der Politischen Dichtung. München, 1973.
233. Stephan I. Literarischer Jakobinismus in Deutschland 1789-1806. Stuttgart, 1976. S. 170-175.
234. Stern A. Der Einfluss der Französischen Revolution auf das deutsche Geistesleben. Stuttgart, 1928.
235. Stoll H.A. Johann Heinrich Voß. In 2 Bd. Berlin, 1962/1968.

236. Streitberger F. Der Freiheit eine Gasse – Die Lebensgeschichte des Christian Friedrich Daniel Schubart. Bietigheim, 2001.
237. Strodtmann A. Bürger's politische Ansichten // Neue Monatshefte für Dichtung und Kritik. Bd. 1. Berlin, 1875.
238. Stützel-Prüseler M. Die deutschen Lesegesellschaften im Zeitalter der Aufklärung // Lesegesellschaften und bürgerliche Emanzipation. Ein europäischer Vergleich. Hrsg. von Dann O. München, 1981. S. 71-87.
239. Szarota T. Der deutsche Michel: die Geschichte eines nationalen Symbols und Autostereotyps. Osnabrück, 1998.
240. The state of Germany. The national idea in the making, unmaking and remaking of a modern nation-state. Ed. by Breuilly J. New York, 1992.
241. Träger P. Die politische Dichtung in Deutschland. Ein Beitrag zu ihrer Geschichte während der ersten Hälfte unsres Jahrhunderts. Berlin, 1895.
242. Valjavec F. Die Entstehung der politischen Strömungen in Deutschland 1770-1815. München, 1951.
243. Vanchena L.A. Political Poetry in Periodicals and the Shaping of German National Consciousness in the Nineteenth Century. New York, 2000.
244. Vierhaus R. «Patriotismus» - Begriff und Realität einer moralisch-politischen Haltung // Ders. Deutschland im 18. Jahrhundert. Göttingen, 1987. S. 96-109.
245. Vierhaus R. Staaten und Stände. Vom Westfälischen Frieden bis zum Hubertusburger Frieden 1648–1763, Berlin 1984.
246. Voegt H. Die deutsche jakobinische Literatur und Publizistik. 1789-1800. Berlin, 1955.
247. Vogler G. Absolutistische Herrschaft und ständische Gesellschaft. Reich und Territorien von 1648 bis 1790. Stuttgart, 1996.
248. Volk, Nation, Nationalismus, Masse // Geschichtliche Grundbegriffe, Bd. 7. Stuttgart, 1992. S. 141-432.
249. Wandruszka A. «Was ist des Deutschen Vaterland?» Reichspatriotismus und Nationalgefühl vom Dreißigjährigen Krieg bis zum Wiener Kongreß //

- Heiliges Römisches Reich und moderne Staatlichkeit. Hrsg. von Brauner W. Frankfurt a.M., 1993. S. 161-168.
250. Warneken B.J. Schubart. Der unbürgerliche Bürger. Frankfurt a.M., 2009.
251. Weber E. Lyrik der Befreiungskriege (1812-1815): gesellschaftspolitische Meinungs- und Willensbildung durch Literatur. Stuttgart, 1991.
252. Wehler H.U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Band 1. 1700-1815. München, 1987.
253. Wehler H.-U. Nationalismus. Geschichte – Formen – Folgen. München, 2001.
254. Wehler H.-U. Nationalismus, Nation und Nationalstaat in Deutschland seit dem ausgehenden 18. Jahrhundert // Volk – Nation - Vaterland. Hrsg. von Hermann U. Hamburg, 1996. S. 269-277.
255. Wentzcke P. Geschichte der Deutschen Burschenschaft. Bd 1. Vor- und Frühzeit bis zu den Karlsbader Beschlüssen. Heidelberg, 1965.
256. Werner H.G. Geschichte des politischen Gedichts in Deutschland 1815-1840. Berlin, 1969.
257. Wertheim U. Der amerikanische Unabhängigkeitskampf im Spiegel der zeitgenössischen deutschen Literatur // Weimarer Beiträge. № 3. 1957. S. 429-470.
258. Whaley J. Germany and the Holy Roman Empire. 1493-1806. In 2 Vol. Oxford, 2012.
259. Wiese B. Politische Dichtung Deutschlands. Berlin, 1931.
260. Wild R. Politische Lyrik im Vormärz // Revolution 1848/49: Ereignis, Rekonstruktion, Diskurs. Hrsg. von Gudrun Loster-Schneider. St. Ingbert, 1999. S. 197-236.
261. Wilhelm U. Der deutsche Frühliberalismus. Von den Anfängen bis 1789. Frankfurt/M., 1995.
262. Wilke J. Das «Zeitgedicht». Seine Herkunft und frühe Ausbildung. Meisenheim am Glan, 1974.

263. Willms J. Nationalismus ohne Nation. Deutsche Geschichte von 1789 bis 1914. Würzburg, 1983.
264. Windfuhr E.E. Freimaurer im Göttinger Hain. Die Gebrüder Stolberg, Voss, Claudius, Bürger und ihre Beziehungen zur Freimaurerei. Frankfurt am Main-Hamburg-Mainz, 1955.
265. Winkler M. Die politische Akzentuierung des idyllischen Raumes bei Johann Heinrich Voss und André Chénier // Proceedings of the XIIIth Congress of the ICLA. München, 1988.
266. Winkler M. Idyllik und Sozialkritik bei Johann Heinrich Voss // Literaturwissenschaft und Geschichtsphilosophie. Festschrift für Emrich W. Hrsg. von Arntzen H. Berlin/New York, 1975. S. 302-319.
267. Wittmann R. Gibt es eine Leserevolution am Ende des 18. Jahrhunderts? // Die Welt des Lesens. Von der Schriftrolle zum Bildschirm. Frankfurt am M., 1999. S. 419–454.
268. Woesler W. Das Romerbild in deutschen Hermann-Dramen // Hermanns Schlachten. Zur Literaturgeschichte eines nationalen Mythos. Bielefeld, 2008. S. 41-59.
269. Wolters R. Die Schlacht im Teutoburger Wald. Arminius, Varus und das römische Germanien. München, 2008.
270. Würzler A. Medien in der frühen Neuzeit. München, 2009.
271. Wurzbach W. Gottfried August Bürger. Sein Leben und seine Werke. Leipzig, 1900.
272. Zimmermann H. Freiheit und Geschichte. F. G. Klopstock als historischer Dichter und Denker. Heidelberg, 1987.
273. Zimmermann H. Vom Freiheitsdichter zum Nazi-Idol. Friedrich Gottlieb Klopstock unter den Deutschen // Dichter und ihre Nation. Hrsg. von Scheuer H. Frankfurt a.M., 1993. S. 68-102.
274. Zürcher G. Reflexion und Agitation. Zu Begriff und Praxis des politischen Gedichts // Theobaldy J. Zürcher G. Veränderung der Lyrik. Über westdeutsche Gedichte seit 1965. München, 1976. S. 76-130.